

**АБХАЗСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

**МАТЕРИАЛЫ
НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ СТУДЕНТОВ,
АСПИРАНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ,
ПОСВЯЩЕННОЙ 100-ЛЕТИЮ М.М. ТРАПШ**

**(К 85-летию АГУ и 80-летию
Исторического факультета)**

Сухум, 2017

УДК 94(5)
ББК 63.3 (5Абх)64я 431
М 34

Редколегия: Авидзба В.В., Бгажба О. Х., Габелия А. Н.,
Дбар С.А., Квициния М.Б. (ответственный за выпуск),
Хашба А.М.

Материалы научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, посвященной 100-летию М. М. Трапш. – Редколегия: Авидзба В.В., Бгажба О. Х., Габелия А. Н. и др.; АГУ, исторический факультет. – Сухум: АГУ, 2017. – 153 с.

В данный сборник вошли материалы юбилейной научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых, посвященной 100-летию ученого, археолога Михаила Мамедовича Трапш.

Сборник рассчитан на студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей, всех, кто интересуется жизнью и деятельностью М.М. Трапш.

Издание приурочено к 85-летию АГУ и 80-летию Исторического факультета.

Г/р 978–5–155–09–02015

СМЫРЦХА С.,
Атоурыхтэ факультет IV акурс астудент
Ацснйтэи ахэынтқарратэ университет

Михаил Мамет-ица Трацшь ицстазаарен
ицтаарадырратэ усурен

Еищырдыруа апсуа археолог, апарауао, апедагог Михаил Мамет-ица Трацшь диит Келанырхэа акыта Абгаоара ахаблаёсы октиабр мза 1917 шықөсазы. Михаил иаб Мамет Шьахан-ица Трацшь ускантэи аамтазы апара бзиа змаз дыруазөкын, Батымтэи ацсылмантэ школ далгахьан. Уи адагьы, апарадырра иазгөышыуаз Мамет ихала ацсышөала аореи ацхьарси ицахьан, ихатөы библиотекагьы иман¹.

Ф-оык ахшара иахьрызхауаз Цыр хөычы (ус акөын ишиархөоз Михаил), апарадырра аганахь ала акыбао чыда ааирцшуан. Ари гөазтаз иаб, илшоз зегь кайцеит, ица апара бзиа иоурц азы. Уи азы Мамет, жөашықөса зхыцуаз ица, дтөицоит Гөдоутатэи абжьаратэ школ. 1933 шықөсазы Михаил ибзиазаны бжь-класск дрылгоит, уи ашықөсазгьы ицара иаицоит Гөдоутатэи акыта-нхамөатэ техникум асы.

1935 шықөсазы Михаил Мамет-ица дталоит, Акөатэи ахэынтқарратэ рцаоратэ институт, атоурых акөша.

Машөырны икамлөит, Михаил ари аоыза амөа ахьалихыз. Избанзар уи дшыхөчыз нахыс дахьынхөз аоны акөша-мыкөша ибон еиуөицшым аинтерес ду змаз ажөытө матөаркөа².

¹ Шамба Г.К. Михаил Трацшь. Акөа, 1978. Ад. 7-8.

² Вторая абхазская международная конференция. Посвящена памяти М.М. Трапш. Материалы конференции. Акөа, 2011. Ад. 6.

апрофессор Г.К. Ниоразе. 1949 шықәсазы М. Трацшъ, ибзоураны аспирантура хиркәшпит³.

Михаил аспирантураҕы ацара анидоз, иппрактикатә ҕазара аизырхаразы иерылаирхәхьан Қарттәылеи, Ермантәылеи, Урыстәылеи имҕацысуаз археологиатә экспедициақәа. Хықәкыла Михаил далахәын абарт реицш иказ аекспедициақәа: апрофессор А. М. Ацакизе напхгара зитоз Мцхетатәи аекспедициа; академик В.Д. Пиотровски напхгара зитоз Кармирблуртәи аекспедициа; апрофессор В.Д. Блаватски напхгара зитоз Тамантәи аекспедициа ухәа убас егьыртгьы.

Ацышәа ду змаз археологцәси иарси руссицура иабзоураны иоуз адыррақә иxy иархәаны, Михаил ихала исазикусит экспедициақәа реиҕкаара.

Михаил рацхьатәи ихатәы археологиатә экспедициатә усурақәа рымҕацгара исазикит иқыта гәакьаҕы.

1948 шықәсазы Михаил Мамет-ица, Кәланыхәа ақытан ихациркыз археологиатә жрақәа ирыбзоураны, арака иаарцшын ажәытә цьаз аамта иацанакуа ацсыжрақәа. Аекспедициа аан ицшааз аматериалқәа Акәатәи (Ахәынтқарратә) музеи иатан.

Азәыроы археологцәа ишышьяқәдыргылаз ала, Михаил Мамет-ица Кәланыхәа имҕапигаз иекспедициа иалцшәа хаданы иалыркааз акоюп, араатәи аматериал уаанза иаадырцшхьаз ажәытә цьаз аамта иацанакуа аматәрқәа иирейицшым.

1951 – 1952 шықәсқәа рзы⁴ Михаил Мамет-ица Трацшъ, иқыта гәакьаҕы археологиатә усурақәа ирыципит.

Ари аамта иалагзаны, Михаил Мамет-ица Трацшъ арака иааиртит жәаҕа хатгәын зпазкуа ажәытә цсыжра. Ацарауаҕ ишышьяқәйргылаз ала, Кәланыхәатәи ацсы-

³ Трапш М.М. Труды. Том 1. Сухуми, 1970. Ад. 11-12.

⁴ Материалы конференции. Ад. 6-7.

жырта иаман иара ахатэ чыдарақәа. Зсгь рацхьа иргыла-ны уи зыдхәалаз арака ицшааз археологиатә материалқәа ҫ-культурак реилазаара ырылтшәаз акакәын.

Актәи акультура атыцантәи – колхидаа иртәышьтаз-тгы, аобатәи – атәым хылцшьтрақәа, аамтала арахь иқәнагалаз аскифцәа иртәуп. Уи зырцабыргуа, хымца-да, ирцшааз аматәарқәа роуп. Жәаҫа хатгәын рахьтә, х-хатгәынк рсы аскифцәа иртәыз, 19 матәар аарцшын.

Урт рхыцхьазараҫы икан, асакы иаламҫашьоз аскиф-цәа ырыкацамтаз, хца-хца мтәыжәҫа змаз, зоура 3–5 сан-тиметр иназоз ахсәкәси, арцшзагакәси, асыматәси. Еи-қәахцхьазаз рнаҫсангы, Кәланырхәатәи адсыжыртаҫы, иара убас иаарцшын, аскифцәа рмартатратә нцәахацара иацанакуаз ақьабзқәа рыхәтак, уи асы анцслакгы, ма апшәма дантахалакгы икәадырны ишыказ анышә атара ауп.

М. М. Трацшь Кәланырхәа иаарцшыз аматериалқәа анализ рзуны, алкаа кайцоит, ацыз епоха аамтазы, гәы-цәык аскифцәа Адсны инхон хәа.

Михаил Мамет-ица Кәланырхәа археологиатә жрақәа мҫаигонацы, игәыгәтижьюамызт идиссертациатә усумтагы. Уака ицшааз аматериалқәа ихы иархәаны, 1951 шықәсазы Михаил Мамет-ица Қарт ихьчоит «Кәланырхәатәи ажәытә цсыжырта» хәа хыс измаз адиссертациатә усумта, атоурыхтә тцаарадыррақәа ркандидат хәа ахьз-гы дацсахоит.

М.М. Трацшь идиссертациатә усумта шыатас икацаны, аматериал ҫыцқәа аццаны, ихартәааны 1962 шықәсазы хаз шәкәны итыжбын⁵.

Михаил Мамет-ица иархеологиатә усурақәа рымехак сихагы итбаахсит, Ацсуатцааратә институт акны аусура даналага инаркны.

⁵ Шамба Г.К. Иарбоу аусумта. Ад. 14-20.

Михаил Мамет-ица Апсуатцаартѳа институт асы ау-сура иалагарей, аамтала Акѳа айташѳакѳыргыларатѳ усуракѳа рымѳацгарей сикѳшѳсит. Убас 1950 шыкѳсазы ихащыркыз ащтныкалакъ айташѳакѳыргыларатѳ усуракѳа раан, хыщхъазара рацѳала ажѳытѳ материалкѳа рщы-хъашѳѳ ианалага, силкаахсит, Акѳа аѳоурых атѳааразы, атѳаарадырра ацкаракѳа инарыкѳршѳаны, археологиатѳ жракѳа шымѳацгатѳыз.

Профессионалк иахасаб ала ари аус ду аиеѳкаара Ми-хаил Мамет-ица идгалан, иаргъы деицамхазакѳа лассы уи ахырхартала аусура далагоит.

Археологиатѳ жракѳа мѳацган Акѳатѳи ашьха иахъа-панакуа. Абракоуп рапхъаза акѳны, Ацсны иахъапанакуа иахъаарцшыз ажѳытѳ цъаз аамтазтѳи артѳагатѳ напказар-та.

Ускантѳи амтазы Михаил Мамет-ица иакѳын апрофес-сионалтѳ ѳазара ду зманы Ацсны археологс иказ. Иаргъы апстазаара иднацз атакпхыкѳра дацамхазакѳа, тѳамѳахѳ имамкѳа археологиатѳ жракѳа мѳаацигон, аха лассы сил-каахсит, имацара ари аус ду имч шаѳѳымхоз, убри акны-ти Ацсныка даацхъан ащышѳа ду змаз Қарттѳи археолог Александр Нестор-ица Каландазе.

Қырттѳыла атѳаарадырракѳа Ракадемиа акѳцарала Александр Нестор-ица Каландазе Акѳа имѳацысуаз архе-ологиатѳ усуракѳа напхгаѳысгъы дкалоит. Акѳатѳи ашь-хакны имѳацгаз аусуракѳа ирыбзоураны ицшаан ащъаз эпоха иацанакуаз зеицгыкам абакакѳа: абѳартѳарта, ащъаз сихакѳеи урт ахыщѳахыз ащыци, анхарта тызтыцкѳа ухѳа убас ицегъы.

Акѳатѳи ашьхащы ицшааз аматериалкѳа зегъ неилацан-ны, машѳырла аргыларатѳ адгъылжракѳа раан ирцшаа-зи, хыкѳкыла археологиатѳ жракѳа раан иаарцшызи хѳа ѳ-хѳтакны сихыршеит.

Аамтала иахгозар, ари атоурыхтә бака х-нызкы шыкәса иреипамызт⁶.

1952 шыкәсазы Михаил Мамет-ица археологиатә усурукәа ирыщицойт, Гәадихәы хәа иахыашытоу, Акәатәи ашыха аоадахы ишытоу атың акны.

Ацарауао ишазгәситаз ала, неолит аамта иацанакуаз ари абака, ргылан хыргәгәартак ахасаб ала. Иалшоит ари ахыргәгәарта амәтәы тзы ала икәыршазаргы.

Ахыргәгәарта анаосангы, Гәадихәы иаарцшын, зхыцхызара 91 хатгәын иназоз ажәытә цсыжыртагы.

Михаил Мамет-ица Гәадихәы имоапигаз аусуракәа раан иоуз аматериал дакәгәыңны ишыакәиргылеит, ацсыжра ацаскәа инарыкәыршәаны, аамтак азы арака ишущылоз о-цсыжратә қабзкәа: акы – ингумация хәа изышытоу ацсы изкәа рыла днышытацаны анышә иатара, егы – кремация хәа ирцхызо, ацсыбао абылра.

1956 – 1960 шыкәсқәа рзы Михаил Мамет-ица иусура зыдхәалаз Красныи Маиак атцаара акәын. Аамталагы ари абака, аитасратә период хәа изышытоу, ажәытә цыз акынтә, аиха заазатәи аамта иакәшәойт.

Михаил Мамет-ица ишазгәситаз ала, Красныи Маиак ицшааз ацсыжырта, ааигәа иказ ацыкхыш ршыоцәа рынхартә тың иатәын. Ацарауао ари абыза агәаанагара изцәыртра зыхкыз, зехынцъара ирцылоз ацыкхыш ашытакәа роуп.

Иазгәататәуп зызбахә хамоу абака штицаахыз Л.Н. Соловиовгы. Аха М. Трацш, Л.Н. Соловиов иааирцшхыз аматериалкәа инарчыданы илшеит ишыцны даса 150 хатгәын раарцшра.

М. Трацш ишазгәситаз ала, Красныи Маиак абакасы иааирцшыз аматериалкәа рыхәтак, аскиф хылцшытракәа иртәышытран. Ацарауао изы ари атагылазаашы,

⁶ Иара уа. Ад. 22-24.

ихѳта гѳгѳаны икалсит, уаанза Кѳланырхѳатѳи ацшаара-
кѳа дрыкѳгѳыцны аскифцѳа Ацсны икан хѳа иихѳахѳыз,
ашѳакѳыргѳгѳараѳы.

Красныи Маиак абакаѳы ирыцшааз хыцхѳазара рацѳа-
ла скифаа рматѳаркѳа.

Михаил Мамѳ-ица Трацѳь иархеологиатѳ жракѳа
раан иицшааз аматериалкѳа шыатас икацаны, ижѳытѳ
цѳыз аамѳа акнытѳ заатѳи аихатѳ аамѳа иацанакуа аитас-
ратѳ период иазкны, иаицеит хра злоу аусумтакѳа. Урт
рхыцхѳазараѳы икоуп «Памятники колхидской и скифской
культур в селе Куланурхва Абхазской АССР» захѳзу амоно-
графия, убас атцаарадырратѳ статиакѳа быжѳба: «Кула-
нурхвский древний могильник», «Грунтовые погребения с
инвентарем скифского типа в селе Куланурхва», «Новая ар-
хеологическая находка в Абхазии», «Грунтовые погребения с
инвентарем колхидского типа в селе Куланурхва», «Некото-
рые итоги археологического исследования в Сухуме в 1951-
1953 годах», «Итоги раскопок в селе Куланурхва в 1951 году»,
«Археологические раскопки в окрестностях Сухума».

Михаил Мамѳ-ица Трацѳь даараза илагала дууп, Ацс-
ны антикатѳи аамѳа атцаараѳгы. Хатала ари аамѳа иаца-
накуа абакакѳа, ахѳаарцшыз акалакѳ Акѳа иахѳацанакуаз
ауп.

Убас, 1952 – 1954 шыкѳсқѳа рзы, уаанза зызбахѳ ххѳа-
хѳоу Гѳадихѳы абака иахѳацанакуа имѳацгаз археологи-
атѳ усуракѳа ирыбзоураны иаарцшын хашыкѳс цхѳазара
калаанза V–III ашѳышыкѳсақѳа ирықѳлоу, антикатѳ цсы-
жыртакѳа. Михаил Мамѳ-ица Красныи Маиак иицшааз
ацсыжыртакѳа ракѳзар, урт рахѳтѳ 19 хашыкѳс цхѳазара
калаанза V – II ашѳышыкѳсақѳа иадихѳалоит⁷.

1953 шыкѳсазы, Акѳа, азиас Басла амшын иахѳалало
атан, иаарцшын амармалташь иалхыз, х-ѳык рсахѳакѳа

⁷ Трапш М. М. Иарѳоу аусумта. Ад. 15-17.

зныз астела. Михаил Мамет-ица иоуп рацхъаза, ари астела тцааны иахцѣажѣазгы.

Михаил Мамет-ица астела тцаауа, уа иану асахъакѣа рынагзашъа аицшыфра хадарас икацаны иазгѣсит, уи ыцъа, иаххѣап арцаѣи уи ицаѣи ирыкацамтоуп хѣа.

Астела ахѣтак хара хкынза имаазсит, иѣеуп. Аха сикѣхаз ахѣта тцааны, Михаил Мамет-ица, алкаа каиѣсит, ахатгѣын ахаргылара иазкыз ари астела кацан, ибеиаз бырзенк идцала хѣа⁸.

1958 – 1959 шыкѣсѣа рзы, Михаил Мамет-ица иархелогиятѣ цшаараѣа ирыциѣоит Акѣатѣи абаа акѣшамыкѣша. Ари аекспедиция рхы аладырхѣит астудентѣа Владимир Ориолкин, Шьалодиа Шаданиа, Тания Гыцба, Иури Цнариа.

Абрака имѣацгаз иаадырцшит абырзенцѣеи аурымцѣеи Ацсны рыказаара атѣы шыкѣзыргѣѣоз имачымкѣаны аматериал ѣыцѣа. Урт рыѣонутка икан апара ѣырпы, анышѣацшы иалхыз аныхаѣаѣ искулытура хѣычы, аѣыра зныз акъырмыт цѣыха. Ишыкѣзыргѣѣан ускантѣи аамтазы ара ишыказ акыцзырта, абаагѣараѣа, атзамцѣа, анхартаѣа ухѣа анхамѣеи арратѣ уси ирызкыз ахыбраѣа.

Иара убас ари аекспедиция излашыкѣнаргылаз ала, хызыслымхау аамтазоуп Акѣа аѣалакъ ахызгы Диоскуриа акынтѣ Себастиополис хѣа ианырцах.

Акѣатѣи абаа анаѣс, М.М. Трацшы ахтныѣалакъ авокзал азааигѣара иааиртит, аурымцѣа Ацсны рыказаара атѣы зхѣо, Одиенц хѣа изышытоу даѣа бакак.

Арака иаарцшын хашыкѣс цхъазара II ашѣышыкѣса иаѣанакуа, аурымцѣа идыргылаз ахыхъчаратѣ бааши, уи иаѣыз ахахѣтѣ тзамци. Абааш аѣонутка ирцшаакѣаз аматериалкѣа иреиуоуп аѣныматѣа, асаанкѣа, апхалкѣа, ан-

⁸ Шамба Г.К. Иарбоу аусумта. Ад. 41-43.

цəахəқəа Гермеси Меркурии рызбахə зхəо абыра зныз алашарбага кəачаб.

1968 шықəсазы, М.М. Трацш, Акəатəи ииекспедициа-кəа рылцшəақəа зегь сидкыланы «Древний Сухум» хəа за-хьыз, аиллиустрациала ибсиаз хаз шəкəны итижыт.

М.М. Трацш акыр шықəса дазгəышьуан ицаулоу ато-урых змоу Цабал атцаара. Уи археологк иахасаб ала иб-зиацəкьаны силикаауан уи ахырхартала икацоу шмачзоу, ишазымхо.

Ацсны ажəытə тоурых атцаарафы Цабал иааннакы-лоз атыц азгəатаны, Михаил Мамет-ица 1960 шықəсазы арака археологиатə усурақəа хациркоит.

Михаил Мамет-ица напхгара зитоз ари аекспедициа, иара убас иалахəын, анаос ацсуатцаарафы зышьта гьаца-за иаанзыжьыз Владимир Ориолкин, Михаил Гунба, Вера Деоник-Ковалевскаиа, Иури Воронов, Гьаргь Шамба, Олег Бгажəба.

Олег Хəыхəыт-ица жəицш шықəса ракəын ихьцуаз, Михаил Мамет-ицей иарей, рацхьаза акəны иаб Хəыхəыт Салуман-ица Бгажəба ианеибаирдырыз уи инаркны Олег Хəыхəыт-ица Бгажəба акырынтə Михаил Мамет-ица имəацигоз археологиатə експедициақəа иерылаирхəхан. Иара Михаил Мамет-ица иоуп хатала археология абзиа-бара изыркызгы.

«Он запомнился мне, как настоящий, скромный, принци-пиальный к себе и к окружающим» хəа азгəеитəит Олег Хəыхəыт-ица Бгажəба, Михаил Мамет-ица Трацш ипро-фессионалтə харакырей, иуəрей, иказшьеи азгəатə.

Ацышəа ду змаз ацарауаə, ацарауаа-сарацəа иваргыла-ны, х-шықəса инарзынацшуа Цабал акəша-мыкəша архе-ологиатə цшаарақəа мəацыргон. Арака, зхатəы хьызқəа зауз ирейуоп ажəытə цсыжыртақəа хəба: Ахьацарахə, Абгызарахə, Ахаччарахə, Арасархə, Алрахə. Арт ахьзқəа

азалзхызггы хатала иара ацсыжыртақәа аазырцшыз Михаил Мамет-ица иоуп. Аха иаaidкыланы арака ицшааз ацсыжыртақәа зеггы «Цабалтәи ацсыжыртақәа» хәа ауп ипашьтоу.

Цабалтәи ацсыжыртақәа, зхыцхязарала 86 ирситам, аамтала ихышәоу антикси, ицасоу абжьаратә шәышықә-сақәеи ирыцаркусит⁹.

Михаил Мамет-ица итцаарадыррақәа рхәаа амехак акыр итбаан, ҳазлацәажәахьоу ацызтәи антикатәи аспо-хақәа рнаоҭггы уи азәлымхара ду аитон абжьаратәи ашә-ышықәсқәаггы.

Уи аганахь ала, 1954-1955 шықәсқәа рзы, Михаил Мамет-ица Траццшь археологиатә усурақәа мѡапиҭсит Ба-грат ибаа хәа иахьашьтоу атыц асы. Ари аекспедиция иаб-зоураны Михаил Мамет-ица ишьяқәиргәгәсит, иахьа иаа-бо ари абаа ацәынхақәа X-XI ашәышықәсақәа рзы ишыр-гылаз. Аха иара уи адаггы, ацарауаѡ гәыѡбарак ацамкәа ишьяқәиргәгәсит, ари атыц асы уаанза ишыказ антикатәи аамта иацанакуа, интқааны иаххәозар ҳашықәс цхязара калаанза IV-II ашәышықәсқәа ирыцаркуа аиланхартақәа.

Михаил Мамет-ица ихаан, ацсуатцаараҭы ивагылаз ацарауаа ирсиуоуп – З.В. Анчабазе, Шь.Д. Инал-ица, Л.А. Шервашизе, В.П. Пачулиа, В.В. Бжьания ухәа убас егыртггы. Еикәахацхьаз атоурыхтцааѡцәа 1957 шықәсазы напы адыркусит, Ацсуа ҳәынтқарцәа рахтынра ахыказ, Анакәациатәи ашьха атцаара.

Ари аекспедиция аан ицшааз аматериалқәа ихаилдыр-кааит, арака неолит аамта инаркны ауаа тышпәинтәалан ишынхоз, VII-XII ашәышықәсақәа рзы ари ақалақь амчра акырза ихаракын, Кавказ Амшын Еикәа ацшахәа иахьа-цанакуа зегь рсиҳа ицәгәаз қалақьны икалоит¹⁰.

⁹ Материалы конференции. Ад. 8.

¹⁰ Шамба Г.К. Иарбоу аусумта. Ад. 64-66.

Хыхь зызбахә ххәахьоу аекспедициақәа рнаосангы, Михаил Мамет-ица иара убас далахәын, ускантәи аамтазы Ацсны ахьынзаназаазоз имџапысуаз археологиатә усурақәа. Убас 1956-1959 шықәсқәа рзы уи дрылахәын Гәдоутатәи, Галтәи, Очамчыратәи араионқәа рџы имџапысуаз археологиатә цшаарақәа. Ацсны аонуцака адаггы уи аус иухьан, антыцгы.

Убас 1964 шықәсазы Михаил Мамет-ица Трацшьи, аус ицзыуаз аетнолог Шь.Д. Инал-ица, аџацәтцааџы В. П. Пачулиси иаџааусит Маикәац ақалақь. Избанзар арака 1960 шықәсазы ицшаан акыр аинтерес зџоу, анаџс «Маикәацтәи аџыра» хәа ахьыз зауз ахахә.

Апарауаа рыџоуцка иџоуп агәаанагара, «Маикәацтәи аџыра» аамтала хашықәс цхьазара калаанза XIII-XII апшәышықәсақәа ирыцаркусит, насггы иара злаџу абызшәа, ацсуа бызшәа акырза иазааигәџоуп хәа.

Ацсуа царауааггы Маикәацтәи ахахә ахьырцшааз ратараггы зыдхәалаз, аџабырг апшәақәыргыларакәын.

Атыцантәи археологцәа П.У. Аутлеви П.А. Дитлери алархәны, ацсуа царауаа археологиатә усурақәа мџацыргџит, иаггырыцшааусит хашықәс цхьазара калаанза IV-III апшәышықәсақәа ирыцанакуа анхартатыц.

М.М. Трацшъ иекспедициатә усурақәа рнаосангы дара дазелымхан, ацсуатцаараџы иказ аихьзарақәа ажәлар рызнагара. Уи апыхәала дықәгылахьан ателсхәацшреи арадио рџы, лассы-лассы агазетқәеи ажурналқәеи рџы икьыцхьуан истатиақәа.

Михаил Мамет-ица дравторуп, 1960 шықәсазы итыцыз «Очерки истории Абхазии» аџы иану џ-хык.

1951 шықәса инаркны, Михаил-Мамет-ица дрылахәын Москва, Ленинград, Қарт, Кисв ухәа убас сгырт ақалақьқәа рџы имџапысуаз атцарадырратә конференциақәа. Арт аконференциақәа рџы, иекспедициатә усурақәа рылцшәақәа ирызкны ажәахәқәа каицон.

Михаил Мамет-ица ипрофессионалтə җазара аҳара-кыра азгəтаны, еснагъ уи иқəгыларакəа азəлымхара ду артəн, иара убас ахəшьара бзиагы артəн.

Михаил Мамет-ица аттаарадырра аганахь ирхаз аҗара анаҗсангы, уи уаҗык иахасабк ала, даара дазəлымхан аусуратə коллектив аонуцка аиҗызаратə сизыказаашьа-кəа раццара.

Ацарауаҗ М.М. Траццшь иҗызцəа рхыцхьазараҗы икан атоурыхтə тцаарадырраҗы ахьз ду иацсахаз Е.И. Крупнов, К.В. Голенко, В.Б. Ковалевская (Москва), Б.Б. Пиотровский, А.А. Иссен (Ленинград), А.М. Апакизе, О. Цьапаризе (Қарт), Б.Н. Аракелиан, А.А. Мартирозиан (Ереван), А.И. Тереножкин (Киев), А.Х. Халиков (Казань), Е. Похитонов (Прага) ухəа убас егьыртгы¹¹.

Ацарауаҗ итцаарадырратə усура инавартылары дазəлымхан Ацсны цхьака иацагылаша асар реицаазара. Уи 1955 шықəса инаркны ицстазаара далтаанза Акəатəи Ахəынтқарратə институт аҗы, астудентцəа дырзацхьон археология иазкыз алекциякəа.

Михаил Мамет-ица иацшьгарала итыцуа иалаҗсит ацсуа археология аматериалкəа реизга. Уи актəи ашəкəы, редакторсгы дыкан. Жəа-шықəса инарзынацшуа Қырттəыла археологиятə комиссия алахəылас дыкан. Михаил Мамет-ица 1960 шықəсазы акыцхь збаз «Ацсны атоурых аочерккəа» зҗыз дыруазəкын.

1967 шықəсазы, ацсуатцаараҗы иааирцшыз ицəбаа азгəтаны, ихтан «Ацсны АССР акны зeaцсaзтəыз анаукатə усзу» хəа ахьыз.

М.М. Траццшь Ацсны ахы-ацыхəа имҗааигаз аекспедициятə усуракəа ирылцшəаны иаицсит, иакымкəа иҗбамкəа, зыҗазара кыр ихараку атцаарадырратə усумтакəа. Аха урт рыла адоктортə диссертация ихьчартə сицш дзык-

¹¹ Траццш М.М. Иарбоу аусумта. Ад. 21-22.

амлеит. Октябр мза 1968 шықәсазы, Михаил Мамет-ица Трацшъ 51 шықәса дшыртагылаз ицстазаара далцуеит.

Михаил Мамет-ица Трацшъ данцы ашьтахъ, ибызцәа ацарауаа рыбзоурала икыцхын, цшъ-томкны иказ иусумтақәа реизга¹².

Михаил Мамет-ица Трацшъ қәра дук ниимцеит, аха иа-нашъаз аамта кьае иалагзаны илшеит, иахъа атцарадыр-рае еицш, хцараегъы зыда цсихәа ыкам, хтоурых ацабырг аазырцшуа аусумтақәа раццара.

Алитература

1. Вторая абхазская международная конференция. Посвящена памяти М.М. Трапш. Материалы конференции. Акәа, 2011.
2. **Трапш М.М.** Труды. Том 1. Сухум, 1970.
3. **Шамба Г.К.** Михаил Трацшъ. Акәа, 1978.

¹² Шамба Г.К. Иарбоу аусумта. Ад. 69-70.

ТРАПШ А.,
студентка 4-го курса
исторического факультета
АГУ

М.М. Трапш и археологические памятники села Куланурхва

Известному историку-археологу Михаилу Мамедовичу Трапш в этом году исполняется 100 лет. Он был уроженцем села Куланурхва, и первые его шаги в области археологии связаны с его родным селом. М.М. Трапш родился в семье крестьянина. Отец его, Мамед Трапш, отправил его учиться в Гудаутскую среднюю школу. После ее окончания в 1933 году Михаил Трапш поступает в Гудаутский сельскохозяйственный техникум. В 1935 году он поступает в Сухумский государственный педагогический институт на историческое отделение и завершает учебу с отличием. Призыв на службу в Красную Армию изменил планы молодого ученого, готовившегося поступить в аспирантуру в Тбилиси. Началась Великая Отечественная война, и М. Трапш встал на защиту Родины. В конце 1945 года он был тяжело ранен и после демобилизации вернулся на родину. В 1949 году М. Трапш поступает в аспирантуру Института истории им. И.А. Джавахишвили Академии наук Грузинской ССР под руководством профессора Г.К. Ниорадзе, по специальности археолога. По возвращении в Абхазию Михаил Мамедович начинает заниматься исследовательской работой. Им были проведены раскопки на Сухумской горе, в окрестностях города Гагры, римской башни в Сухуме и другие археологические исследования.¹ В 1956

¹ Бгажба О.Х., Скаков А.Ю. Вклад М.М. Трапш в изучение древностей Абхазии. Сухум, 2011. С. 5.

году впервые в Абхазии им было организовано исследование Сухумской бухты.

В 1950-х годах в Абхазии начались активные археологические работы, стала создаваться система научных взглядов, которые опирались на яркие археологические материалы. Именно в этот период в научную работу включился первый археолог-абхаз Михаил Мамедович Трапш. Он внес большой вклад в изучение древностей села Куланурхва. Им была опубликована монография и серия статей, которые были посвящены археологическим находкам в этом селе.

В 1948 году М.М. Трапш начинает самостоятельные раскопки в родном Куланурхва. Село расположено к северо-востоку от города Гудаута на живописной территории между двумя реками: с запада – Гудоу, с востока – Дахуарта. Этимология названия села, по мнению М.М. Трапш, отражает родовой характер древнего поселения и объясняется как «холм или возвышенность рода Кулан» (Кулана-рху). Село в основном лежит на нескольких холмах, название которых происходит от родов, населявших их. К примеру, Ачкацаа-рху (холм рода Ачкацов), Ерышаа-рху (холм рода Ерышба), Арюта и т.д.

На территории села протекают несколько речушек, образующих овраги. В 1986 году в русле одного из них (Адзага) местный житель Н. Хондзия нашел окаменелые кости китообразных рыб, которые указывают на геологический возраст этих террас. Село Куланурхва является местом непрерывного обитания человека с древнейших времен. Об этом свидетельствуют множественные археологические культурные остатки.²

Так, древнейшие орудия, обнаруженные в Куланурхва, относятся к эпохе неолита. В долине реки Дзыншта найдены отдельные каменные и кремневые орудия, характеризующие жизнь древнего населения села. Здесь также представлены

² Габелия А.Н. История села Куланурхва. Рукопись 1986 г. С. 1.

памятники последующей эпохи. Так, Ю.Н. Воронов в «Археологической карте Абхазии» приводит сведения об энеолитическом наконечнике стрелы, найденной в Куланурхва.

За энеолитической, т.е. меднокаменной эпохой следует эпоха ранней и средней бронзы. Это время появления бронзовых орудий, расцвета «дольменной» культуры в Абхазии. Памятники дольменной культуры хорошо известны в Бзыпской Абхазии, в местах, близких к селу Куланурхва (Отхара, Хуап).³ По сведениям Л.И.Соловьева, в селе Куланурхва также обнаружены остатки дольменов – интересных погребальных сооружений, которые указывают на развитую культуру местного населения. Большой научный интерес представляет хранящийся в коллекции Абхазского государственного музея медный топорик со свисающим узким, затупленным расширенным лезвием, характерным для эпохи ранней и средней бронзы. Некоторые исследователи считают этот артефакт прототипом одного из типов колхидского топора.⁴

Итак, на территории села Куланурхва обнаружены и частично исследованы археологические памятники всех этапов бронзового века, но наиболее полно представлен поздний бронзовый век, т.е. эпоха колхидской культуры. Колхидская культура – одна из наиболее ярких археологических культур Кавказа рубежа II-I тыс. до н.э., распространенной в основном на территории Западной Грузии и Абхазии. Памятники села Куланурхва являются исключительно важным источником для всестороннего изучения колхидской культуры. По мнению ряда исследователей, наиболее существенным компонентом местной, т.е. колхидской культуры, являются бронзовые топоры. Один из таких топоров случайно найден в селе Куланурхва местным краеведом А.Л. Лукиным.

Этот топор относится к первому типу по классификации

³ Габелия А.Н. История села Куланурхва. Рукопись 1986 г. С. 2.

⁴ Там же. С. 3.

О.М. Джапаридзе и характеризуется клиновидным обухом, прямым туловом и почти симметричным закругленным лезвием.⁵ Шейка топора охвачена пояском шириной 14 мм, заполненной косой, мелкой, перекрещивающейся штриховкой. Часть бокового поля заполнена узором из скошенных крестов, в обушной части грани окантованы рельефным витым шнурком. В коллекции Абхазского государственного музея имеются два бронзовых топора, найденные в 1950 году в Куланурхва на холме Тасраква.⁶ Первый из них – топор с клиновидным обухом, грани которого украшены шнуровым орнаментом. Боковое поле лезвия также украшено косыми насечками, между которыми проходят пунктирные линии. Другой топор с клиновидным обухом украшен гравированным елочным орнаментом. Рассмотренные топоры относятся ко второй половине VIII-VII вв. до н.э.

В работе А.Л. Лукина «Материалы по археологии Бзыбской Абхазии» опубликованы фотоснимки нескольких бронзовых предметов из села Куланурхва, которые датируются эпохой колхидской культуры (в первой половине I тыс до н.э.). Это тонкая булавка с Н-образной головкой, бронзовый пинцет из разрушенного погребения, бронзовое украшение в виде согнутого стержня, снабженного тремя рядами гвоздеобразных выступов, бронзовые предметы в виде стержня, покрытых косой насечкой.

В Абхазском государственном музее хранится комплекс бронзовых вещей из разрушенного погребения, которое было обнаружено на холме Ачкац в юго-восточной части села Куланурхва. В комплекс входили: большое ножное бронзовое кольцо полого литья, обломок бронзового листового пояса с зооморфной головкой, два бронзовых топора, один с клиновидным обухом и симметричным лезвием, по боковым полям

⁵ Джапаридзе О.М. Бронзовые топоры Западной Грузии. СА.18.1953 г. С. 5.

⁶ Габелия А.Н. История села Куланурхва. Рукопись 1986 г. С.4.

украшенный четырехугольниками, составляющими крест, ограниченный со всех сторон треугольниками. Возраст данного комплекса можно определить эпохой расцвета колхидской культуры, т.е. VIII-VII вв. до н.э.

М.М. Трапш в первые годы своей научной работы исследовал широко известный в науке Куланурхвский могильник эпохи поздней бронзы и раннего железа. Могильник был обнаружен в центральной части села, в 6-7 километрах от города Гудауты, на возвышенности, носящей название «Аджара» (Дубовая роща). В результате раскопок было вскрыто двенадцать погребений: одиннадцать человеческих и одно конское. Девять из них содержали инвентарь колхидской бронзы, остальные – скифской.⁷

Погребения были схожи меж собой, костяк лежал на спине в вытянутом положении, головой к морю, руки вытянуты вдоль тела. Исключение составило одно погребение, в нем было обнаружено наличие остатков конского костяка. Такой обряд погребения засвидетельствован и в Красномаяцком могильнике в Сухуме.

В 9-ти погребениях обнаружены фрагменты от металлических и глиняных сосудов. Керамика, найденная в могильнике, относится к местному производству. Сосуды были изготовлены из плохого теста глины с большой примесью песка, обжиг их был средним. Скорее всего, они производились на открытых кострах и очагах. Керамика Куланурхвского могильника по составу, обжигу и способу изготовления схожа с керамикой Аагстинского погребения. Аналогичная глиняная посуда была обнаружена М.М. Трапш в 1951 году на Сухумской горе.

В могильнике также присутствовало значительное количество вооружения: бронзовые колхидские топоры, железные топоры, ножи, кинжалы, наконечники копий, бронзовые и железные наконечники стрел скифского типа. Бронзовые

⁷ Трапш М.М. Труды. Т. I. Сухум, 1970. С. 98-167.

колхидские топоры были найдены в количестве пяти экземпляров. Наибольший интерес представляют два экземпляра. Первый – топор со скульптурной фигурой животного на рукояти, его деревянная рукоять украшена бронзой. Данный топор является уникальной находкой, и на всем Кавказе встречается редко. Второй экземпляр на бронзовой рукояти был покрыт зеленой патиной. Для датировки куланурхвских бронзовых топоров важное значение имеет Новочеркасский клад бронзовых изделий, в котором представлен топор, имеющий сходство с тремя куланурхвскими топорами. Комплекс Новочеркасского клада относят приблизительно к периоду от середины VIII века до н.э. до середины VII века до н.э. (750-640 г.).⁸

В пятом погребении были найдены железные топоры типа секиры – молота в количестве двух экземпляров. По овальным насадочным отверстиям и общему профилю данные топоры очень схожи с топорами колхидского типа «б» по уваровской классификации. Железные топоры типа Куланурхвских обнаружены при раскопках Красномаяцкого могильника в Сухуми в 1956 году.

В Куланурхвском могильнике железные ножи не являются редким предметом. Всего их было найдено шесть экземпляров, и принадлежат они к трем различным типам. К первому типу относятся два ножа со слегка изогнутой спинкой. Первый нож найден в первом погребении, на его ручке сохранились фрагменты костяных планок, которые были прикреплены двумя железными стерженьками. Второй нож встречается в одиннадцатом погребении. Ко второму типу относится один серповидный нож, найденный в девятом погребении. К третьему типу относятся три ножа с прямой спинкой. Первый нож найден в пятом погребении, он клиновидно суживается

⁸ Трапш М.М. Труды. Т. I. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии. Сухум, 1970. С. 165.

к концу. Второй нож обнаружен в десятом погребении, третий – в девятом, сильно фрагментирован. Данные ножи были обнаружены в некрополях Сухума, открыты и раскопаны Михаилом Мамедовичем в 1951 – 1959 годах. Железные ножи данного типа на Кавказе появились примерно к концу VIII – началу VII вв. до н.э., имеет широкое распространение как на Кавказе, так и в других регионах.⁹

Железный кинжал с заостренным концом был найден в пятом погребении. Рукоять его была плоской, снабженная по всему краю ободком для деревянной вставки. У широкого основания кинжала и на рукояти имеются по два стержня. Появление на Кавказе данного кинжала относят к началу VII в. до н.э.

В двенадцатом погребении были найдены железные наконечники копий в двух экземплярах. Они имеют листовидное перо, со слегка выделяющимся утолщением посередине. Первый наконечник от основания резко суживается к концу, второй наконечник постепенно суживается к концу. В 1951 – 1959 годах такие наконечники копий были раскопаны М.М. Трапш в некрополях Сухума. Железные наконечники в Закавказье в большом количестве появились в VII–VI в. до н.э.

Большой научный интерес представляют найденные здесь наконечники стрел скифского типа в количестве девятнадцати экземпляров (четырнадцать из них бронзовые, пять железные). В пятом погребении лишь один бронзовый наконечник стрел был найден в десятом погребении. Типологически они различны, но все являются характерными для скифской культуры. Наконечники стрел скифского типа в селе Куланурхва можно отнести к рубежу VII–VI в. до н.э.¹⁰

⁹ Трапш М.М. Труды. Т. I. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии. Сухум, 1970. С. 167

¹⁰ Там же. С. 168.

В состав инвентаря могильника входили предметы украшения, одежды, скульптурные фигурки животных, браслеты, пронизи, фибулы, цепочки с огнеобразными привесками, серьги, спиральная завитая трубка, крестообразная подвеска, булавка, бусы, поясные пряжки, гребень и т.д.¹¹

В Куланурхвском могильнике в наибольшем количестве представлены бусы из бронзы, стекла и т.д. Сердоликовые бусы с двухсторонним сверленным каналом встречаются в количестве 140 экземпляров. Все они имеют красно-бурый окрас, хорошо отполированы. Стекланные бусы шаровидной формы делятся на две группы по цвету. К первой группе относятся бусы из стекла золотистого окраса. Ко второй группе – бусы из мутного, чуть зеленоватого стекла. Бусы пастовые биколоческой формы, восемь экземпляров из сероватой пасты и четыре из желтой пасты; они весьма хрупкие и окрашивают пальцы. В погребении этих бус было много, но при прикосновении к ним они рассыпались в порошок.¹²

Итак, несмотря на то, что рассматриваемый могильник содержал сравнительно небольшое количество погребений, выявленные в них материалы являются важными археологическими памятниками. Они описали нам яркую жизнь древнего Куланурхвского населения. Значение данного могильника очень велико, так как в одном из могильников прослеживается связь местного населения со скифской культурой. Изучая могильники, М.М. Трапш пришел к выводу: «Основная культура древнего населения Куланурхва... соответствует колхидской культуре...».¹³

Сведения об археологических памятниках Куланурхвы расширила статья Ю.Н. Воронова и А.С. Вазнюк в журнале

¹¹ Там же. С. 169.

¹² Там же. С. 178.

¹³ Там же. С. 180.

«Советская археология» в 1975 году.¹⁴ В 1969 – 1971 гг. ими на холме Аджра была собрана значительная коллекция древних предметов, анализ которых свидетельствует, что здесь находилось многослойное поселение, которое относится к позднему этапу колхидской культуры.

Ими же на юго-восточном склоне холма было исследовано оссуарное погребение, выполненное в сосуде, установленном вниз горловиной в яме. В инвентарь погребения входил бронзовый кинжал с ритуальным разделом, два бронзовых пояса с пряжками, два бронзовых браслета, железный пинцет и т.д. Авторы датируют это погребение VIII в. до н.э. На территории села Куланурхва выявлены археологические памятники, свидетельствующие о том, что и в последующие эпохи – в античную, позднеантичную и раннее Средневековье – жизнь продолжалась.¹⁵

В коллекциях Абхазского государственного музея хранятся разнообразные предметы, хронологически относящиеся к античной и раннесредневековым эпохам. Это бронзовый круглопроволочный браслет, браслет с ромбовидно-пластинчатыми концами, два бронзовых перстня с печатками и т.д.

Другим памятником IV-II вв. до н.э. является исследованное на холме Тасраква погребение (сообщение Г.К. Шамба), в котором найден круглопроволочный браслет.¹⁶

Многочисленные находки, найденные по всей территории села, указывают на то, что и в Средние века жизнь в Куланурхве не затухала.

¹⁴ Воронов Ю.Н., Вазнюк А.С. Новые археологические находки в Гудаутском районе Абхазской АССР. СА. 1975. № 2. С. 268-274.

¹⁵ Габелия А.Н. История села Куланурхва. Рукопись 1986 г.

¹⁶ Там же. С.9.

Литература

1. **Бгажба О.Х., Скаков А.Ю.** Вклад М.М. Трапш в изучение древностей Абхазии. Сухум, 2011.
2. **Габелия А.Н.** История села Куланурхва. Рукопись 1986 г.
3. **Трапш М.М.** Труды. Т. I. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии. Сухум, 1970.

Из истории изучения палеолита в Абхазии

Начало изучения палеолита Абхазии приходится на 1933 год, когда Л. Н. Соловьев сделал первые находки кремневых орудий на территории села Яштуха севернее Сухума. В следующем году началась широкая фиксация палеолитических памятников, осуществлявшаяся специальной экспедицией Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР и созданного тогда же Абхазского научно-исследовательского института краеведения (АбНИИК), палеолитическим отрядом, в который в 1934 г. входил основоположник научного изучения палеолита Абхазии С. Н. Замятнин, Л. Н. Соловьев, М. М. Иващенко, а в 1935-1936 гг. – П. И. Борисковский, М. З. Паничкина и А. Н. Каландадзе. В течение этого периода Л. Н. Соловьев зафиксировал серию стоянок в Центральной и Южной Абхазии (Лечкоп, Гвард, Келасур, Апианча, Нижняя Лемса, Ягиш, Захаровка, Отап, Моква, Очамчира, Илор, Чай-Грузия, Ачигвара, Гал, Цхири, Чубурхиндж и др.), а С. Н. Замятнин – в Северо-Западной Абхазии (Гагра, Колхида, Отхара, Бармыш, Гудаута, Лыхны, Кюр-дере, Эшера и др.). Геологическое исследование этих стоянок в те же годы проводили Г. Ф. Мирчинк, В. И. Громов и Е. В. Шанцер.¹

Тридцать три местонахождения остатков палеолитической эпохи, констатированные в Абхазии за время трехлетних работ (1934-1936) экспедиции, располагаются более или менее равномерно вдоль береговой линии, охватывая все ее протяжение.

¹ Воронов Ю. Н. Научные труды. Т. 4. Сухум, 2014. С. 10.

Хронологически по характеру каменного инвентаря все эти местонахождения распадаются на три большие группы:

I. Древне-палеолитические, до-мустьерские местонахождения (Ашель, Клектон) – 10.

II. Мустьерские местонахождения, наиболее многочисленная группа – 23.

III. Верхне-палеолитические – 9.²

Раскопки пещерных стоянок палеолита в Абхазии были начаты в 1938 г. Л. Н. Соловьевым были произведены археологические разведки в гроте Кеп – Багаз близ с. Цебельды, где была обнаружена многослойная стоянка эпохи верхнего палеолита и мезолита. В том же районе он начал многолетние раскопки грота Хупына (Холодный грот), где оказалась многослойная стоянка мезолита, уходящая своими корнями в верхний палеолит.

В последующий период (1946-1957 гг.) специальных работ по изучению памятников каменного века Абхазии, если не считать кратковременных разведок Л. Н. Соловьева на Анухвском плато, не проводилось.

С 1958 г. Институт истории АН Грузинской ССР организовывает ежегодные экспедиции для изучения палеолита под руководством Н.З. Бердзенишвили, которые продолжили исследование Яштухской стоянки и произвели раскопку мезолитической стоянки в пещере Куабчара близ села Цебельды. С 1962 г. Н.З. Бердзенишвили вел исследование грота Джампальского в районе с. Амткел.³

Следующий этап изучения палеолита Западного Кавказа приходится на 60-70-е гг. XX в. и связан, в первую очередь, с именами И.И. Коробкова, Е.А. Векиловой и В.П. Любина.

В конце XX в. изучение каменного века Западного Кавка-

² Замятнин С. Н. Палеолит Абхазии. Сухум, 1937. С. 8.

³ Соловьев Л. Н. Первобытное общество на территории Абхазии. Сухум, 1971. С. 6.

за продолжили ученики В.П. Любина – Д.А. Чистяков, М.Х. Хварцкия и С.А. Кулаков.

Важным этапом в исследовании палеолита явились обширные полевые работы, предпринятые абхазским археологом М. Х. Хварцкия и геологом Н. Е. Поляковой в 1980–1991 гг. в Северной и Центральной Абхазии. В отличие от своих предшественников (С. Н. Замятнин, Л. Н. Соловьев, И. И. Коробков и др.), проводивших исследования главным образом в прибрежной террасированной зоне, М. Х. Хварцкия и Н. Е. Полякова приурочили свои рекогносцировки к полосе низких гор и даже средних гор (среднее течение реки Бзыбь между Главным Кавказским и Бзыбским хребтами). В ходе этих работ в Сухумском и Гудаутском районах было выявлено до 50 перспективных пещерных убежищ и столько же палеолитических местонахождений открытого типа.

Трудно переоценить значение пещерной стоянки эпохи мустье Мачагуа. Она расположена в селе Хуап Гудаутского района, и открыл ее местный крестьянин Мирод Гожба. Археологическое изучение успешно было начато молодым ученым-археологом Абхазского института Мушни Хварцкия.⁴

Особенности геологического строения памятников палеолита

В пределах Абхазии можно выделить несколько различных геолого-геоморфологических зон. Зона высокогорья – осевая зона водораздельного хребта – сложена нижнепалеозойскими кристаллическими комплексами: гранитами, гнейсами, кристаллическими сланцами. Она имеет высоты до 3900 м, для нее характерны формы рельефа, связанные с продолжающимся орогенезом, эрозионными врезами, современным оледенением.

⁴ Шамба Г. К., Бжания Д. С. Археологические работы Абхазского института. Сухум, 2003. С. 1.

У подножья водораздельного хребта расположена выработанная продольными речными долинами зона понижения. На отдельных участках она представлена межгорными котловинами, сложенными юрскими сланцами. На участках межгорных котловин долины рек Бзыби, Кодора имеют несколько уровней аккумулятивных речных террас.

Далее к югу выделяется зона среднеюрской вулканической (порфиритовой свиты), образующая широкий пояс гор. Горные массивы сложены, в основном, порфиритами, песчаниками и конгломератами. Этот горный пояс выделяется в рельефе крупной складчатостью, сильной расчлененностью речной эрозией. Долины рек здесь вследствие прочности слагающих пород имеют каньонообразные формы, глубина эрозионного вреза достигает 800 м.

Периферическая часть южного склона образована меловыми известняковыми толщами, слагающими карстовые массивы Арабика, Бзыбский, Охачкуэ, Квира. Карбонатные верхнеюрские отложения распространены в виде узкой полосы среди древних ниже- и среднеюрских отложений, наибольшее распространение имеют в северо-восточной части Абхазии.

Высокогорный карст развит на высоте до 2700 м в массиве Арабики, в Бзыбском массиве на высоте 2100-2400 м. На высоте 1400-2000 м находится область среднегорного карстового рельефа с карстовыми воронками, карами, котловинами, долины рек имеют каньонообразный и V-образный характер.

Вдоль всего побережья выделяется область холмистых предгорий. В пределах Калдахварского понижения это холмисто-грядовый рельеф с высотными отметками от 100 до 250 м. Слагающие породы представлены глинами, песчаниками, мергелями, залегающими моноклинально. Мюссерская возвышенность – это область низкогорного эрозионно-оползневого рельефа, формирование которого обусловлено эрози-

онным действием рек в глинах, песчаниках и конгломератах палеогена.

В районе Пицунды, Очамчиры, Гудауты выделяется зона приморской низменной равнины, на которой развиты речные и морские аккумулятивные террасы.⁵

Общая характеристика Яштухской стоянки

Яштухское палеолитическое местонахождение является наиболее важным памятником этой эпохи на Черноморском побережье Кавказа. Открытое в 1934 г., оно до настоящего времени остается самым крупным из числа ныне известных местонахождений. Экспедиционно оно подвергалось наиболее подробному исследованию и доставило самые многочисленные коллекционные сборы.

Яштухское местонахождение расположено в двух километрах к северу от Сухума, между Остроумовским ущельем и горами Яштуха и Бырцха. Оно находится на высоте 80–140 м над уровнем моря и представляет древнюю террасу р. Гумисты. В этом месте терраса хорошо выражена, имеет горизонтальную поверхность с заметным уклоном с севера на юг. В результате позднейшей эрозии она сильно рассечена молодыми долинками и балками. В направлении с севера на юг терраса разрезана глубокими узкими отвершками с протекающими по ним ручейками, впадающими близ Остроумовского ущелья в р. Сухумку. Шоссе из Сухума на село Михайловское и сопровождающие его каналы вскрывают верхнюю часть слагающей террасу галечника и лежащего выше делювиального суглинка. По выходе из Остроумовского ущелья, между двумя отвершками, километрах в двух от Сухума, шоссе поднимается на четвертую террасу и далее идет по направлению к ущелью между горами Яштуха и Бырцха. Здесь, у входа в

⁵ Хварцкия М. Х., Полякова Н. Е., Очередной А. К. Мачагуа – памятник среднего каменного века в Абхазии. СПб., 2005. С. 7-8.

ущелье, по обе стороны шоссе располагается центральная и самая значительная по размерам часть местонахождения. Она граничит на севере с южными склонами гор Яштуха и Бырцха, на западе – с р. Западной Сухумкой, а на востоке – с р. Восточной Сухумкой. Единичные кремни весьма архаичного облика собраны также на вершинах гор Яштуха и Бырцха. Обращает на себя внимание окатанность этих кремней. Некоторое количество каменных изделий Яштухского типа обнаружено на горе Чернявского, на самой ее верхней площадке.

Этого же типа кремни встречаются и в Остроумовском ущелье. Здесь находки, очевидно, происходят из выносов р. Сухумки, верховье которой прорезает четвертую террасу в месте расположения Яштухской стоянки.⁶

Полевые работы на Яштухской стоянке

Полевые работы на Яштухском местонахождении проводились в течение десяти сезонов археологическими экспедициями С. Н. Замятина (1934-1935), Н.З. Бердзенишвили (1958-1960) и И.И. Коробкова (1961-1965). Помимо этого, в период с 1933-го по 1972 гг. там эпизодически работал сухумский археолог Л.Н. Соловьев. Наряду с археологическими работами время от времени вели свои изыскания и геологи.

Методика археологических исследований этого обширного местонахождения сводилась в основном к сбору подъемного материала и наблюдениям за условиями залегания оббитых кремней в искусственных и естественных обнажениях различного рода (обрывы оврагов, промоины, карстовые воронки, дорожные выемки, глубокая вспашка и т. п.). Небольшие специальные вскрытия (раскопы и шурфы) выполнялись только на вершине горы Яштуха экспедицией Н.З. Бердзенишвили. Иногда делал зачистки различных обнажений Л. Н. Соловьев. Места находок фиксировались на топографических картах, а

⁶ Замятин С. Н. Очерки по палеолиту. М., 1961. С. 75-76.

участки находок – на примитивных кроках, на которых обозначались только реки, горы и дороги. В обоих случаях картировалась только основная восточная часть приморской и горной зон местонахождения (бассейн рек Восточной и Западной Сухумок, гор Яштуха и Бырца, ущелье между ними, урочище Суходол и гора Ахабюк). Планиграфическая фиксация участков находок предполагала возможность разграничения на местности разновременных палеолитических комплексов, что частично было осуществлено И.И. Коробковым и Л. Н. Соловьевым⁷

Индустриальные особенности

Под Яштухским местонахождением в широком смысле слова понимается группа локализующихся пунктов сбора древнепалеолитического материала у подножия и на верхних плато гор Яштух и Бырц. Оно включает 18 пунктов Л.Н. Соловьева, 30 пунктов С.Н. Замятнина, 7 участков на верхнем плато г. Яштух, исследованных Н.З. Бердзенишвили, а также примыкающие к Яштуху отдельные местонахождения Лечкоп, Красный Яштух, Бырц и Ахабюк. Другими словами, Яштухское местонахождение – это не одна стоянка, а целая группа разновременных стоянок древнего человека на высоких террасах и плато между реками Гумиста и Беслета.

В настоящее время, по мнению Любина В. П., морфолого-хронологический подход кажется недостаточным, а сам расклад по комплексам – неверным. Благодаря широким исследованиям ашельских индустрий в Европе и на Ближнем Востоке выяснилось параллельное существование индустрий с леваллуазской техникой (ашельских) и с преимущественным использованием техники гладкой площадки (тейякские, пре-мустьерские комплексы) на протяжении долгого периода

⁷ Любин В. П., Беляева Е. В. Страницы ранней преистории Абхазии. СПб., 2011. С. 16.

времени – от конца Миндель-Рисса и до интерстадиала Вюрм 1/11 (тейяк слоя 9 Умм-Катафы и ябрудиен Адлуна). Морфологические черты яштухских артефактов не могут поэтому служить хронологическим критерием расчленения материала по эпохам, а могут лишь подчеркнуть своеобразие (фациальное или культурное) тех или иных индустрий и комплексов Яштухского местонахождения. Возраст же их предстоит выяснить путем экстраполяции комплексов с определенными чертами сохранности (степень ожелезнения, выщелоченности и патинизации) с теми сходными предметами, которые найдены в четких стратифицированных условиях, в тех или иных слоях делювиальных суглинков Яштухского местонахождения. Подобные исследования на Яштухе еще предстоит провести.

Исследованиями Л.Н. Соловьева (Соловьев, 1971) в строении 5-й, яштухской террасы, к которой приурочены основные пункты сбора древнепалеолитического материала на Яштухе, установлено существование суглинков 3-х генераций. Основные покровные суглинки каждой из террас (3-й, 4-й и 5-й) связаны с образованием красноземов. В тех случаях, когда в них встречены артефакты *in situ*, они имеют ожелезнение поверхности 3-х степеней интенсивности: желтое, табачное и красно-коричневое, иногда в сопровождении прикипевших частиц почвы с окислами железа.

Образование красноземов принято связывать с повышенной влажностью и высокой температурой, т.е. с межстадиальными и межледниковыми климатическими осцилляциями. В покровных суглинках 5-й террасы 1-генерации встречены артефакты с наиболее сильным ожелезнением, иногда сопровождающимся выщелачиванием сырьевой основы – превращением предмета «в гнилой камень».⁸

⁸ Коробков И.И. Индустриальные особенности Яштухского древнепалеолитического поселения (Абхазия). М., 1981. С. 4.

Сырье

Исходным сырьевым материалом для изготовления каменных орудий на Яштухском местонахождении являлся почти исключительно кремень, что, казалось бы, позволяет причислить местные палеолитические индустрии к моносырьевым. Однако в индустриях разных эпох, представленных на данном памятнике, использовался разный кремень. Так, наиболее архаичные изделия, согласно С. Н. Замятнину, изготовлены из кремня датского яруса. Поверхность их имела ровный желтовато-белый цвет, она выветрена и патинизирована. Для изготовления мустьерских изделий использовался сенонский и туронский кремень серого и темно-розового цвета. Поверхность этих изделий покрыта пятнами желтовато-белой патины. Материалом для изготовления позднепалеолитических орудий служил туронский кремень розовато-красного и серового цвета. Он имел хорошую сохранность и отличался патиной в виде белого налета.⁹

Изучение Яштухской стоянки в наши дни

В 2014-2016 гг. совместный Российско-Абхазский археологический отряд возобновил полевые исследования палеолита Абхазии. Главным образом усилия были сконцентрированы ещё раз на поиск стратифицированных участков уже известных абхазских палеолитических памятников, а также новых памятников каменного века. В первую очередь, работы были произведены на Яштухском местонахождении.

В настоящее время все пункты Яштухского местонахождения практически недоступны, т.к. эта территория сейчас является северной окраиной города Сухума, плотно застроенной вплоть до южного склона горы Яштуха, и проведение не только земляных работ, но и просто возобновление, локализация и картирование пунктов сборов артефактов предшественников,

⁹ Любин В. П., Беляева Е. В. Страницы ранней преистории Абхазии. СПб., 2011. С.22

крайне затруднительно. Поэтому основной целью работ 2014 г. стало обследование урочища Суходол – ущелья-ложбины на северном склоне горы Яштуха. В результате этих работ были открыты новые концентрации каменных изделий.

Первым пунктом обследования стала большая поляна на северо-западном склоне горы Яштуха, которая является одновременно и южным бортом урочища Суходол, а на западе примыкает к обрывистому склону левого борта реки Гумиста. Каменные изделия – 2-го скола – были найдены на верхней поляне в месте её примыкания к склону горы Яштуха. Артефакты – ярко выраженных отщепа, изготовленные из местного крупнозернистого сырья, которое как раз, по мнению Л.Н. Соловьева, и использовалось для обработки в наиболее ранний период существования памятника (1971). Пункт получил название «Яштух-Суходол-Поляна».

Вторым местом сосредоточения внимания на Яштухском местонахождении в 2014 г. стал район стыка юго-западной оконечности урочища Суходол с сухой долиной реки Восточной палео-Гумисты. Этот мысовидный пункт привлёк внимание, в первую очередь, своей выложенной, террасовидной поверхностью. Здесь, на кукурузном поле, на площади не более 100 м², была собрана представительная коллекция артефактов, среди которых – 19 экземпляров изделий ранне-среднепалеолитического облика. В этом месте наряду с обычными яштухскими формами изделий были найдены два односторонних чоппера. Основную массу коллекции составляют, как обычно, разнообразные сколы – 15 экз. Наряду с этим, были найдены массивные скребковидное и нуклевидное изделия. Пункт получил название «Яштух-Суходол-1».

В 2015 г. на памятнике были произведены земляные разведочные археологические работы. Было заложено 2 шурфа и сделана зачистка края террасы. Кроме земляных разведочных работ на пункте Яштух-Суходол-1 были произведены сбо-

ры артефактов на распаханых поверхностях памятника. На пашнях А и Б, к которым прибавился далее на север новый участок сборов, названный пашня В, была опять собрана богатая коллекция артефактов разных эпох каменного века.¹⁰

Итоги и перспективы исследований

Новое обращение к большей части добытых материалов затруднено или даже невозможно. Некоторые коллекции находятся в Тбилиси, а некоторые утрачены. В Государственном музее в Сухуме совершенно отсутствуют, например, материалы, собранные Ю.Н. Вороновым, а также находки из пещерных памятников, исключая Мачагуа. Почти не представлены там и коллекции С. Н. Замятнина и И.И. Коробкова с Яштухского местонахождения. Для современных исследователей Яштухи доступны фактически лишь те сборы С.Н. Замятнина и И.И. Коробкова, что находятся в Санкт-Петербурге, а также небольшая коллекция из сборов Л.Н. Соловьева и И.И. Коробкова (около 1000 предметов), уцелевшая в Сухумском музее. В этом же музее имеется коллекция мустьерских изделий (348 экз.), собранных Л. Н. Соловьевым в Анухве. Сохранившиеся материалы по палеолиту Абхазии относительно невелики по объему.

По мнению Любина В.П. и Беляева Е. В., можно выдвинуть ряд предположений, которые могли бы способствовать развитию палеолитических исследований в Абхазии:

1. Крайне важно подготовить новых специалистов по каменному веку Абхазии.
2. Желательно предпринять все возможные меры по поиску тех материалов, которые еще можно найти (сборы Ю.Н. Воронова в районе Военно-Сухумской дороги и сборы Н.И. Гумилевского, хранившиеся в школьном музее с. Хейвани).

¹⁰ Кулаков С.А., Джопуа А.И., Цвинария И.И. Некоторые итоги совместных российско-абхазских работ по палеолиту в 2014-2016 гг. Доклад зачитан на международной научной конференции, посвященный 75-летию Ю.Н. Воронова.

3. При организации дальнейших исследований палеолита на территории республики было бы целесообразно обратить внимание на пещеры как на уже открытые опорные многослойные стоянки, так и на поиск новых памятников этого типа, которые, судя по всем данным, должны быть хорошо представлены в горах Абхазии.¹¹

Литература

1. **Воронов Ю. Н.** Научные труды. Т. 4. Сухум, 2014.
2. **Замятнин С. Н.** Палеолит Абхазии. Сухум, 1937.
3. **Соловьев Л. Н.** Первобытное общество на территории Абхазии. Сухум, 1971.
4. **Шамба Г. К., Бжания Д. С.** Археологические работы Абхазского института. Сухум, 2003.
5. **Хварцкия М. Х., Полякова Н. Е., Очередной А. К.** Мачагуа – памятник среднего каменного века в Абхазии. СПб., 2005.
6. **Замятнин С. Н.** Очерки по палеолиту. М., 1961.
7. **Любин В. П., Беляева Е. В.** Страницы ранней преистории Абхазии. СПб., 2011.
8. **Коробков И.И.** Индустриальные особенности Яштукского древнепалеолитического поселения (Абхазия). М., 1981.
9. **Бердзенишвили Н. З.** Нижнепалеолитические памятники предгорной зоны Абхазии. Тбилиси, 1979.
10. **С.А. Кулаков, А.И. Джопа, И.И. Цвинария.** Некоторые итоги совместных российско-абхазских работ по палеолиту в 2014-2016 гг. Доклад зачитан на международной научной конференции, посвященной 75-летию Ю.Н. Воронова.
11. **Любин В. П., Беляева Е. В.** Древнекаменный век Абхазии: итоги и перспективы исследований. Сухум, 2006.

¹¹ Любин В. П., Беляева Е. В. Древнекаменный век Абхазии: итоги и перспективы исследований. Сухум, 2006. С.63-64.

Тамышское поселение эпохи Колхидской культуры

Эпоха поздней бронзы и раннего железа в культурно- историческом развитии Кавказа и, в частности, Абхазии вызывает огромный интеллектуально-исследовательский интерес. По мнению большинства исследователей, с этой эпохой связано возникновение и развитие самобытных археологических культур. Именно тогда на территории Кавказа процветали археологические культуры, такие, как Кобанская, Колхидская, Прикубанская и др. Среди них вызывает интерес колхидская культура с ее памятниками, так как она охватывала территорию Абхазии. Многие археологи склонны считать, что территория Абхазии была одним из центров формирования и развития этой археологической культуры. По мнению ряда исследователей, «здесь получил развитие один из локальных ее вариантов¹. Огромный вклад в изучение данной археологической культуры внесли Б.А.Куфтин, Е.И. Крупнов, М.М. Трапш и многие другие². Отметим, что исследованием отдельных поселений колхидской культуры занимался В.В. Бжания, в частности одного из самых интересных поселений колхидской культуры на территории Абхазии – Тамышское поселение³.

В 1964 г. В.В. Бжания провел первые археологические работы в с.Тамыш Очамчирского района⁴. Исследования этого

¹ Габелия А.Н. Абхазия в предантичную и античную эпохи. Сухум, 2014.

² Куфтин Б.А. Материалы к археологии Колхиды. Том 1. Тб. , 1949.; Трапш М.М. Труды. Том 1. Сухуми, 1970.; Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.

³ Бжания В.В. Тамышское поселение эпохи поздней бронзы. В кн.: Сборник научных работ аспирантов. Сухуми, 1967.

⁴ Габелия А.Н. Абхазия в предантичную и античную эпохи. Сухум, 2014.

важного и интересного памятника в 1978 г. продолжила экспедиция Института археологии АН СССР и Центра археологических исследований Института истории, археологии и этнографии АН Грузинской ССР, которая вскрыла здесь значительную площадь и добыла разнообразный материал⁵. Как утверждают исследователи, для изучения общества, хозяйства и быта древнего населения огромное значение имеют бытовые памятники, прежде всего, древние поселения. Очевидно, что реконструкция материальной и духовной культуры древнего общества неполноценна, если отсутствуют данные бытовых памятников. Благодаря археологическим экспедициям в настоящее время на территории Абхазии выявлено более 30 пунктов с культурными слоями Колхидской культуры. Однако в силу различных причин до сих пор большинство из них являются до конца не изученными или же вообще не изученными.

Как уже выше подчеркивалось, одним из наиболее исследованных бытовых памятников Колхидской культуры на территории Абхазии является Тамышское поселение, открытое Ц.Н. Бжания в 1957 г. Поселение расположено на западной окраине с. Тамыш Очамчирского района, в 300 м от моря и в 200 м к востоку от левого берега Тоумуш. Оно представляет собой поляну, возвышенную на 1 м над окружающей территорией. Поляна прямоугольных очертаний занимает площадь 100х200 м, ориентирована с северо-востока на юго-запад и окаймлена почти со всех сторон ольховым лесом, а с восточной – заболоченным протоком, возможно, служившим рвом. На площади поселения четко различимы три расплывчатых возвышения высотой не более 1 м, представляющих собой остатки сооружений⁶.

Культурный слой поселения толщиной в среднем около 80 см расположен на участках размещения жилых сооружений и ям; мощность его превышает 1 м. В нем прослежены два горизонта. Материалы нижнего горизонта позволяют опреде-

⁵ Там же. С. 22.

⁶ Там же. С. 30.

лить время возникновения поселения рубежом II и I тысячелетий до н.э. Верхней хронологической границей памятников можно считать VII в до н.э.⁷

Верхний горизонт представляет собой суглинок светло-коричневого цвета, мощность 10 – 30 см. В основном этот культурный слой содержит в себе остатки предантичного периода, а также предметы средневекового периода.

Как отмечают исследователи, нижний горизонт сохранился лучше, чем верхний. Мощность данного культурного слоя достигает от 30 до 50 см.

В ходе археологических экспедиций было выявлено два типа построек на Тамышском поселении – это постройки прямоугольного плана и полуземлянки округлой в плане формы, диаметром около 5 м⁸.

Учет распространения находок на участке показал, что наибольшее количество находок приходится на восточное возвышение. Исключение составляли обломки сосудов с отпечатками ткани, которые концентрировались ближе к южному краю⁹.

На поверхности поселения вместе с обломками сосудов эпохи бронзы встречались фрагменты средневековых и современных сосудов¹⁰.

Собранная коллекция в ходе исследования поселения, относящаяся к эпохе бронзы, насчитывает 450 единиц обломков керамики, а также каменных орудий.

⁷ Габелия А.Н. Абхазия в предантичную и античную эпохи. Сухум, 2014. С. 31.

⁸ Барамидзе М.В., Бжания В.В., Пхакадзе Г.Г., Шамба Г.К., Квиркелия Г.Т., Чигошвили Т.Э. Основные итоги исследования на строительных площадках Абхазии. В кн.: Археологические исследования на новостройках Грузии. Тб., 1982.

⁹ Бжания В.В. Тамышское поселение эпохи поздней бронзы. – В кн.: Сборник научных работ аспирантов. Сухуми, 1967. С. 226.

¹⁰ Там же.

По мнению археологов, каменные орудия изготовлены из глинистого сланца, песчаника и гранита. В основном найденный набор каменных орудий состоит из зернотерок, мотыг, грузил и т.д. Отметим, что найденные в Тамышском поселении каменные орудия встречаются и в других бытовых памятниках, начиная с эпохи энеолита до поздних этапов бронзы¹¹. Среди находок огромный интерес представляют так называемые каменные диски.

Каменные диски с отверстием в центре известны из среднеазиатских (Геоксюр 1, Кара-Тепе у Артыка)¹² и переднеазиатских (Джармо)¹³.

В пределах Кавказа небольшие дисковидные камни со встречными ямками или законченными отверстиями известны из Агубековского¹⁴ и Долинского¹⁵ поселений на Северном Кавказе.

Форма дисковидного камня с отверстием слишком проста для того, чтобы только по ней можно было доказать или отрицать то или иное назначение этого предмета. Возможно, несмотря на типологическую близость в отдельных культурно-исторических областях, подобные орудия служили разным целям. Что касается тамышских орудий, то, на наш взгляд, они могли быть утяжелителями для палок-копалок. Предшественники мотыгообразных орудий палки-копалки могли использоваться только на мягких грунтах. На Тамышском же

¹¹ Соловьев Л.Н. Энеолитическое селище у Очамчирского порта в Абхазии. Труды Абх. ИЯЛИ. Выпуск XV. Сухуми, 1939; Бжания В.В. Мачарское поселение эпохи энеолита и ранней бронзы в Абхазии. СА. №1. 1966.

¹² Хлопин И.Н. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. М., 1964. С. 98.

¹³ Гордон Чайлд Древнейший восток в свете новых раскопок. М., 1956. С. 166.

¹⁴ Кричевский Е.Ю., Круглов А.П. Неолитические поселения близ г. Нальчика, МИА. № 3. 1941. С. 61.

¹⁵ Круглов А.П. Подгаецкий Г.В. Долинское поселение у г. Нальчика. МИА. №3. 1941. С. 184.

поселении грунт состоит из плотного суглинка с включением гальки и валунов. При такой почве обработка земли заостренной палкой неэффективна. Кроме того, к периоду существования Тамышского поселения местная земледельческая культура уже имела длительный опыт (свыше тысячи лет) использования более совершенных мотыгообразных орудий¹⁶.

Маловероятно также употребление рассматриваемых орудий в качестве грузил. На сравнительно небольшой территории Тамышского поселения найдено 75 каменных грузил для сетей. В зоне прибрежной полосы Абхазии подобные орудия являются массовыми находками почти во всех бытовых памятниках от энеолита до раннеантичной эпохи.

На Тамышском поселении встречались фрагменты сосудов, на поверхности которых видны отпечатки ткани и несколько обломков глиняных столбиков с развилкой на одном конце¹⁷. Однако, к сожалению, фрагменты с отпечатками текстиля представлены очень мелкими обломками, и именно поэтому специалистам очень сложно установить полную форму сосудов. Отметим, что самую многочисленную группу среди сосудов Тамышского поселения составляют горшки.

Отметим, что на Тамышском поселении расчищено 8 хозяйственных ям. Все они находились в северо-восточной части поселения, около и между постройками полуземляночного типа, имели в плане округлую форму (диаметр их в среднем около 1 м, а глубина 1,20)¹⁸. Очевидно, что эти выявленные ямы в ходе археологических работ служили для хозяйственных целей (в основном как хранилища продуктов).

В ходе археологических работ на Тамышском поселении получен многочисленный материал, в основном это каменный и керамический инвентарь. Безусловно, выявленный ар-

¹⁶ Бжания В.В. Древнейшее земледельческое орудие, Журн. «Алашара». Сухуми, 1965. № 5. С. 91 (на абх. яз.)

¹⁷ Бжания В.В. Тамышское поселение эпохи поздней бронзы.— В кн.: Сборник научных работ аспирантов. Сухуми, 1967. С. 230.

¹⁸ Там же.

хеологический материал на Тамышском поселении уверенно связывается с материалами других поселений Колхидской культуры, что еще раз доказывает тот факт, что Тамышское поселение принадлежит Колхидской культуре. Тамышское поселение, как и другие поселения (Бомборское, Мачарское и т.д.) рассматриваемого периода на территории Абхазии, свидетельствует о существовании абхазского варианта Колхидской культуры.

Литература

1. **Бжания В.В.** Древнейшее земледельческое орудие. Журн. «Алашара». Сухуми, 1965. № 5. С. 91 (на абх. яз).
2. **Бжания В.В.** Тамышское поселение эпохи поздней бронзы. В кн.: Сборник научных работ аспирантов. Сухуми, 1967.
3. **Барамидзе М.В., Бжания В.В., Пхакадзе Г.Г., Шамба Г.К., Квиркелия Г.Т., Чигошвили Т.Э.** Основные итоги исследования на строительных площадках Абхазии. В кн.: Археологические исследования на новостройках Грузии. Тб., 1982.
4. **Габелия А.Н.** Абхазия в предантичную и античную эпохи. Сухум, 2014.
5. **Гордон Чайлд.** Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956.
6. **Кричевский Е.Ю., Круглов А.П.** Неолитические поселения близ г. Нальчика, МИА, 3, 1941.
7. **Круглов А.П. Подгаецкий Г.В.** Долинское поселение у г. Нальчика. МИА. № 3. 1941.
8. **Куфтин Б.А.** Материалы к археологии колхиды. Т 1. Тб., 1949; **Трапш М.М.** Труды. Т 1. Сухуми, 1970; **Крупнов Е.И.** Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
9. **Соловьев Л.Н.** Энеолитическое селище у Очамчир-

ского порта в Абхазии. Туды Абх. ИЯЛИ, Выпуск XV; Сухуми 1939; Бжания В.В.Мачарское поселение эпохи энеолита и ранней бронзы в Абхазии. СА. № 1. 1966.

10. **Хлопин И.Н.** Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. М., 1964 .

ДЖОПУА И.А.,

аспирант

АБИГИ

Экономическое положение Абхазии в эллинистическую эпоху

Сложнейшим периодом в истории античности был период эллинизма, особенности которого не могут быть определены однозначно. Необходимо подчеркнуть, что эллинизм как феномен затрагивает не только материальную и духовную культуру, но и экономику общества. Особенности экономики в их конкретном проявлении могут быть сведены к следующим признакам: в области сельского хозяйства и ремесла – самый быстрый рост объема производства; увеличение товарности, при сохранении натурального уклада хозяйства; в области торговли – развитие товарно-денежных отношений.

В раннеантичный период население Абхазии развивает экономические связи с Афинами, Милетом, островами Ионического моря, с греческими городами Северного Причерноморья. Но после войн Александра Македонского в торговой жизни происходят существенные изменения. Афины и города Ионического бассейна потеряли свое значение, но зато важную роль стали играть города Черноморского побережья Малой Азии – Трапезунд и главным образом Синоп.¹ Из археологических находок импортной керамики IV-I вв., обнаруженных в различных пунктах Абхазии, наибольший вес принадлежит материалам из Синопы. В III-I вв. до н.э. синопский импорт занимал явно доминирующее положение: обломки синопских амфор, черепиц найдены в достаточно больших количествах.

¹ Анчабадзе З.В. История и культура Древней Абхазии. М., 1964. С. 149.

В эллинистическую эпоху устанавливаются новые экономические связи с рядом малоазийских и восточносредиземноморских центров – Пергамом, Мегарой и особенно Родосом. Об этом свидетельствуют материалы, обнаруженные при раскопках Диоскуриады и Эшерского городища. Это – обломки чернолаковых и краснолаковых сосудов, фрагменты местной посуды и привозной (Хиос, Фасос, Синопа и др.) амфоры, мегарские чаши.²

Обращает на себя внимание то, что в античную Абхазию завозились те же предметы и тех же производственных центров, что и в остальные области Понта Эвксинского.³ Поэтому Древнюю Абхазию следует рассматривать как составную часть в общей системе экономических связей Греции с Причерноморьем.

В IV–начале III вв. до н.э. экономика таких крупных торговых центров, как Диоскуриада, Эшерское городище, Гюэнос, переживает период своего подъёма. Однако следует заметить, что торговые связи относительно легко прослеживаются на археологическом материале, что не является свидетельством того, что она лежит в основе всей экономики.

Значительное место в хозяйственной жизни населения Диоскуриады, как и всей Абхазии, продолжало занимать скотоводство⁴, частично отгонное, и ведение зернового хозяйства, а также определенное место занимали лесоразработки, птицеводство и рыболовство. Из источников явствует, что продукты пчеловодства и корабельный лес фигурируют в числе предметов, экспортировавшихся из Абхазии.⁵ При этом обмен происходил как в денежной, так и в натуральной форме. Установившаяся торговля производилась при посредстве рынков Диоскуриады и Гюэноса.

² Габелия А.Н. Абхазия в предантичную и античную эпохи. Сухум, 2014. С. 222.

³ Лордкипанидзе О.Д. Древняя Колхида. Тб., 1979. С. 157.

⁴ Габелия А.Н. Абхазия в предантичную ... С. 225.

⁵ Анчабадзе З.В. История и культура Древней Абхазии. М., 1964. С. 130.

Диоскуриада широко была известна своими торговыми рынками. Согласно сообщению Тимосфена Родосского, жившего в III вв. до н.э., здесь для коммерческих сделок собиралось до 300 племен. Страбон, опираясь на источники III – I вв. до н.э., писал, что Диоскуриада является торговым центром для живущих выше и соседних народностей. Он отметил, что в этот город собираются 70 народностей, главным образом для покупки соли.

Установившиеся еще в V в. тесные связи протоабазго-апилов с Афинами сохраняют свое значение и в эллинистическое время. На это указывают многочисленные находки разнообразных чернолаковых изделий.

В IV в. до н.э. усиливаются контакты с Синопой, постепенно начинающей играть роль посредника между Колхидой и Средиземноморьем, которую она сохраняет до конца эллинистической эпохи. Как отмечалось выше, из Синопы в Диоскуриаду поступают амфоры с оливковым маслом, строительные материалы, столовая посуда, монеты и т.д. Неслучайно поэтому местное керамическое производство развивалось под непосредственным влиянием соответствующей продукции Синопы, такой как амфоры, черепицы, лутерии.

В IV в. до н.э. устанавливаются торговые связи и с другим важным центром торговли в Причерноморье – Гераклеей Понтийской. Отсюда также ввозятся вина и оливковое масло.

В свою очередь, Диоскуриада, как отмечалось выше, экспортирует лес, льняные ткани в большом количестве, что подтверждается обилием найденных археологами пирамидальных грузил для ткацкого станка, а также продукты земледелия и животноводства, мед. Судя по количеству найденных колхидских амфор в Северном Причерноморье, к IV в. до н.э. видное место занимает и экспорт вина. Если судить по количеству садовых принадлежностей для ухода за виноградом, то можно сделать вывод, что на прилегающих территориях Диоскуриады наблюдалось массовое производства винограда.

В IV – II вв. до н.э. аборигенное население Диоскуриады и его окрестностей при посредничестве торговцев-греков широко начинает использовать продукцию средиземноморских и причерноморских центров. Судя по количеству монет IV – I вв. до н.э. торговые операции жителей сельских поселений и аборигенного населения Диоскуриады с торговцами (греками) происходили посредством денег, в отличие от более раннего времени. Деньги иногда могли заменяться и на эквиваленты (натуральный обмен).

В IV – II вв. на территории Диоскуриады и в его окрестностях получают хождение серебряные монеты Александра Македонского и Филиппа III Македонского, подражания стартам Лисимаха, игравшим, как известно, на всем черноморском рынке роль «международной монеты».⁶ Распространяется монета Амиса и других центров.

В разное время в окрестностях города обнаружено довольно большое количество так называемых «колхидок», имевшее хождение и в VI – IV вв. до н.э.⁷ По мнению исследователей, возможно, они чеканились на территории Диоскуриады,⁸ как и золотые монеты.⁹ Если считаться с единственным имеющимся у нас фактом совместного обнаружения колхидок с родосской монетой II в. до н.э., можно предположить, что отдельные экземпляры этих монет находились в обращении более длительное время, чем это представлялось ранее.¹⁰

Также после Митридатовских войн, от 111 до 100 г. до н.э.,

⁶ Зограф А.Н. Античные монеты. Материалы и исследования по археологии СССР. Т. XVI. М., 1951. С. 100

⁷ Болтунова А. И. Колхидки. ВДИ. №IV. М., 1973. С. 97.

⁸ Воронов Ю.Н. Диоскуриада – Севастополис – Цхум. Научные труды. Т. IV. Сухум, 2014. С. 225.

⁹ Голенко К.В. Денежное обращение Колхиды в римское время. Л., 1964. С. 17-18.

¹⁰ Шамба С.М. Монетное обращение на территории Абхазии. Тб., 1987. С. 21-22.

по мнению некоторых исследователей, в Диоскуриаде чеканились медные монеты,¹¹ найденные в Северном Причерноморье и Малой Азии. На лицевой стороне монет имеются изображения шапок Диоскуров с шестилучевыми или восьмилучевыми звездочками над ними, на обратной стороне – тирса, палки с пиниевой шишкой на конце, по сторонам которого – надпись в три строки.¹²

Монеты, которые чеканились в Диоскуриаде в I в. до н.э., найдены на Боспоре и в Херсонесе. Наличие монет Диоскуриады в данном случае объясняется торговыми отношениями к концу эллинистического времени и связаны с военно-политическими изменениями вследствие войн Митридата VI. В результате археологических исследований в Эшерском городище и в Диоскуриаде найдены монеты времен Митридата, которые археолог, профессор Г.К. Шамба связывал с нахождением гарнизонов Митридата в районе Диоскуриады.

Итак, группа найденных монет в Сухуме (Амиса и Синопы) попала на Диоскурийский рынок в результате экономических взаимосвязей с малоазийскими центрами.¹³

Обнаружение медной монеты Херсонеса IV в. до н.э. на территории Сухума указывает на ранние связи и двух этих регионов, и на развитие денежного обращения на Диоскурийском рынке. Об этом свидетельствуют найденные в Сухуме медные монеты северо-причерноморских городов, которые чеканились в последующие периоды времени.

Таким образом, картина денежного обращения на территории Абхазии и с другими развитыми центрами имеет раннее происхождение. Судя по имеющимся монетным находкам, монеты середины VI – IV вв. до н.э. представляются в следую-

¹¹ Голенко К.В. К датировке монет Диоскуриады. Нумизматический сборник. Тб., 1977. С. 57-73; Лордкипанидзе Г.А. К истории Древней Колхиды. Тб., 1970. С. 19-21.

¹² Воронов Ю.Н. Диоскуриада – Севастополис ... С. 226.

¹³ Там же. С. 22.

щем виде: они исчисляются сотнями экземпляров (около 500 монет), и лишь три монеты принадлежат иноземным центрам – Амису, Синопе, Херсонесу. Следует отметить географию нахождения монет: район Диоскуриады и его окрестностей, с. Псырцха, села Набакеви (современный Галский район).

С наступлением эллинизма денежные отношения претерпевают значительные изменения. Как видно, появляются золотые статеры македонских царей Александра и Лисимаха, а позже и подражания этим статерам, которые на протяжении всего этого периода продолжают поступать из городов Северного Причерноморья, а также из Малой Азии, преимущественно Синопы. Из всего этого следует, что торговые связи имелись не только с Боспорским царством, но и с Херсонесом и Ольвией.

Следует отметить, что на местном рынке имеют распространение не только золотые и серебряные монеты, но и определенное количество медной монеты. По наблюдениям профессора С. Шамба, медная монета имеет обращение в основном лишь в прибрежной зоне.

О развитых экономических связях с античным миром указывают материалы, добытые в результате археологических находок. Это черепицы и амфоры, привезенные из Синопы и Гераклеи, Родоса, Фасиса, Книда, Пароса и других центров эллинистического мира.¹⁴

Найденные на территории Сухума Афинские тетрадрахмы говорят о торговых взаимоотношениях с далекой Атикой.¹⁵ Не исключено, что Афинские тетрадрахмы нового стиля могли попасть на Диоскурийский рынок из Малоазийских центров, где они интенсивно обращались.¹⁶

На базе развития сельского хозяйства происходит подъем разносторонней ремесленной деятельности. Наличие ос-

¹⁴ Трапш М.М. Древний Сухуми. Труды. Т. II. Сухуми, 1969. С. 192.

¹⁵ Шамба С.М. Монетное обращение... С. 47.

¹⁶ Лордкипанидзе Г.А. К истории Древней Колхиды. Тб., 1970. С. 106.

новных видов ремесленного сырья – дерева, металла и др., способствовало значительному развитию ремесленного производства.¹⁷ Одно из важнейших мест в экономике занимает металлургическое производство. Массовые находки разнообразных металлических изделий, многочисленных литейных форм и других орудий труда металлургов, применение всех известных в то время технических приемов литья,ковки, изготовление проволоки свидетельствуют о том, что металлурги снабжали орудиями труда, украшениями, предметами быта население Абхазии.

Значительного для того времени развития достигло ткачество. Помимо остатков текстильной керамики, на это указывают пирамидальные глиняные грузила-отвесы для вертикального ткацкого станка, пряслища и другие предметы, обнаруженные во время раскопок в Сухуме и других пунктах побережья Абхазии.¹⁸

Определенная часть ткацкой продукции шла на продажу. Это косвенно подтверждается сообщением Геродота о том, что «они (колхи) и египтяне одни обрабатывают лен и при том одинаковым способом».¹⁹

О достаточно высоком уровне керамического ремесла можно судить по значительному числу разнообразной местной керамики, появлению новых форм сосудов.

О весьма серьезном подъеме строительного ремесла мы можем судить по многочисленным общественным и жилым сооружениям, строительству и ремонту оборонительных стен, перепланировке и перестройке целых районов. Наглядным тому примером служит Эшерское городище.

Таким образом, можно констатировать, что в IV – I вв. до н.э. на территориях Диоскуриады, Эшерского городища, Гюз-

¹⁷ Трапш М.М. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии. Т. I. Сухуми, 1970. С. 73

¹⁸ Трапш М.М. Памятники эпохи бронзы и... С. 192.

¹⁹ Гулиа Д.И. История Абхазии. Т. I. Сухуми, 1925. С. 244.

носа намечился рост ремесленного производства, разввались товарно-денежные отношения, серьезных масштабов достигло строительство в результате интенсивных торгово-экономических отношений Древней Абхазии с рынком эллинистического мира.

Литература

1. **Анчабадзе З.В.** История и культура Древней Абхазии. М., 1964
2. **Болтунова А. И.** Колхидки. ВДИ. №IV. М., 1973.
3. **Габелия А.Н.** Абхазия в предантичную и античную эпохи. Сухум, 2014
4. **Голенко К.В.** К датировке монет Диоскуриады. Нумизматический сборник. Тб., 1977; Лордкипанидзе Г.А. К истории Древней Колхиды. Тб., 1970.
5. **Лордкипанидзе О.Д.** Древняя Колхида. Тб., 1979.
6. **Воронов Ю.Н.** Диоскуриада – Себастополис – Цхум. Научные труды. Т. IV. Сухум, 2014.
7. **Голенко К.В.** Денежное обращение Колхиды в римское время. Л., 1964.
8. **Шамба С.М.** Монетное обращение на территории Абхазии. Тб., 1987.
9. **Зограф А.Н.** Античные монеты. Материалы и исследования по археологии СССР. Т. XVI. М., 1951.
10. **Трапш М.М.** Древний Сухуми. Труды. Т. II. Сухум, 1969.
11. **Лордкипанидзе Г.А.** К истории Древней Колхиды. Тб., 1970.
12. **Трапш М.М.** Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии. Т. I. Сухум, 1970.
13. **Гулиа Д.И.** История Абхазии. Т. I. Сухум, 1925.

ВОЗИЯН М.В.,
магистрант
Абхазского государственного университета

К вопросу о греческой колонизации Восточного Причерноморья

В октябре 2017 года исполняется 100 лет со дня рождения неугомимого, талантливомго, выдающемого абхазского ученого-археолога М.М.Трапш. Он внес неоценимый вклад в историю абхазской археологии. Автор ряда бесценных научных работ, наиболее известная из которых – монография «Древний Сухуми», посвященная античному периоду истории эпохи древнейшего города Восточного Причерноморья.

Исторические и археологические исследования Сухума ведутся уже более ста пятидесяти лет. Издано большое количество научных статей и популярной литературы. К наиболее важным из них следует отнести работы: статью Л.Н. Соловьёва «Диоскурия – Севастополис – Цхум (1947), монографию М.М Трапш «Древний Сухуми» (1969), Ю.Н. Воронова «Диоскуриада, Севастополис, Цхум» (1980). Эти фундаментальные работы написаны на основе многолетних археологических исследований.¹

Проблема греческой колонизации Восточного Причерноморья является особо сложной в изучении истории древности края. По этой проблеме еще не выработано ни единого мнения. Известно, что благодаря письменным источникам и результатам археологических раскопок присутствие греков в Восточном Причерноморье признается всеми учеными, занимающимися этой проблемой.

¹ Агумаа А.С. Бжания В.В. Материалы М.М. Трапш к карте археологических памятников города Сухум. Вторая Абхазская Международная археологическая конференция. Сухум, 2011. С. 16.

В советской историографии наметились две популярные точки зрения. Рассмотрим их: одна группа включает ученых – А.И. Болтунову, Ю.Н. Воронова, Г.А. Лордкипанидзе, отчасти и Г.К. Шамба, Г.Ф. Дундуа, которые признают, что процесс греческой колонизации Колхиды привел к образованию эллинских полисов. Другая группа – О.Д. Лордкипанидзе, Т.К. Микеладзе Т.С. Каухчишвили, Г.Т. Квирквелия – отрицает возможность образования в Колхиде самостоятельных греческих полисов, как это было в Северном Причерноморье.²

Проблеме греческой колонизации Восточного Причерноморья посвящены работы О.Д. Лордкипанидзе. На основе археологических данных из местных колхских поселений он считает, что греческие поселения в Колхиде представляли собой эмпории, основанные при местных крупных поселениях городского типа. Ученый не отрицает, что греки сыграли важную роль в развитии торгово-экономических связей Колхиды с античным миром, «но не привнесли сложных эллинистических форм политической и социальной организации. Не было создано здесь не только настоящей античной культуры, хотя бы с превалирующим греческим обликом, столь обязательным при широких масштабах колонизации, но не ощущается сколько-нибудь заметной эллинизации местного населения».³

Вопроса о греческой колонизации Восточного Причерноморья касается в своих работах ученый А.Ю. Кахидзе. Он исследовал ряд греческих поселений и синхронных им колхских памятников и пришел к выводу, что данный регион был втянут в сферу торгово-экономических отношений с материковой Грецией ещё в конце VII века до н.э. По его мнению, в начальный период основную роль играли Ионийские города, возможно, на первых порах эти отношения носили натураль-

² Яйленко В.П. Греческая колонизация VII – III вв. до н.э. М., 1982. С. 44.

³ Лордкипанидзе О.Д. К проблеме греческой колонизации Восточного Причерноморья. Проблема греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тб., 1979. С. 195.

ный характер. Ведение торговли в течение нескольких веков, образование внутреннего рынка и включение местного населения в международные отношения, рост товарного характера местного производства способствовали процессу окончательного формирования Колхского государства.⁴

Образованию греческих городов и городской жизни Восточного Причерноморья посвятила много работ А.И. Болтунова. Она считает, что греки на ранних этапах колонизации обосновывались вблизи поселений местных племен, создавали мелкие торговые фактории, при этом иногда частично вытесняли местное население и захватывали близлежащие участки земли, превращая их в города-поселения. По ее мнению, греческие переселенцы занимались сельским хозяйством, рыболовством и другими промыслами, а главное – торговлей. Интересно отметить, что, говоря о взаимоотношении Диоскуриады и Колхидского царства, Болтунова пишет: «Если Колхидское царство и существовало, то в VI-V вв. до н.э. в его пределы, во всяком случае, не входила та территория, которую занимала Диоскуриада и ее хора...». Она также считает, что греки воздействовали на экономику и культуру аборигенов населения через и посредством своих городов в Колхиде.⁵

Вопросами греческой колонизации Восточного Причерноморья занимался абхазский археолог М.М. Трапш. По его мнению, в VII-VI вв. до н.э. население, жившее на территории современной Абхазии, переживает значительный сдвиг в своем экономическом и культурном развитии. Древние могильники,

⁴ Кахидзе А.Ю. Археологические раскопки Пичвнари и некоторые вопросы греческой колонизации Восточного Причерноморья. Проблема греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тб., 1979. С. 311-315

⁵ Болтунова А.И. Эллинические апойки и местное население Колхиды. Проблема греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тб., 1979. С. 264.

раскопанные в различных пунктах низменной части Абхазии, отчетливо показывают, что в V-IV вв. до н.э. здесь имелась выраженная имущественная дифференциация. В некоторых из них найдено много оружия, перстней-печатей, браслетов, серебра, монет, греческих чернолаковых сосудов, янтарных, постовых и стеклянных бус, в других – обнаружено очень мало предметов и при том недорогих.⁶

Население занималось в основном скотоводством и земледелием. В прибрежных районах и в плодородных долинах рек земледелие постепенно становится ведущей отраслью хозяйства, причем наряду с кое-где сохраняющимся старым мотыжным типом возникает и развивается земледелие с применением деревянного плуга и рабочего скота.

Сравнительно быстрому развитию Колхиды способствовала растущая внешняя торговля. В VI-V вв. до н.э. благодаря интенсивному развитию внешней торговли и внутреннему обмену здесь появляются местные серебряные монеты, так называемые «колхидки». С Кавказа вывозились: тис, самшит, корабельный лес, смола, пенька, льняные ткани, кожа, шерсть и т.д. Ряд древних авторов пишут о добыче здесь золота и серебра, упоминается также добыча сурика. Славилась в древнем мире и колхидские целебные травы. Особенно ценным товаром, привлекавшим внимание греческих купцов, был живой товар – рабы. Археологический материал показывает, что богатая верхушка коренного населения побережья Абхазии вела интенсивную торговлю с появлявшимися здесь греческими купцами. Изящные чернолаковые сосуды, отличные ткани, оливковое масло и т.д. можно было получить у греческих купцов в обмен на рабов.

В VI-V вв до н.э. на территории Абхазии на базе более древних местных поселений возникает ряд относительно крупных населенных центров. Таковы были, прежде всего, Диоскуриада

⁶ Трапш М.М. Древний Сухуми. Т. 2. Сухуми, 1969. С. 209-210.

и Питиунт и другие города, основанные греками из малоазийского города Милета. В IV-III вв. до н.э. в районе современного Сухума строились крупные каменные здания, крытые черепицей. Об этом свидетельствует найденная здесь первоклассная древняя черепица местного и привозного происхождения. Население города, судя по многочисленным находкам, поддерживало постоянную связь с древней Грецией. В IV-II вв до н.э. Диоскуриада играла на побережье Кавказа значительную экономическую и политическую роль. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что во II в. до н.э. в Диоскуриаде чеканилась своя собственная монета. Наряду с Диоскуриадой важную экономическую и политическую роль на побережье всей Колхиды позже стал играть город Питиунт. На побережье Абхазии, наряду с относительно крупными городами, были расположены и мелкие фактории, как, например, Гюэнос – в районе современного города Очамчира, Триглит – в районе Гагры.⁷

Возникновение греческих эмпориев, греко-местных поселений и городов на побережье современной Абхазии явилось итогом исторического развития античных государств Причерноморья. Греки основывали свои колонии в таких населенных пунктах, где имелись богатые природные ресурсы для развития сельского хозяйства и различных ремесел, а также людские резервы, которых можно было бы заставить работать в качестве рабов и зависимых полусвободных производителей. Решающая роль в основании городов принадлежала местному населению, уже подготовленному к городской жизни. Именно этот фактор М.М. Трапш считает своеобразием греческой колонизации в Абхазии.⁸

Изучение могильников Гуадику и Красный Маяк, поздние погребения которых прекрасно демонстрируют культуру

⁷ Трапш М.М. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии. Т. 1. Сухуми, 1969. С. 69-72.

⁸ Трапш М.М. Древний Сухуми. Т.2. Сухуми, 1969. С. 209-210.

местного населения эпохи античности, не могло не привести М.М. Трапш к исследованию процессов греческой колонизации. В этом вопросе ученый в целом шел в русле той парадигмы, которая в середине XX в. стала доминировать сначала в грузинской, а потом и в советской исторической науке. Данная концепция исходила из постулатов о высокой степени социально-экономического и культурного развития населения Колхиды к началу эпохи колонизации, о далеко зашедшей степени его консолидации, о наличии здесь сильного государственного образования и развитой городской жизни. Соответственно, принижалась роль греческих полисов и античной культуры в целом. Нет никаких оснований утверждать о наличии в это время устойчивой традиции государственности не только на данной территории, но и в более южных регионах. Напротив, за началом греческой колонизации последовали рост численности населения, формирование яркой материальной культуры, основанной на местных традициях, но учитывающей достижения античной культуры, появление четких признаков имущественного неравенства, считает Бгажба О.Х.⁹

Выдающийся археолог Ю.Н. Воронов в своих многочисленных работах не раз уделял внимание проблеме греческой колонизации Восточного Причерноморья. Он считал, что города Колхиды являлись продуктом греческой колонизации и по своему социально-экономическому, культурному и этническому облику мало чем отличались от греческих поселений в других районах Причерноморья. По его мнению, во всех сферах жизни колхидского общества с середины VI в. до н.э. с всевозрастающей силой ощущается глубокое воздействие античной культуры, которое невозможно объяснить иначе как присутствием в Колхиде хорошо организованных и вполне

⁹ Вторая Абхазская Международная археологическая конференция. Материалы конференции. Сухум, 2011. С. 12-13.

самостоятельных греческих городов, оказавших «большое влияние... на местное население».¹⁰

Исследователь многочисленных античных памятников Абхазии Г.К. Шамба считает, что по всему Восточному Причерноморью ранние греческие поселения возникали, как правило, рядом с морским берегом или чуть дальше, например, в селе Эшера. Во всех случаях поселения располагались близ местных поселений, богатых природными ресурсами. И несмотря на мирный характер взаимоотношений аборигенов с греками, последние пытались отгородить себя от местных.¹¹

Исходя из изложенного относительно социально-экономического, культурного, этнического облика городов Восточного Причерноморья на раннем этапе колонизации, к настоящему времени высказаны следующие точки зрения:

1. Поселения городского типа появились в Колхиде задолго до прихода сюда греков и независимо от них, а затем на протяжении всей своей дальнейшей истории оставались не греческими, а в первую очередь местными.

2. Города Восточного Причерноморья возникли на базе крупных местных населенных пунктов позднебронзовой эпохи под воздействием греков и с самого начала имели «смешанное» греко-местное население и лишь некоторые черты самоуправления.

3. Греческие поселения Колхиды представляли собой фактории без собственной экономической базы и располагались в качестве кварталов при местных городах.

4. Античные города Колхиды являлись продуктом греческой колонизации и по своему социально-экономическому, культурному и этническому облику мало отличались от греческих поселений в других районах Причерноморья.

¹⁰ Воронов Ю.Н. Научные труды. Т.1. Колхида в железном веке. Колхида на рубеже Средневековья. Сухум, 2006. С. 122.

¹¹ Шамба Г.К. Древний Сухум. Сухум, 2005. С. 118-119.

Для изучения греческой колонизации в каждом конкретном регионе, особенно на начальном ее этапе, важное значение имеет определение демографической и экологической ситуации в колонизируемых греками областях.

Как считает грузинский ученый О.Д. Лордкипанидзе, в совершенно иной ситуации проходила греческая колонизация на Восточном побережье Черного моря. Здесь, по его мнению, осуществляется непрерывный процесс развития местного населения, создавшего блестящую материальную культуру. По всей приморской полосе фиксируется его занятие земледелием и ремеслом, но при этом, в отличие от Северного Причерноморья, не происходит широкого освоения греками земельного пространства, организации полисов с производящей экономикой.

Для решения вопроса о демографической ситуации в окрестностях Диоскуриады должны быть использованы два момента. Первый, картографический, основан на сопоставлении данных о количестве поселений в окрестностях Сухумской бухты. Второй момент основан на подсчете погребений, выявленных к настоящему времени в окрестностях Сухумской бухты.

Однако исследователи, используя эти аргументы, приходят к противоположным мнениям. Так, в противовес большой группе исследователей, Ю.Н. Воронов считает, что в середине VI-V вв. до н.э. количество аборигенных поселений в окрестностях Сухумской бухты удваивается, и этот серьезный демографический сдвиг рассматривается как результат воздействия на окружающую среду древнейшего на этой территории поселения городского типа – Диоскуриады, вступившей с момента своего основания в стадию формирования системы «полис-хора».¹²

¹² Габелия А. Н. Абхазия в предантичную и античную эпохи. Сухум, 2014. С. 198-202.

Литература

Монографии

1. **Воронов Ю.Н.** Научные труды. Т.1. Колхида в железном веке. Колхида на рубеже Средневековья. Сухум, 2006.
2. Вторая Абхазская Международная археологическая конференция Материалы конференции. Сухум, 2011.
3. **Габелия А.Н.** Абхазия в предантичную и античную эпохи. Сухум, 2014.
4. Проблема греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Под. ред. О.Д. Лордкипанидзе. Тб., 1979.
5. **Трапш М.М.** Т. 1. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии. Сухуми, 1969.
6. **Трапш М.М.** Древний Сухуми. Т. 2. Сухуми, 1969.
7. **Шамба Г.К.** Древний Сухум. Сухум, 2005.
8. **Яйленко В.П.** Греческая колонизация VII – III вв. до н.э. М., 1982.

Статьи

1. **Агумаа А.С., Бжания В.В.** Материалы М.М. Трапш к карте археологических памятников города Сухум. Вторая Абхазская Международная археологическая конференция. Сухум, 2011.
2. Вторая Абхазская Международная археологическая конференция. Материалы конференции. Сухум, 2011.
3. **Болтунова А.И.** Эллинические апойкии и местное население Колхиды. Проблема греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Под. ред. О.Д. Лордкипанидзе. Тб., 1979.
4. **Кахидзе А.Ю.** Археологические раскопки Пичвнари и некоторые вопросы греческой колонизации Восточного

Причерноморья. Проблема греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Под. ред. О.Д. Лордкипанидзе. Тб., 1979.

5. **Лордкипанидзе О.Д.** К проблеме греческой колонизации Восточного Причерноморья. Проблема греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Под. ред. О.Д. Лордкипанидзе. Тб., 1979.

АВИДЗБА Д.З.,
мл. научный сотрудник
АБИГИ
СЧАСТНЫЙ Д.А.
аспирант
АГУ

Генезис наконечников копий в VIII-I вв. до н.э. на территории Абхазии

Одним из первых ученых, кто пролил свет на историю древнеабхазского оружия, был Михаил Маметович Трапш – первый профессиональный археолог-абхаз. Значительное место в его изысканиях занимали памятники Апсолии. За время археологических раскопок в Цебельде Трапш М.М. выявил свыше 180 захоронений, из которых 134 комплекса опубликовал. Именно этому ученому принадлежит термин «Цебельдинская культура», которую он отождествил с апсилами, предложив датировку, позже скорректированную в рамках II–V вв.

Номенклатура выявленных исследователем артефактов послужила основой для металлографических исследований, которые впервые были проведены другим ученым – профессором Бгажба Олегом Хухутовичем.¹ Это послужило основой типологизации различных видов вооружения, использовавшихся на территории Абхазии еще в VI-I вв. до н.э., которую дал Воронов Ю.Н. В своей работе «Вооружение древнеабхазских племен»² он классифицировал вооружение, разделив его на наступательное и оборонительное, оружие ближнего и дальнего боя.

Объектом исследования данного вопроса в статье является копьё. Оно имеет самую богатую историю, являясь древней-

¹ Бгажба О.Х. По следам кузнеца Айнара. Сухуми: Алашара, 1982.

² Воронов Ю. Н. Вооружение древнеабхазских племён в VI-I вв. до нашей эры. В книге: Скифский мир. Киев, 1975.

шим видом оружия, которое использовал человек, начиная от палеолита до наших дней. Первым копьем ученые считают простую палку с обожженным острием. Для абхазов этот своеобразный вид оружия проявился в виде «алабашья». Профессор Ш. Инал-ипа пишет: «Это было довольно массивное колющее оружие, впоследствии посох, делавшийся из крепкой породы, преимущественно из особо обработанных молодых елок, клена или кизила. «Алабашья» была неразлучным спутником всякого охотника и пастуха».³

По мнению И. А. Аджинджала, «алабашья» была весьма примитивным предметом – слишком коротким и неудобным для поражения врага на расстоянии. Поэтому, предполагает он, люди перешли к более удобному для метания оружию – к копью.⁴

Классический вариант копья – это заостренный наконечник из камня, рога, кости, металла, насаженный на длинное древко. Соединялись они путем вставки наконечника в пазы, приклеивания смолой, обвязывания ремнями, сухожилиями или растительными волокнами.

В бронзовом веке устройство наконечника изменилось. Мастера кузнечного дела стали отливать единую конструкцию, состоящую из пера-клинка и полый трубки для насадки клинка. Через отверстия в трубке проходили заклепки, прочно соединявшие наконечник с древком.

У предков абхазов копье могло достигать длины в 2-2,5 м. По сообщению того же И. А. Аджинджал⁵, к середине древка могла прикрепляться специальная петля, которая при метании натягивалась указательным пальцем правой руки, а копье держалось первым и третьим пальцами. Наличие такой петли помогало метнуть копье на гораздо большее расстояние.

³ Инал-ипа Ш. Абхазы Сухуми: Абгосиздат, 1960. С. 199-223.

⁴ Аджинджал И. А. Из этнографии Абхазии, Сухуми: Алашара, 1969. С. 391.

⁵ Аджинджал И. А. Указ. Соч. С. 391.

На наш взгляд, еще одной важной особенностью копья с петлей является способ его использования. Оно могло применяться преимущественно пешими воинами, т.к. воинам-всадникам для увеличения силы броска легче было бы использовать движущую силу своих коней. Возвращаясь к археологии, следует обратить внимание на находки из Краснояцкого могильника, которые тщательно изучил М.М. Трапш. Этот могильник является ярким примером бронзового века, а именно VIII–VI вв. до н. э. В погребениях 34, 42, 43, 56, 63, 90, 94, 104, 105 были обнаружены наконечники копий. Все экземпляры представлены втульчатыми с листовидно-подтреугольным пером, по продольной оси которого проходит четкое ребро, являющееся продолжением втулки. На нижней части втульчатой трубки обычно имеются сквозные отверстия, служившие для закрепления копья на древке. По способу изготовления втулки наконечники могут быть разделены на два типа:

1. Наконечники с открытой раскованной и свернутой в трубку втулкой. Их всего 11 экземпляров. У наконечника из 34-го погребения втулка в верхней части орнаментирована поясками высоких остроугольных зигзагов.

Из этих 11-ти экземпляров наконечников один – овального очертания в нижней части пера, два – со скошено-утолщенным очертанием краев пера при переходе к втулке, три наконечника – с тупоугольным очертанием нижней части пера, пять наконечников имело перо в виде равнобедренного треугольника. Их размеры следующие: общая длина – 14-25 см, наибольшая ширина пера, обычно у основания, – 3,1-3,3 см, диаметр втулки – 1,1-1,5 см.

2. Наконечники с цельнолитой втулкой. Всего их два экземпляра. Первый наконечник имеет овальную форму. Второй – тупоугольного очертания при переходе пера к втулке. Их размеры следующие: длина – 16,5 см, ширина пера – 3 см, диаметр втулки – 1,3-1,4 см. Первый тип наконечников ко-

пий М. М. Трапш относит по способу изготовления трубчатой втулки к колхидской культуре Западного Закавказья⁶

На территории Абхазии подобные наконечники известны из могильников Приморского, Эшерского⁷, Ново-Афонского, Абгархукского⁸ и др. районов. В Восточном Закавказье рассматриваемый тип наконечников копий не засвидетельствован.

Что касается второго типа наконечников копий, с цельнолитой втулкой, то на территории Абхазии они пока нигде больше не обнаружены. Зато в других пунктах Закавказья они есть. Это Южная Осетия и Мингечаурский могильники⁹

Территориальное распространение наконечников копий с цельнолитой втулкой показывает, что этот тип характерен для всего Кавказа. Скорее всего, первый тип наконечников является более ранним, нежели наконечники второго типа. Оба они характерны для эпохи бронзы. Поэтому погребения, где были обнаружены эти экземпляры, можно отнести к VII в. до н.э.

В январе 1976 г. древние предметы были обнаружены у с. Анухва, близ Нового Афона, случайно, при сельскохозяйственных работах (рис.1).

Их количество составило 38 штук, пять из которых представлены бронзовыми наконечниками копий. Все они с широко раскрытой втулкой и пером, резко выраженным срединным продольным ребром, которое является продолжением втулки по обеим сторонам наконечника. Оба наконечника имели по два круглых, противоположно расположенных отверстия на

⁶ Трапш М.М. Труды. Т.1. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии. Сухум, 1970. С. 180.

⁷ Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды. Т. 1. Тбилиси, 1949. С. 140.

⁸ Лукин А. Л. Материалы к археологии Бзыбской Абхазии. Труды. ОИП-КГЭ. Т. 1. Л., 1941, Табл. VII, 1, 2,4.

⁹ Трапш М.М. Указ. Соч. С. 180.

втулке для крепления древка. Один из этих наконечников – легких, стройных очертаний, с изящным листовидным пером – орнаментирован по втулке изображением извивающейся змеи, исполненным гравировкой (рис. 1, 2). Это пресмыкающееся, часто помещаемое на топорах, не наносилось на копья. Вообще, орнаментированный наконечник копья – редкость. Известно несколько копий в колхидской культуре с изображением собаки, лошади, рыбы, но нет с изображением змеи. Длина наконечника – 19,9 см. Его перо короче втулки на 1,9 см. Неорнаментированный наконечник иных пропорций, крупнее, значительно массивнее. Его длина – 21,7 см. Втулка и перо по длине почти равны.

Хуже сохранились остальные три наконечника копий (рис. 1, 3–5). Один из них – в нескольких обломках – с длинной втулкой (при общей существующей ныне длине 24,3 см на втулку приходится 16 см). Втулка под прямым углом переходит в перо, которое тем самым имеет прямое основание. Форма пера треугольная. У второго наконечника, с относительно хорошо сохранившимся небольшим, красивой листовидной формы пером, отломана часть, и, возможно, большая, втулки, а от третьего осталась лишь очень незначительная часть пера и втулки.

Имеются еще отдельные фрагменты наконечников копий. Эти обломки, вероятно, представляют не менее трех наконечников, но они не могут создать полного впечатления о внешнем виде.

Аналогии подобных наконечников копий охватывают довольно обширный круг памятников Западного Закавказья, например, клад из Лухвано (два наконечника – инв. № 1727/6,

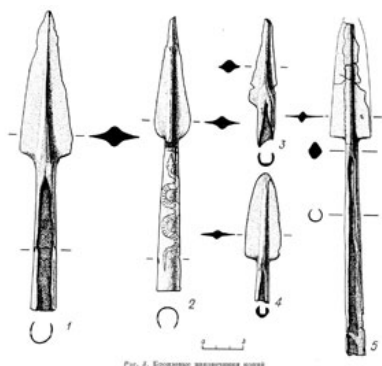

Рис. 1

7), погребение в пос. Новый Афон (находка 1928 г., коллекция А. Л. Лукина в Эрмитаже, два наконечника – инв. № 1291/148-149), погребения в с. Приморское, пос. Кюр-Дере и в Эшере.¹⁰ В 2002-2003 гг. Гудаутская археологическая экспедиция Института археологии РАН и Абхазского института гуманитарных исследований им Д.И. Гулиа проводила исследования в Гудаутском районе Абхазии. В 2002 г. в селе Абгархук было обнаружено поселение, предварительно датированное серединой – второй половиной II тыс. до н.э.¹¹ В 900 м к западу от раскопанного участка поселения удалось обнаружить остатки погребения, на дне которого, среди прочих находок, был замечен бронзовый наконечник копья.

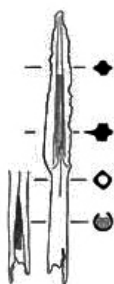

Рис. 2

Наконечник копья небольшого размера, длина сохранившейся части – 17,1 см, с поврежденной, частично обломанной втулкой, сохранившей остатки дерева от древка (рис.2.). Наконечник копья можно отнести к остролистным, перо у которых имеет наибольшую ширину ближе к втулке. У копья длина вытянутого подтреугольного пера – 10 см, максимальная ширина первоначально – около 2 см.

Переход от втулки к перу плавный, скругленный.

Аналогичные наконечники копий известны на территории Бзыбской Абхазии в Нижней Эшере (коллекция 1930 г.) и в комплексах Красномаякского могильника (погребения 48, 62, 85). У близкого по очертаниям пера наконечника копья из погребения 1940 г. на Бамборской поляне иначе оформлен переход от втулки к перу. Также несколько отличается от абгархук-

¹⁰ Доманский Я. В. Новый комплекс колхидской культуры из Абхазии // Труды Государственного Эрмитажа. Том XX.

¹¹ Скаков А. Ю. (ИА РАН), Джопа А. И. (АБИГИ), Шамба Г. К. (АБИГИ), Новый могильник колхидской культуры в Бзыбской Абхазии// Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 4.

ского наконечник копья из клада в Нижней Эшере, с его слабо выраженной пламевидностью. Все эти комплексы могут быть помещены в пределах VIII–VII вв. до н.э. Также в 2002 г., в указанном выше районе был обнаружен наконечник бронзового копья с частично поврежденной разомкнутой орнаментированной втулкой (Рис.3).

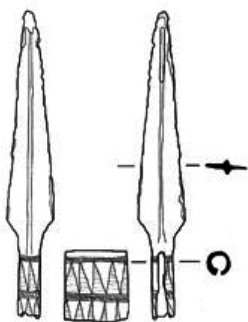

Рис. 3

У наконечника копья присутствует некоторая вогнутость перехода от пера к втулке. По перу, от его основания до острия, проходит нервюра. Перо имеет вытянутую подтреугольную форму.

По своему декору из заполненных треугольниками поясков копье из Абгархука близко к наконечнику из погребения 48 Красномаяцкого могильника, датируемого VIII – первой половиной VII вв. до н.э. Другой близкой аналогией является наконечник из погребения 9-го могильника Фарс, отнесенного А.М. Лесковым и В.Р. Эрлихом к ранней хронологической группе и датированного по узде «предновочеркасского облика» первой половиной – третьей четвертью VIII в. до н.э. Наконечники из Красного Маяка и Абгархука почти идентичны. Безусловно, находка копья на этом же склоне, чуть в стороне от обнаруженного нами погребения, свидетельствует о наличии здесь крупного могильника колхидской культуры.

Все перечисленные памятники находятся в Абхазии или же в прилегающей области – на территориях распространения колхидской культуры – и являются типичными, присущими ей комплексами.

Со временем копье постепенно перешло в пик, так как древний воин Абхазии был конным, и ему пика была особенно необходима. Древко у этих пик было более коротким, чем у пик других народов, а железный наконечник – более длинным

и круглым, с острым концом. Пика являлась необходимой принадлежностью вооружения древних абхазских воинов.

Примером железных наконечников копий можно считать открытие погребения в 120 м северо-восточнее Эшерского городища, на восточной стороне современного так называемого армянского кладбища.

В погребении было найдено пять массивных листовидных железных наконечников копий с расщепленными трубчатыми втулками и листовидными формами пера (Рис.4).

Размеры колеблются от 43 до 62 см. Отметим, что столько же копий и тех же типов засвидетельствовано близ Сухума в одном погребении V-III. Как показывают раскопки древних могильников Абхазии, формы этих железных наконечников копий были известны, по крайней мере, еще с VIII – VII вв. до н.э.

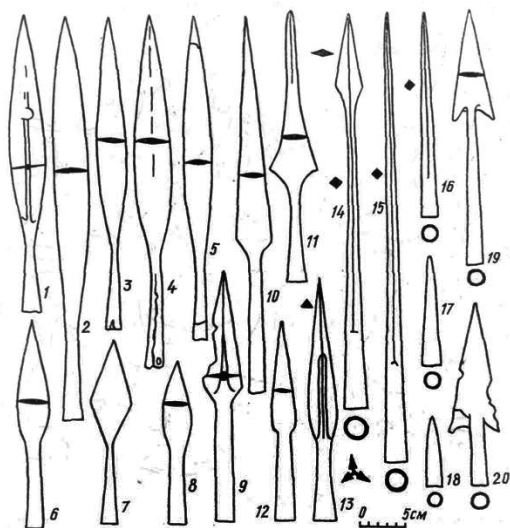
По наблюдениям М. М. Трапш, железные наконечники копий своим листовидным пером с четким или слегка выделяющимся срединным ребром и втулкой напоминают бронзовые наконечники копий древнекавказских типов, изготовленные техникой литья. Это предположение, высказанное еще в 1962 г., подтвердилось новой находкой в селе Нижняя Эшера, состоящей из клада боевого оружия из однотипных бронзовых и железных наконечников копий и бронзовых топоров с клиновидным обухом колхидского типа¹².

Перейдем к классификации Ю.Н. Воронова¹³, по которой железные наконечники копий подразделяются на три типа:

- 1) лавролистные:
 - а) с узким продольным ребром на пере (рис.4, 1);
 - б) без ребра (рис.24, 3, 2-8) 12;
- 2) наконечники с «остролистным» пером:

¹² Шамба Г.К., Абхазия в I тыс. до н.э. Сухум: Алашара, 2000; Об одном раннеэллинистическом захоронении представителя древнеабхазской знати из села Эшера. Известия. Т. I, Тбилиси, 1972. С. 98-112.

¹³ Воронов Ю.Н.. Указ. Соч. С. 218-234.

Наконечники копий и дротиков:
1, 5, 6, 8 — Гауд-Иху; 2—4, 7, 9, 10, 14—20 — Сухумская гора; 11 — Ниж-
няя Эшера; 12 — Гульрипш; 13 — Бешкардаш.

Рис. 4

а) с узким продольным ребром на пере (рис.4, 9)¹⁴

б) без ребра (рис.4, 10-12)¹⁵;

3) трехперый наконечник (рис.4, 13).

Наконечники первого типа восходят по форме к соответствующим скифским образцам VI-V вв. до н. э. Прямые аналогии лавролистным наконечникам без ребра имеются в метотских могильниках Прикубанья.

Наконечники второго типа также несут на себе определенные черты влияния оружия скифского типа, одновременно восходя к местным железным наконечникам VIII-VII вв. до н. э.

Трехперость третьего типа, вероятно, следует объяснить влиянием формы соответствующих скифских наконечников стрел.

¹⁴ Воронов Ю.Н. Указ. соч. С. 218-234.

¹⁵ Там же. С. 218-234.

Наконечники дротиков трех типов:

1) с четырехгранным узким стержнем и коротким концевым пером (рис.4,14); 2) со штыковидным четырехгранным острием (рис.4, 15, 16); 3) с длинной тульей и треугольным жаловидным острием (рис.4, 19, 20).

Как полагают, четырехгранность стержня рассматриваемых наконечников восходит к колхидским образцам эпохи ранней бронзы. В то же время наличие четырехгранного стержня у скифских дротиков IV-III вв. до н. э. позволяет предположить связь соответствующих абхазских наконечников, в особенности их первого типа, с близкими к ним по форме не только стержня, но и острия скифскими дротиками типа мастюгинских. Наконечники с треугольным жалом имели широкое распространение в Скифии и Прикубанье в V-III вв. до н. э.¹⁶. К дротикам либо к подтокам (26) относятся конические наконечники, что, возможно, подтверждается тем, что в погребении № 9 с Сухумской горы, где они найдены, им численно соответствуют лавролистные наконечники копий без ребра. Все описанные типы наконечников копий и дротиков на территории Абхазии в комплексах сочетаются с инвентарем V-II вв. до н.э.

Постепенно боевая часть древнеабхазских копий несколько изменяется – перо сужается и вытягивается, срединное ребро, не доходя до конца, двумя резкими возвратами уходит вдоль краев к основанию.

Подобную точку зрения можно встретить в совместной статье Воронова Ю.Н. и Шенкао Н.К.¹⁷ Авторами указывается на ранние формы подобных наконечников копий, бытовавших на территории Абхазии еще в V-III вв. до н.э. О том, что данный тип наконечников известен в могильном инвентаре Абхазии с эпохи поздней бронзы и раннего железа, говорит

¹⁶ Мелюкова А. И. Вооружение скифов. САИ. Вып. Д 1-4, М., 1964. С. 44-45.

¹⁷ Воронов Ю.Н. Шенкао Н.К. Вооружение воинов Абхазии IV-VII вв. н.э.// Древности эпохи великого переселения народов V-VII вв. М., 1982. С. 127.

и Гунба М.М.¹⁸ В этом смысле интересны наконечники четвертого типа, они также имеют более древние аналогии. Несмотря на это, ученые не исключают, что рассмотренные наконечники второго, четвертого и пятого типов из Цебельды могли соответствовать тем образцам, которые находились на вооружении византийских войск.

В статье Гунба М.М. отмечены четыре наконечника копий первого типа из Цебельды. По словам ученого, первая пара имеет разрезные втулки, а вторая пара – обычные, цельные. В обоих случаях погребальные комплексы датируются достаточно точно II-III вв. На рисунке, приводимом автором, эта особенность втулок показана не ясно. Нет четкой уверенности в том, что перед нами не треснувший наконечник. Но если автор все-таки прав, то подобные экземпляры в бронзовом исполнении действительно встречаются во времена колхидо-кобанской культуры. Доказательство последнего может служить еще одним аргументом в пользу вековой преемственности и местного происхождения оружия этого типа.

Суммируя все данные, мы можем сделать вывод о том, что вооружение на территории древней Колхиды, в частности на территории современной Абхазии, имело тенденцию постепенного развития, совершенствования и новаций, которые со временем вполне могли стать традиционными. Объективными причинами этому процессу, на наш взгляд, служили естественные изменения в культуре, обществе и, конечно же, во взаимодействии с другими племенами и народами.

Литература

1. **Аджинджал И. А.** Из этнографии Абхазии. Сухуми: Алашара, 1969.
2. **Бгажба О.Х.** По следам кузнеца Айнара. Сухуми: Алашара, 1982

¹⁸ Гунба М. М. Абхазия в I тысячелетии н.э. Сухуми: Алашара, 1989. С. 71.

3. **Воронов Ю.Н.** Могилы апсилов. Итоги исследования некрополя Цибилиум в 1977-1986 гг.
4. **Воронов Ю. Н.,** Вооружение древнеабхазских племен в VI-I вв. до н.э., Киев: Скифский мир, 1975.
5. **Воронов Ю.Н. Шенкао Н.К.** Вооружение воинов Абхазии IV-VII вв. н.э.//Древности эпохи великого переселения народов V-VII вв. М., 1982.
6. **Гунба М.М.** Абхазия в I тысячелетии н. э. Сухуми: Алашара, 1989.
7. **Доманский Я. В.** Новый комплекс колхидской культуры из Абхазии //Труды Государственного Эрмитажа. Т. XX. Л., 1978.
8. **Инал-ипа Ш.Д.** Абхазы Сухуми: Абгосиздат, 1960.
9. **Куфтин Б. А.** Материалы к археологии Колхиды. Тб., 1949.
10. **Лукин А. Л.** Материалы к археологии Бзыбской Абхазии. Труды. ОИПКГЭ. Т. I. Л., 1941.
11. **Мелюкова А. И.** Вооружение скифов, САИ, вып. Д 1-4. М., 1964.
12. **Скаков А. Ю.** (ИА РАН), Джопуа А. И. (АБИГИ), Шамба Г. К. (АБИГИ), Новый могильник колхидской культуры в Бзыбской Абхазии// Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 4. 2004 г.
13. **Трапш М. М.** Труды. Т. II. Сухуми: Алашара, 1969.
14. **Трапш М.М.** Труды. Т.1. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии. Сухуми, 1970.
15. **Г. К. Шамба.** Абхазия в I тыс. до н.э. Сухум: Алашара, 2000. Об одном раннеэллинистическом захоронении представителя древнеабхазской знати из села Эшера. Известия. Т. I. Тб., 1972.

**Акэатэи астела
(ажэахэ атезискэа)**

Ишдыру еицш Апсны антика аамта иатцанакуа атоурых атцаарафы, Акэа ақалақы уи акэша-мыкэшеи хқырацэала ицшааз археологиатэ материалқэа, акрызтазкуа атыц ааныркылоит.

Урт аматэарқэа зегы иаарылукааратэ икоуп «Акэатэи астела» хэа изышытоу ицасоу антика аамта иатцанакуа амармалташытэ хахэ.

Амармалташытэ хахэ машэырла иаапшит азы атцака 1953 шықэсазы, Акэа ақалақы азиас Басла амшын иахбалало армарахытэи аган афы. Излархэо ала, ари астела апхыа избаз, усқан иқэыпшыз, аха анафс Урыстэылеи, уи антытци зыхыз нафыз атцарауаф ду Иури Сенкевич иоуп.

Иара антикатэ аамтазы зегь рейха атцакы змоу казаратэ усумтоуп.

Амшын атцафы ицшааз «Акэатэи астела», рацхыаза тцаарадыррала иахцэажэаз Михаил Мамет-ица Трацшь иоуп. Уи ишазгэеитаз ала, казарыла инагзоу ари астела, аамтала хашықэс пхыазара калаанза 430 – 420 шықэскэа ирытцаркуеит. Аеакала иаххэозар уи антика-цасаз икатцаз бакоуп.

Михаил Мамет-ица астела иану асахыеи уи акомпозициеи дырзаатгыланы иазгэеитеит, уи хыык рсахы шану. Астела иану ахыык рсахы акынтэ, атцарауаф ишазгэеитаз ала, иперсонаж хаданы иалкаауп, акэардэ харақ иқэтэоу апхэысеибеи, лапхыа лшыамхы знапқэа ықэтцаны илыхэапшуа игылоу ачкэын хэычи.

М.М. Трацшь излашыақэиргэгэо ала, ари ахэычы, апхэыс лца иакэзар калап. Апхэысгыы мацк лхы ларкэны, лыблақэа таа лхэычы дихэапшуеит.

Асахъағы, иара убас, иубартоуп афырхацэа хадацэа ры-
вара, лнапы шэындыкэра хэчык ыкэыргылыны даға пхэыс
ёак дышгылоу. Ацарауаа ари апхэыс ёа илку ашэындыкэра
дазаатгылыны иазгэеитеит, уи апхэыс беиа лыматэакэа тазарц
шалшо.

Астела иану асахъа акомпозиция дазаатгыло, ацарауаа
иазгэеитеит, арака ишупыло, изаамтанымкэаны ицсыз
ахкэажэ пхэыс, лпей ларей наунагза бзиалахэа ианеипырцо
асцена.

Астела ашэага-загала иугозар, аура 157 см., атбаара 92 см.
икоуп. Иара акацашьала даараза аоригиналра злаз усумтоуп.
Абака акацашьа астиль дазаатгылыны, Михаил Мамет-ипа
иазгэеитеит, уи ианеихамха ыцъа аказацэа аус шадырулаз.

Ацарауаа ари ашыза аилкаа изцэыртца зыбзоурахаз, хатала
астела иану асахъа анагзашьала мацк аипшымракэа ахыр-
нубаало ауп. Убри акынтэ, Михаил Мамет-ипа ари астела
иану асахъа, артаци уи итаци еицхырааны инарыгзеит хэа
шьакэиргэгэоит.

Астела азхэтак хара хкынза имаазеит, ицехъан ажэытэан.
Аха еикэхаз астела ахэтак азы атцака иахышьытаз иабзоураны,
ахахэ ахатеи иара иану асахъеи рхатабзиара иеиха еикэхеит
хэа ухэар калоит.

Михаил Мамет-ипа Трацшь ишифуа ала, астела катан
Диоскуриа инхоз бырзен беиак идтала, изыкызгы, изаамтанымкэа
ицсыз ахкэажэ лнышэынтра бакак ахасабала ахаргылара акэын.

Ишазгэахтахёу еипш астела казарыла даараза асахъа-
ркыратэ харакыра зныцшуа усумтоуп. Насгы, иазгэататэу
акоуп, абас еипш йказ астелацэа еиёыркаауан ибеиаз акалакы-
уаа рыпсыжракэа рзы.

Ус анакэха, хамеижъарада иаххэар халшоит, хзыхцэажэо
аамтазы Диоскуриа, калакык ахасаб ала, амшын Еикэа ааада-
мраташэаратэи аганағы, аёиаралеи, аизхеизыгъаралеи,

иаланхоз ауаажәлар рхыцхьазаралеи иара иацназгоз даҕа
еиланхартак шыҕамыз.

Диоскуриеи, иара убас Апсны егырт атыцкәеи рҕы
ипшааз абырзен аамта иатанакуа археологиатә материалқәа
ихаилдыркаауеит, антика паса ахаан, апсуааи еллинааи
еиуеипшым ахырхартақәа рыла аимадара ду шрыбжъаз.

Иаркьяҕыны акэзаргыы хзыхцэажэаз, «Аҕэатэи астела» хэа
изышьтоу антика паса аамта иатанакуа археологиатә баҕа, иа-
хьа Апснытэи Ахэынтқарратә музеи ацэыргақэцатә фонд аҕы
ишьтоуп.

Исследования Средневековых оборонительных сооружений в трудах М.М. Трапш

Среди множества памятников Средневековой Абхазии особое место занимают остатки крепостных сооружений. Они примечательны разнообразием типов и сложностью конструктивных приемов строительства. Их изучение дает возможность решить ряд вопросов, связанных с временем и причинами их строительства, общими и локальными их особенностями, и наконец, уровнем развития фортификационного искусства в Средневековой Абхазии.

Важное значение при строительстве и развитии оборонительных сооружений имело географическое положение Абхазии. С древнейших времен Абхазия выступала связующим звеном между Западом и Востоком. Постоянная борьба за овладение и сохранение торгового пути имела зачастую решающее значение в судьбах приморских городов, что определяло необходимость возведения оборонительных сооружений на подступах к ним.

Все выявленные и исследованные в Абхазии памятники крепостного строительства не только значительны по количеству, но и разнообразны по месту расположения, характеру строительных остатков и конструктивным решениям фортификационных задач.

Крепости нередко выступали важными опорными базами в непрерывных войнах Средневековой эпохи. На их подступах происходили в VI–VIII вв. ожесточенные битвы абхазо-сасанидских и особенно абхазо-арабских войн, ре-

шались судьбы не только Абхазского царства, но и многих других народов Кавказа. Поэтому тщательные исследования остатков крепостного строительства будут способствовать более глубокому пониманию процессов исторического развития народов этого региона. Это и определяет необходимость тщательного анализа крепостных сооружений, тем более что они не стали до сего времени предметом детального исследования и, следовательно, достоянием исторической науки.

Один из основателей абхазской археологической школы – Михаил Маметович Трапш в первые же годы своей научной деятельности наряду с изучением памятников кобано-колхидского¹ и античного² времён обратил серьезное внимание на исследование памятников Средневековой Абхазии, справедливо считая, что эпоха Средневековья, в особенности на рубеже I–II тысячелетий, имела особое значение в этническом и культурном развитии абхазского народа³.

В VI веке на территории северо-восточного Причерноморья столкнулись интересы двух величайших держав того времени – Ирана и Византии. Иран при поддержке своих северокавказских союзников пытался отторгнуть Колхиду от последней, совершив ряд опустошительных походов. Византия, действовавшая в союзе с местными политическими образованиями, сумела в преддверии этих вторжений не только обновить так называемый «Понтийский лимес», но и дополнить его новыми приморскими крепостями, создать внутреннюю оборонительную систему – Клисору (от греч. «ущельное укрепление»)⁴. По сведениям византийских источников, Кавказский внутренний лимес действительно

¹ Трапш М.М. Труды. Т. I. Сухуми, 1970.

² Трапш М.М. Труды. Т. II. Сухуми, 1969.

³ Трапш М.М. Труды. Т. IV. Сухуми, 1975. С. 5.

⁴ Воронов Ю.Н. Очерки истории Абхазии / Научные труды. Т. IV. Сухум, 2014. С. 105.

являлся той необходимой линией обороны, которая должна была замкнуть открытые для прохождения неприятеля участки в горной местности. Кавказский внутренний лимес был своего рода ключом во владения Византийской империи на Западном Кавказе и представлял собой линию крепостей на территории Абасгии (Трахея), Апсилии и Мисиминии (Цибилиум, Шапка, Тцахар, Бухлоон) и Лазики (Археополь, Родополь, Сарапанис, Сканда и др.)⁵, что, в свою очередь, для Византийской империи стало упрочнением её политического влияния на Южном Кавказе.

Еще в 1951 г. М.М. Трапш принял активное участие в работах историко-археологического отряда комплексной экспедиции АН Грузинской ССР под руководством профессора Н.А. Бердзенишвили. С участием Трапш впервые были исследованы такие крепости Средневековой Абхазии, как Абба-ху, Бзыпская, Хасанта-Абаа и др. (Гагрский район), Дурипшская, Абгархукская (Абахуаца, Мшваа рыбаху) (Гудаутский район). Скрупулезное изучение материалов этих исследований позволило М.Трапш прийти к выводу о том, что «судя по кладке, по плану и по архитектурным формам, эти памятники охватывают период от V по XII вв. н. э.»⁶.

Экспедиция 1951 г. посетила древнюю Пицунду, где была определена площадь этого крупнейшего на Черноморском побережье Кавказа позднеантичного и раннесредневекового города и намечены места для будущих раскопок. В следующем году М. Трапш уже руководил раскопками, вскрывшими замечательные остатки большого храма с великолепной пицундской мозаикой.

В эти же годы М. Трапш выявил средневековые слои почвы в г. Сухуме, в районе Сухумской крепости, в том числе слои XI-XIII вв., характеризующиеся глазурованной посудой различ-

⁵ Воронов Ю.Н. Колхида на рубеже Средневековья. Сухум, 1998. С. 44.

⁶ Трапш М.М. Труды. Т. IV. Сухуми, 1975. С. 5.

ной окраски и украшениями⁷, и слой XVI-XVIII вв., содержащий обломки «керамических вещей: кувшинов, горшков, плоских черепиц, водопроводных труб, и т. д.»⁸.

В 1954 г. начинаются исследования одного из наиболее популярных средневековых памятников Абхазии – замка Баграта в окрестностях Сухума. Три года (1954-1956) М. Трапш изучал этот замок. Здесь он впервые в Абхазии применяет прогрессивный метод изучения археологических памятников широкими площадями. Почти полностью исследуется внутренний двор замка, изучаются с обеих сторон и стены крепости. Важнейшим результатом работ следует считать установление соответствия между легендой о замке и историческим фактом. Замок Баграта действительно был построен при царях Баграте III или IV (XI век), и с тех пор в течение почти четырех сотен лет он исправно нес функцию одной из важнейших крепостей Абхазии.

Руководимая М.М. Трапш археологическая экспедиция Абхазского ИЯЛИ АН Грузинской ССР выявила в 1955 г. ряд новых и осмотрела некоторые ранее известные средневековые памятники в Очамчирском районе, в том числе храмы и храмовые крепости близ сел Пакуаш, Кацихабла, Лашкиндар, Мыку, Тамщ и др.

В Бзыпской Абхазии многих исследователей привлекала своим величием древняя Анакопия, расположенная в Новом Афоне. Но до работ М. Трапш, развернувшихся здесь в 1957–1958 гг., не проводилось каких-либо серьезных изучений Анакопийской крепости. М. Трапш и его коллегам удалось исследовать не только сохранившиеся крепостные и храмовые сооружения Анакопии, но и широкими археологическими раскопками выяснить время начала сооружения и жизни

⁷ Трапш М.М. Некоторые итоги археологических исследований в Сухуми в 1951-1953 гг., СА. XXIII, 1955. С. 225.

⁸ Там же.

города и выделить наиболее характерный для Средневековой Абхазии комплекс материальной культуры⁹.

Ряд важнейших средневековых памятников юго-восточной Абхазии был исследован в 1959 г. археологическим отрядом под руководством М. Трапш комплексной экспедицией Абхазского ИЯЛИ в Галском и Очамчырском районах. Среди этих памятников есть храмовые крепости в Агу-Бедия, Чхуартал, Окум и др.

В 1960-1967 гг. М.М. Трапш занялся изучением важнейшей проблемы древней истории Абхазии – выяснением истоков формирования культуры абазго-апсиллов, непосредственных предков абхазского народа. В течение 8 лет им проводились раскопки в районе Цабала могильников позднеантичного и раннесредневекового времени. Основные результаты этих исследований получили отражение в завершенной им в 1966 г. монографии «Культура цебельдинских некрополей», составившей третий том его трудов.

Кроме великолепных могильников, М.М. Трапш удалось обнаружить в Цабале ряд средневековых поселений VIII-IX вв. Таким образом, культура абазго-апсильских этнополитических образований II-VI вв. стала фактически основой культур абхазского населения периода Абхазского царства. Более того, культура цебельдинских поселений оказалась чрезвычайно близкой к культуре Анакопии и замка Баграта. Тем самым удалось доказать очень важный для Средневековой истории Абхазии тезис о формировании единой культуры абхазских этнополитических образований в VIII-X вв., развивавшихся в условиях своей национальной государственности – Абхазского царства.

В своих работах М.М. Трапш также не обходит стороной самый величественный памятник Кавказа – Великую

⁹ Трапш М.М. Археологические раскопки в Анакопии в 1957 - 1958 гг. Византийский временник. Т. XIX. М., 1961.

Абхазскую (Келасурскую) стену. По его мнению, основная часть памятника была возведена в VI веке. Протяженность стены, опоясывавшая почти всю южную Абхазию, составляла 160 км. В некоторых местах она огибала высокие горы Пскал, Кяч, Амзару, Панавский хребет и выходила к устью реки Ингур. Стены были шириной около 1,5 м. Укреплены башнями. Высота их в некоторых местах достигала до 7 м. Направление стен и выбор места для башен указывает на большое мастерство строителей, создавших выдающееся военно-оборонительное сооружение. По его мнению, строительство такого большого укрепления позволяло закрывать все горные проходы и защищать южную часть Абхазии (историческая Апсилия) от набегов кочевников со стороны Северного Кавказа, а также обеспечивать безопасность той мировой торговой дороги, которая с Востока и Средней Азии – по бассейнам рек Куры и Риона – шла в Европу, и из-за которой Иран и Византия долго вели между собой войну¹⁰.

Последние данные, стратифицированные, строго послонно выявленные и зафиксированные в 2014 г., и изложенные на этом объекте эмпирические материалы о Великой Абхазской стене (керамический, металлический, каменный, остеологический инвентарь, синхронные строительные остатки) содержат представительный, комплексный набор артефактов, датируемых периодом раннего Средневековья (VI–X вв.)¹¹.

Нижние стратиграфические пласты над материковым слоем выразительного керамического комплекса имеют

¹⁰ Трапш М.М. Труды. Т. IV. Сухуми, 1975. С. 149-150.

¹¹ Кайтан Ш.Г. Проблемы хронологии Великой Абхазской стены. // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. М., 2014. С. 253. / О позднесредневековой версии происхождения Великой Абхазской стены (проблемы выявления и сохранения). IV Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. Краснодар, 2014. С. 10.

очевидные аналоги с материалами ряда местных памятников Абхазии VI–VIII вв. (Алахадзы, Гагра, Анакопия, Цебельда, Атара). Верхние слои типологически относятся к этапу завершения раннесредневековых комплексов (VIII–X вв., Пицунда, Лыхны, Анакопия, гора Баграта). Присутствует и поздний материал в верхнем пахотном слое, который здесь встречается повсеместно не глубже первого штыка (25 см).

На наш взгляд, выявленные археологические материалы позволяют говорить о раннесредневековом этапе строительства Великой Абхазской стены и поставить его в ряд перспективных памятников, дальнейшее изучение которого способно пролить свет на социальную, военно-политическую и экономическую ситуацию того периода.

Более масштабные археологические исследования дадут полноценное представление об основных этапах строительства и функционирования крепостных сооружений Абхазии.

Литература

1. **Воронов Ю.Н.** Колхида на рубеже Средневековья. Сухум, 1998.
2. **Воронов Ю.Н.** Очерки истории Абхазии / Научные труды. Т. IV. Сухум, 2014.
3. **Кайтан Ш.Г.** Проблемы хронологии Великой Абхазской стены. // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. М., 2014.
4. **Кайтан Ш.Г.** О позднесредневековой версии происхождения Великой Абхазской стены (проблемы выявления и сохранения). IV Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. Краснодар, 2014.
5. **Трапш М.М.** Археологические раскопки в Анакопии в 1957 – 1958 гг. Византийский временник. Т. XIX. М., 1961.

6. **Трапш М.М.** Труды. Т. I. Сухум, 1970.
7. **Трапш М.М.** Труды. Т. II. Сухум, 1969.
8. **Трапш М.М.** Труды. Т. IV. Сухум, 1975.
9. **Трапш М.М.** Некоторые итоги археологических исследований в Сухуми в 1951-1953 гг., СА. XXIII. Сухум, 1955.

ХУТАБА Т.З.,
магистратура,
АГУ

О социально-экономическом положении Апсилии (по трудам М.М. Трапш)

Темой данной работы является выявление социально-экономической дифференциации у апсильов на основе археологического материалов, которые обнаружены в Цебельде М.М. Трапш в 1960-1963 гг. и в 1967 г., а также на основе имеющихся письменных источников. Из истории нам известно, что апсилы впервые упоминаются у Плиния Секунда Старшего. В дальнейшем о них писал Флавий Арриан в «Переписи Понта Евксинского» во II в. н.э. Иных сведений до VI в. н.э. об апсилах нам не известно. Следующими, кто описывал апсильов, были Прокопий Кесарийский – в труде «Война с готами», Агафий Миренейский – в труде «О царствовании Юстиниана». У Феофана Исповедника в труде «Хронография» описывается авантюрный вояж Льва Исавра в Апсилию, Абасгию и Аланию.

Социально-экономическое положение апсильов можно изучить посредством комплексного историко-археологического исследования.

Так, у Флавия Арриана, римского полководца, побывавшего на территории древней Абхазии в 134 г. н.э., в сочинении читаем, что «за лазами следуют апсилы; у них царь Юлиан, получивший царство от твоего отца»¹. В абхазской историографии данное сообщение, на наш взгляд, недостаточно проанализировано. В основном ведутся споры вокруг локализации первых раннеклассовых образований в Абхазии. Однако для

¹ Флавий Арриан. Переписи Понта Евксинского. Веб ссылка: <http://www.ancientrome.ru/antlit/arrian/peripl-f.htm>.

полного прояснения вопроса следует рассмотреть понятие «царь», встречающееся в сообщении Флавия Арриана. Царь, как известно, – верховный правитель того или иного государственного образования, который независим в своей внешней и внутренней политике. У Арриана в оригинале термин «царь» значитсся как *Rex*. Следовательно, Юлиан – царь апсилов, был верховным правителем Апсилии. Однако насколько правомочно считать Юлиана царем, если ему этот титул передал римский император Троян? На наш взгляд, данный факт можно объяснить тем, что Римская империя постоянно расширяла свои границы, и чтобы удержать свою власть в тех или иных провинциях, императоры ставили во главе этих образований местную элиту, которая признавала их власть. Бывало, что Римская империя ставила оппозиционную элиту, то есть власть, которая была во главе государства до прихода римлян в ту или иную область. Например, подобное было в Армении, когда за нее были раздоры между Римской империей и Парфией. Тогда парфянский царь Фраат III намеревался окончательно включить Армению в Парфянское царство. Но этому противилась Римская империя, которая поставила во главе Армении оппозиционно настроенного по отношению к парфянам Тиграна. Возможно, в Апсилии наблюдалась подобная ситуация, когда в результате внутривполитических интриг Рим ставил во главе данных областей элиту, которая признавала власть империи. Из истории Римской империи известно, что почти все «провинции – Азия, Вифиния и Понт, Киликия, Сирия и Палестина, Галатия, Каппадокия, Ликия и Памфилия, Аравия, Египет, Крит и Киренаика и т.д. были образованы римлянами из ранее самостоятельных царств, находившихся на разных уровнях исторического развития»².

² История Древнего Рима: Учебник/Под ред. Кузищина. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. школа, 1982. С. 336. Веб ссылка: http://www.alleng.ru/d/hist_vm/hist070.htm.

Таким образом, можно предположить, что еще до прихода Рима в Восточное Причерноморье, в частности в Апсилии, существовало раннеклассовое общество с политической верхушкой. Но после подчинения Апсилии Риму правители ставились римским императором, о чем пишет Флавий Арриан. Такая система управления была крайне выгодна римлянам, так как подданные провинции во главе с местной элитой охраняли приграничные районы империи, за что они платили мзду. Однако следует заметить, что «власть римлян над городами Северного Причерноморья была номинальной»³. Аналогичная ситуация могла быть и в Апсилии.

Единственные исторические данные, которые в какой-то мере подтверждают социальную дифференциацию апсильского общества, мы черпаем из работ Агафия Миринейского «О царствовании Юстиниана» и в «Хронографии» Феофана Исповедника. В работе Агафия описывается восстание мисимиан. В ходе этого восстания византийские войска для переговоров с мисимианами выбрали, «насколько это было возможно, самых разумных людей из апсильцев, посылают их в качестве послов»⁴. Скорее всего, под «самыми разумными» нужно понимать не только умственные способности апсильцев. Возможно, в данном контексте под «разумными» следует понимать то, что в Апсилии уже существовала привилегированная часть общества. В переводе этого текста, сделанном немецким ученым Штриттером на немецкий, а потом в его дальнейшем переводе на русский автор русского перевода перевел данное сообщение следующим образом: «избранных – из апсильцев рода знатных мужей-ораторов – туда посылают»⁵. Исхо-

³ История Древнего Рима: Учебник/Под ред. Кузищина. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. школа, 1982. С. 336. Веб ссылка: http://www.alleng.ru/d/hist_vm/hist070.htm.

⁴ Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана. Веб ссылка: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Agat_Mirin_2/text4.phhtml?id=12487

⁵ Иоган Готгильф Штриттер. Авасгика. Апсилика. Мисимианика. – Ана-

для из этого перевода текста Агафия, можно уверенно говорить о существовании социальной стратификации общества у апсильов. В более позднем источнике «Хронографии» Феофана Исповедника при описании осады крепости Сидерон Львом I Исавром сообщается: «...Марин, первый из апсильцев...»⁶, что означает – Марин относится к привилегированному классу среди своего сообщества.

Таким образом, имея весьма скудные исторические сведения о социально-экономической стратификации апсильов, можно предположить, что подобные явления начинают прослеживаться у апсильов, по крайней мере со II в. н.э., экономическую же дифференциацию по источникам установить сложно, так как прямых письменных сведений у нас об этом нет.

Чтобы подтвердить эти выводы, на наш взгляд, следует обратить внимание на данные археологических экспедиции, которые проводились на территории систорической Апсильи. «Именно здесь... вели раскопки... М. М. Трапш, Г. К. Шамба, М. М. Гунба, В. Б. Ковалевская»⁷, Ю.Н. Воронов, О.Х. Бгажба и другие. Одним из первых, кто изучил и провел археологические исследования в Цебельде, был М. М. Трапш, который писал, что «материалы Цебельдинских некрополей дают обширные сведения для выяснения различных сторон быта, социально-экономической структуры и многих других вопросов древнейшей истории предков абхазского народа»⁸. «Долгое время эти памятники оставались не изученными, если не счи-

копия – Новый Афон. Священная Митрополия Абхазии Монастырь св. ап. Симона Кананита. 2011. С. 34.

⁶ Феофан Исповедник. Хронография. Веб ссылка: http://www.vostlit.info/Texts/rus2/Feofan_2/text1.phtml.

⁷ Воронов Ю. Н. Научные труды. Том 2. Сухум: Абхазский институт гуманитарных исследований АН Абхазии, 2009. С. 312.

⁸ Трапш М.М. Труды в 4-х т. Том 3. Культура цебельдинских некрополей. Тбилиси: Мецниереба, 1971. С. 8.

тать сборов ботаника Ю.Н. Воронова, который сдал в 1915 г. в Кавказский музей небольшую коллекцию из Цебельды, опубликованную Б.А. Куфтиным»⁹. В 1960-1963 гг. сотрудниками Абхазского института «на территории селения Цебельда обнаружены шесть древнеродовых некрополей, расположенных на склонах холмов, на расстоянии приблизительно от 600 м до 1 км друг от друга»¹⁰. В ходе проведения раскопок М.М. Трапш было изучено и выявлено шесть некрополей. Все некрополи частично разрушены. Из них удовлетворительную сохранность имеют четыре могильника, место расположения которых условно названы «Абгыздраху», «Ахьацараху», «Ауахуамахуа», «Алраху»¹¹. В этих четырех могильниках было вскрыто 91 погребение. В каждом некрополе есть материалы, как одного хронологического периода, так и разновременного.

Из них самое большое количество погребений встречается в некрополе «Абгыздраху». Среди них наиболее интересны погребения 12, 15 и 44.

В погребении 12 присутствовал довольно разнообразный погребальный инвентарь, среди которого можно выделить позолоченный бронзовый умбон от щита круглой формы. Широкие края умбона снабжены бронзовыми гвоздями, с гранеными позолоченными шляпками, длина гвоздей – 4 см. На правом плече покойника найдена двучленная круглопровочная серебряная фибула лучковой формы с крестовидной дужкой, с равномерно расширенной ножкой, подвесным прикрепленным приемником. Корпус и игла соединены шарниром, на груди лежал черный камешек шарообразной формы. Левее, рядом с талией и тазовой костью, располагался железный меч с черенком, снабжённым сквозным отверстием для прикрепления планок гвоздем. Навершием меча служила квар-

⁹ Трапш М.М. Указ. соч. С. 17.

¹⁰ Там же. С. 17.

¹¹ Там же. С. 20.

цевая бусина округлой формы»¹². Помимо этих предметов, в захоронении присутствовали и другие различные артефакты. На наш взгляд, представляют больший интерес в данном случае перечисленные предметы, а именно: бронзовый позолоченный умбон, серебряная фибула и меч, навершием которого служила кварцевая бусина, что может свидетельствовать об элитности, привилегированности захоронения. Такого типа предметы нигде больше в захоронении не встречаются. Конечно, в других захоронениях также присутствовали мечи, фибулы и в меньшей степени умбоны, но не в таком количестве.

Другим интересным захоронением является захоронение 15. Среди утвари, найденной там, привлекает внимание «раннехристианский крестик из бледного листового золота с расширенно-выемчатыми концами. К верхнему вертикальному концу крестика заклепкой прикреплена пластинчатая желобчатая петелька. Длина крестика – 1,5 см, ширина 1,5 см»¹³. М.М. Трапш датировал данный крест IV в. н.э. По его мнению, наличие креста свидетельствует о раннем проникновении в среду древних племен Абхазии христианской религии. Весьма примечательным, отмечает автор, свидетельством этого являются и другие факты, выявленные на материалах цебельдинских некрополей. Так, на некоторых стеклянных сосудах IV в. н.э. и многочисленных глиняных кувшинах того же времени, а также на обоймице одной бронзовой пряжки овальной формы изображены прямоугольные крестики. Есть основания полагать, что идеи христианства начали проникать на территорию Абхазии еще на рубеже III-IV вв. н.э.»¹⁴. Помимо этого, автор подкрепляет свое мнение историческими источниками и еще одной археологической находкой. В не-

¹² Трапш М.М. Указ соч. С. 35.

¹³ Там же. С. 38.

¹⁴ Там же. С. 206.

крополе Ахаччараху был найден «медальон с рельефным изображением головы Горгоны в фас и кольцевой христианской надписью на древнегреческом языке. Перевод этой надписи, сделанный Л.А. Ельницким, означает следующее: «Единый бог, помогающий приносящему»¹⁵. На наш взгляд, утверждать о присутствии христианства в Апсилии, по данным этих археологических памятников недостаточно, так как из четырех некрополей крест встречается только в одном из захоронений. В других же захоронениях крест отсутствует. Помимо всего этого, в этом же захоронении обнаружена «костяная подвеска – амулет, видимо, из фаланги ноги медведя, с просверленным сквозным отверстием для подвешивания на шею»¹⁶. Данный амулет не имеет отношения к христианству и относится к внутренней традиционной культуре. Следует подчеркнуть, что к IV в. н.э. христианство только начало оформляться официально как государственная религия в самой Римской империи. Скорее всего, данный крест использовался как предмет роскоши или украшения. В новых исследованиях данный крест передатирован VI в. н.э. Помимо этого, медальон с Горгоной являлся украшением и предметом роскоши, а не ритуальным символом. Другие же доводы М.М. Трапш относительно пряжек с крестом не дают нам основания говорить о проникновении христианства в Апсилию, так как крестовидные фибулы и пряжки появились в Абхазии, по новым данным Цебельдинской экспедиции Ю.Н. Воронова, в VI в. н.э. Исторические же источники, которые использовал М.М. Трапш в доказательство присутствия христианства в Апсилии, в IV в. выглядят противоречиво, так как он основывался на данных Прокопия Кесарийского, которые относятся к середине VI в. н.э., а крест, по мнению М.М. Трапш, относится к IV в. н.э. К тому же Прокопий писал, что «издревле были христиане»

¹⁵ Трапш М.М. Указ. соч. С. 207.

¹⁶ Там же. С. 39.

не апсилы, а абасги. Он же потом писал, что они были «издревле» язычниками. Иногда в истории было принято считать тех, кто проповедует язычество, отсталыми народами, а тех, кто проповедовал монотеизм, – развитыми. Но в современной этнологии американский антрополог Маргарет Мид доказала, что «анимистический образ мышления, вера в духовные существа, одушевление неодушевленного не является стадией умственного развития»¹⁷. Следует учесть, что разность культур не есть признак отсталости. Именно по этим причинам нельзя безоговорочно доверять данным Прокопия. Словосложение у Прокопия «испокон веков» или же «издревле» нужно осмысливать как малый отрезок времени, так как Прокопий не находился на Кавказе долгое время. Для таких суждений он основывался на полевом материале.

Следующим интересным захоронением является 44. Среди четырех некрополей именно в этом захоронении было найдено самое большое количество артефактов, указывающих на социальное неравенство Апсильийского общества. В данном захоронении присутствует 20 артефактов. Ни в одном другом столь большое количество не встречается.

Итак, рассмотренные захоронения интересны и представляют ценную информацию для изучения Цебельдинских захоронений.

Материалы, найденные в некрополях, раньше относились ко II–V в. н.э. «Правильное понимание истории Апсильии было бы невозможно без уточненной датировки археологических памятников. Получалось, что от времени знаменитых византийских известий VI в. не сохранилось ни могил, ни поселений. Публикация Ю. Н. Вороновым и В. А. Юшиным богатого погребения с византийскими монетами Юстиниана I (527–565 гг.) способствовала решению этого вопроса. То, что цебельдинские

¹⁷ Садохин А. П. Этнология. Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Гардарики, 2004. С. 215.

могильники перестали функционировать в конце VII — начале VIII вв., Ю. Н. Воронов убедительно связал с арабскими вторжениями первой половины VIII века»¹⁸. В каждом из некрополей встречаются как одновременные захоронения, так и разновременные. «Сопоставление между собой отдельных предметов и могильных комплексов позволяет выделить внутри этого исторического периода времени шесть разновременных этапов»¹⁹.

Итак, учитывая изложенное, на наш взгляд, апсильское общество нельзя отнести к родовому строю. Захоронения родового общества довольно скудны по археологическому материалу. В Апсилии, судя по материалам М.М. Трапш, самым богатым по инвентарю некрополем является Абгызараху. Другие три некрополя имеют малочисленный и скудный инвентарь в захоронениях. В нем почти в каждом из захоронений большое количество бусин. В других же некрополях их мало. М.М. Трапш относил их в основном к женскому инвентарю. Они довольно многочисленны и в мужских захоронениях. Бусы довольно разнообразны по материалу изготовления. Бусы «очевидно, употреблялись для различных целей — ими составляли ожерелья или обшивали ворот, они могли служить в качестве застежек»²⁰. На наш взгляд, бусы можно отнести к разряду материальных благ. И то, что они встречаются где-то в большей степени, где-то в меньшей, указывает на экономическую дифференциацию общества. В некрополях были найдены 11 серебряных римских монет. Обычно монеты относят к разряду материального блага, как одного из главных факторов экономической дифференциации. Но их довольно мало в некрополях, что не дает повода делать вывод о товарно-денежных отношениях в данном обществе. Однако не исключаем их оборот с римским населением раннеантичного

¹⁸ Ю. Н. Воронов. Тайна Цебельдинской долины. Веб ссылка: http://apsnyteka.org/1056-voronov_taina_tsebildinskoy_doliny.html

¹⁹ Трапш М.М. Указ соч. С. 218.

²⁰ Там же. С. 196.

периода. Таким образом, довольно разнообразный археологический материал многих захоронений, относящихся как к одному периоду времени, так и к другому, указывает на наличие социально-экономической дифференциации апсильского общества. Апсилию уже в VI в. нельзя отнести однозначно к родовому обществу. Рабовладельческий уклад данный социум также не переживал, так как нет для этого ни одного доказательства, кроме патриархального рабства. Скорее всего, данное общество находилось на стадии раннего государственного образования с остатками родового строя. По данному вопросу существует иная точка зрения.

Ю. Н. Воронов в 1975 г. писал, что есть литература, которая подтверждает, что погребения апсильов имеют экономическую дифференциацию. По его мнению, это связано с тем, что эти выводы «были основаны лишь на сопоставлении разновременных захоронений внутри одного семейного кладбища. В то же время, если сопоставить одновременные погребения из различных семейных кладбищ, можно сделать вывод об отсутствии сколько-нибудь заметной имущественной дифференциации на поселениях Цебельды вплоть до VII в. »²¹. Но позднее он же писал, что в отдельных районах Апсилии все же прослеживается экономическая дифференциация в одном временном периоде. Например, экономическая дифференциация в Апсилии «наиболее ярко прослеживается на Шапкинском могильнике и несколько смазано у Цибилиума, то на других погребениях семейная дифференциация проявляется пока с трудом»²². По его мнению, это связано с тем, что «процесс разложения родовой организации проходил более ускоренными темпами в населенных пунктах, непосредственно тяготевших к торговому пути и ближайших к побережью»²³. На

²¹ Ю. Н. Воронов. Тайна Цебельдинской долины. Веб ссылка: http://apsnyteka.org/1056-voronov_taina_tsebeldinskoy_doliny.html

²² Там же.

²³ Там же.

наш взгляд, если прослеживается экономическая дифференциация, можно предполагать, что в Апсилии к этому времени (V-VI вв.) уже была и социальная стратификация. Апсилия находилась на стадии раннегосударственного образования. Можно предположить, что в Шапкинском районе жила знать. Поближе к Цебельде находились средние слои населения, а в других районах жили менее развитые слои населения. Так, Ю. Н. Воронов отметил, что в Шапкинском районе «отсутствовали орудия труда»²⁴. Это свидетельство того, что на их землях трудились крестьяне со своими орудиями труда.

Из сказанного следует, что на основе археологического материала вполне можно делать выводы о социально-экономической стратификации апсийского общества, особенно если они подтверждаются данными из письменных и вещественных источников. На основе захоронений можно утверждать, «что их владельцы жили в период формирования господствующего класса, когда драгоценности были еще не столько средством власти, сколько ее атрибутом, и зарывались в землю вместе с усопшим (золотые изделия, такие как голова оленя с ветвистыми рогами, кольца, амулеты; серебряные сосуды; бронзовые украшения; мозаичная бусина; кесарийские монеты и, конечно, изделия кузнецов-оружейников: мечи, кинжалы из «дамасской» стали и т. д.)»²⁵. Таким образом, можно предположить, что «существовало подобие трехступенчатой власти, иерархии: вождь (у апсильов – «базилевс» во II в., «патрикии» – в VII-VIII вв.), знатные (уважаемые) люди, «логимой» и простой люд (воины и ремесленники). У абасгов «цари» упоминаются в одно и то же время в VI в. под

²⁴ Ю. Н. Воронов. Тайна Цебельдинской долины. Веб ссылка: http://apsnyteka.org/1056-voronov_taina_tsebeldinskoy_doliny.html

²⁵ Краткие сообщения Института археологии. Вып. 244 / Ин-т археологии РАН; Гл. ред. Н.А. Макаров. – М.: Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2016. С. 278/ Доклад: Бгажба О.Х. Социально-экономическая характеристика кузнечного ремесла в Абхазии (II-VII вв.).

разными названиями: «царьки», «властители», «начальники», «правители»²⁶.

Исследования М.М. Трапш в Цебельде дали весьма ценные сведения для истории изучения социально-экономических отношений в Апсилии. Именно ему принадлежит идея выделения Цебельдинской культуры в отдельную археологическую культуру. После него исследования данной проблемы успешно продолжили Г. К. Шамба, М. М. Гунба, Ю.Н. Воронов, О.Х. Бгажба, В.А. Ньюшков и другие. Важно подчеркнуть, что именно работа М.М. Трапш в Цебельде стала основополагающей в процессе дальнейшего изучения Апсилии как части исторической Абхазии.

Литература

1. **Агафий Миренейский.** О царствовании Юстиниана. Веб-ссылка: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Agat_Mirin_2/text4.phtml?id=12487
2. **Воронов Ю. Н.** Научные труды. Том второй. — Сухум: Абхазский институт гуманитарных исследований АН Абхазии, 2009.
3. **Воронов Ю.Н.** Тайна Цебельдинской долины. Веб-ссылка: http://apsnyteka.org/1056-voronov_taina_tsebeldinskoy_doliny.html
4. **Иоган Готгильф Штриттер.** Авасгика. Апсилика. Мисимианика. — Анакопия — Новый Афон. Священная Митрополия Абхазии Монастырь св. ап. Симона Кананита. 2011.
5. История Древнего Рима: Учебник/Под ред. Кузищина. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Высш. школа, 1982. Веб-ссылка: http://www.alleng.ru/d/hist_vm/hist070.htm
6. Краткие сообщения Института археологии. Вып. 244 /Ин-т археологии РАН; Гл. ред. Н.А. Макаров. — М.:

²⁶ Там же.

Издательский дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2016. / Доклад: Бгажба О.Х. Социально-экономическая характеристика кузнечного ремесла в Абхазии (II-VII вв.).

7. **Садохин А. П.** Этнология. Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Гардарики, 2004.
8. Флавий Арриан. Перепил Понта Евксинского. Веб-ссылка: <http://www.ancientrome.ru/antlitrr/arrian/peripl-f.htm>
9. Феофан Исповедник. Хронография. Веб-ссылка: http://www.vostlit.info/Texts/rus2/Feofan_2/text1.phtml
10. **Трапш М.М.** Труды в четырех томах. Том 3. Культура цебельдинских некрополей. Тбилиси: Мецниереба, 1971.

КОБАХИА Ф. М.,
лаборант
АБИГИ им. Д. И. Гулиа

О культах, связанных с вечнозелёными растениями и деревьями, в Кавказско-малоазийском регионе

Характерной особенностью системы «человек – природа» является то, что человек всегда воспринимал себя как часть социума, зависимым от космических сил. Восприятие и осмысление древним человеком системы «человек – природа», как отношение «я – ты», проявлялось практически во всех сферах его жизни и деятельности.¹ Однако в этой системе «я» подчинялось «ты», т.е. силе грозной природе. Перед ее лицом человечество было бессильно, следовательно, наблюдая за различными явлениями природы, первобытный человек стал считать, что они вызваны недостижимой, некоей невидимой силой.² Но бессилие человека перед лицом природы было относительным, ибо самой же природой он был наделен такими силами и потенциями, которые открывали перед ним перспективу постоянного овладения ею.³ На этой ступени развития человеческого общества возникают зачатки религиозных представлений, проявляющиеся в образах различных покровителей, что нашло отражение в различных культах. Одним из них является культ дерева, который входит в число древнейших религиозных верований народов мира.⁴

¹ Вейнберг И. П. Человек в культуре Древнего Ближнего Востока. М., 1986. С. 53

² Хмелевский Г. Христианство и религии мира. М., 1968. С. 31

³ Крывелев И. А. Происхождение религии. М., 1965. С. 11-12

⁴ Семенова А. Б. Отражение культа дерева в современной свадебной обрядности карачаевцев и балкарцев. // Лавровский сборник. Материалы XXXIII Среднеазиатско-кавказских чтений 2008-2009 гг. к столетию со

С давних времен к деревьям у людей было особое тотемистическое отношение. Они являлись тотемно-родовыми, представлялись не только обиталищем духов, но и были неприкосновенными. За нарушение обычая неприкосновения деревья начинали мешать людям жить, словно мстили им.⁵

Известно, что культ растительного мира представлял собой одну из основных форм религиозного сознания первобытного человека, некогда одинаково распространенную у всех народов земного шара и в массе народа не вымершую отчасти до сих пор.⁶ Широко было распространено верование о том, что деревья обладают атрибутами божественной силы и разумом. Ветви деревьев занимают видное место в системе верования народов мира.⁷ Они используются как символ мощи, целостности жизненной силы и божественной защиты.⁸ Сильнейший магический эффект приписывался амулетам из кусочков коры священных деревьев.⁹

Представления об их магической роли по-прежнему бытуют в духовной культуре причерноморско-кавказских народов, особенно ярко это отражено в обрядовой практике абхазо-адыгов.

Этнографические изыскания последних лет свидетельствуют о том, что многие культовые предметы вышли из обихода, но в то же время некоторые из них сохранились в виде рудиментов и проявляются в обычаях, ритуалах со-

дня рождения Леонида Ивановича Лаврова. Этнология, история, археология, культурология. СПб., 2009. С. 306.

⁵ См. Зеленин Д. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М., 1937. С. 5. Ляушева С. А. Священное в религиозном сознании адыгов. // Мир культуры адыгов. Ханаху Р.Х. Майкоп, 2002. С. 142.

⁶ Кагаров Евг. Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции. СПб., 1913.

⁷ Там же.

⁸ Лобков Д. Магические свойства деревьев. // PRESSI (HERSON)

⁹ История Адыгеи с древнейших времен до начала XX в. Т. I. Ред. кол. Майкоп, 2009. С. 400.

временных абхазов в форме важнейших семейных обрядов.

Определенное место в кругу функционирующих культов занимают ветки вечнозелёного дерева – плюща. Примечательно, что почитание вечнозеленого дерева являлось существенным элементом традиционной религии современных абхазов. Для абхазов апшәч (плющ)¹⁰ обладал особой магической силой. Он был известен как растение, в котором содержится сила Бога Анцва – «Анца икарчаха злоу».¹¹

Абхазы верили, что ветки вечнозеленого дерева являлись носителем домашнего изобилия, в них заключена сила, которая в состоянии обеспечить людей счастьем, семейным благополучием.¹² Соответствующими обрядами люди ограждали себя от бед. В связи с этим один из респондентов отметил, что *«...издревле веткам плюща придавалось особое значение. Всякое отношение к ним было запрещено. Наши предки считали, что у них имеется особая сила, которая может защитить весь дом, всю семью. И поэтому мы приносим ветки этого растения в дом на Новый год, тем самым следуя традициям наших предков»*.¹³ В связи с его охранительными функциями следует вспомнить, что в легенде о гибели Семелы это растение выступает в роли спасителя божественного младенца.¹⁴

С точки зрения обрядовой локализации интересующий нас культ привязан к дому и, следовательно, был призван дать блага тому очагу, где его осуществляли. Заметим, что этот

¹⁰ Плющ – вечнозелёное растение, в культуре многих народов мира обозначает бессмертие, вечную жизнь, из-за его свойства искать опору является также символом привязанности, дружбы.

¹¹ ПМ. Габниа Цира. г. Сухум. 11 февраля 2016.

¹² ПМ. Тарджман-ипа Чичики. с. Лыхны Гудаутского р-на.

¹³ ПМ. Сандзаа Светлана. Записано 5 октября 2015 г. с. Лыхны Гудаутского р-на.

¹⁴ См. подробно. Кагаров Евг. Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции. СПб., 1913. С. 168

гической деятельности. И на протяжении десяти дней они находятся в состоянии магического действия, т.е. являются религиозно функциональными. Следует отметить, что указанное время является условным, так как оно нигде и никем не регламентировано.¹⁶ По истечении определённого времени ветки вечнозелёного дерева следует либо сжечь, либо вынести за пределы собственного имения.¹⁷ Впрочем, в прошлом этот акт осуществлялся ко времени заката солнца, отметил наш респондент.¹⁸ Другие же его осуществляют к восходу солнца, в то время, как третьи предпочитают в обед. Однако за типичную и исторически первичную форму мы склонны принимать первый вариант, так как в архаичных молитвенных текстах присутствует мотив заката солнца.

«...Лыцшыцэ́гъа мышытыцэ́гъы хэа акры́казар

Абри ибы́луа (?) си́цш иб́лааит!

Ита́шэо амра а́шэахэа́кэа шы́цсуа си́цш и́цсааит!

Ала́цшыцэ́гъа́кэа иа́хьарна́хыс иа́хкэ́ыгоу́п, и́блуп...»¹⁹

Религиозные почитания и вера в магическую силу веток вечнозелёного древа представляют весьма широкую географию.

Их непосредственное бытование с некоторыми характерными чертами было ярко представлено в хеттской духовной культуре (связана с культом г. Нерик. – **К. Ф**). Значительное количество привлекаемых текстов, содержащих сведения о культе вечнозелёного дерева и связанных с ними обрядах находятся в непосредственном семантическом родстве. Ритуал с привлечением вечнозелёного дерева в системе хеттских

¹⁶ Например, в Абжуйской Абхазии ветки этого растения выносятся из дома на пятый день, т.е. с 14-го по 18-е. Этот обряд также сопровождался разбором новогодней ёлки.

¹⁷ Уточнения в Абжуйской и в Бзыбской Абхазии.

¹⁸ ПМ. Гамгия Зоя. Записано 15 сентября 2015 г. с. Лыхны.

¹⁹ ПМ. Сандзаа-Кобахиа С. В., с. Лыхны. Камлиа Шота, с. Лыхны.

праздников составлял круг домашних обрядов.²⁰ Примечательно, что они были приурочены к переломным периодам жизни природы и человека, особенно к смене времен года. Этот обряд так же, как и постновогодний ритуал абхазов, был призван обеспечить процветание дома и благополучие семьи и всего рода. Примечательно, что дерево, о котором будет идти речь, упомянуто в хеттском ритуальном тексте, связанном с богом плодородия Телепинус, и в ряде других хеттских мифологических текстов оно известно под названием *GIS-eia*.²¹

В языческой традиции этого народа оно, т.е. *GIS-eia* воспринималось как «священное вечнозелёное дерево»²², неиссякаемой силы, никогда не сбрасывающей листья.²³ В упомянутом мифе дерево *eia* выступает как символ изобилия, плодородия и благоденствия. Выясняется, что непосредственным местом произрастания культового дерева является горная местность, известная под названием Сиддуа. В этой связи представляет интерес хеттская табличка KUB. XII (19), в которой содержится исключительно важный текст (в нем фигурирует название Сиддауа), позволяющая проследить обрядовую практику интересующего нас культа.

Спр.: «...И в горы Сиддауа [дерево эя] отправля[ют] рубить ... И когд[а] он идет под дерево эя, [начинает?] руб[ить]. И промоченный хлеб разламывает. И та[к говорит]: Гора

²⁰ Праздники, связанные с хеттским культовым городом Нерик, обозначаются идеогр. EZEN, акк. Isinnu.

²¹ См. Хазарадзе Н. В. Цагарейшвили Т. Ш. К идентификации *GIS eia* хеттских письменных источников (Хетто-грузинские мифологические параллели) // Кавказ и цивилизации Древнего Востока (материалы Всесоюзной научной конференции). Орджоникидзе, 1989. С. 43 Мифы народов мира. Энциклопедия. Под. ред. Токарева С. А. Т. I. М., 1980. С. 396

²² Гамкрелидзе Т. В. Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. II. Тбилиси, 1984. С. 614

²³ Арутюнян Р. С. Некоторые особенности хеттских домашних праздников. // ВДИ № 1 М., 1992. С. 134

Сиддауа! Ты [...] Смотри, это дерево эя для [бога Грозы города Куливисны] мы привезли, чтобы украшать, одев[ать]... Отруб[ленное] дерево эя же (он) поднимает вверх».²⁴

В приведенном тексте его сущность не отражается и, следовательно, требует более обстоятельного анализа отдельных хеттских документов, содержащих как начальную, так и заключительную часть исследуемого обряда. Однако для этих текстов характерен мотив «отправления в горы», который, вероятно, в обоих вариантах имеет религиозно-символическое значение.

С точки зрения локализации и функциональной значимости исследуемый нами обряд имеет непосредственную связь с домом. Об этом могут свидетельствовать хеттские мифологические повествования, которые являются частью сооружения нового дворца. В одном из таких повествований содержится «мотив дерева». Спр.: «... и вновь я восхваляю отца моего Бога Грозы и я, царь, прошу у Бога Грозы деревья, которые сделали дожди крепкими, большими. ...

...и отец мой Бог Грозы от вас выставил...».²⁵

Следует заметить, что наряду с обрядом привнесения веток священного дерева в хеттских письменных текстах документируется ритуальная посадка вечнозелёного дерева ^{GIS} eia, которые также сводятся к одной цели – обеспечить благополучием и плодородием весь коллектив.

Примечательно, что его посадка, как правило, сопровождалась кратким молитвословием:

Спр.: хетт. ^{GIS26} e-ia-an ma-ah-ha-an – uk-tu-u-ri i-ia-at-ni-an – nu hur-pa-as-ta-nu-us ar-ha U. UL is-hu-ua-I LUGAL-sa SAL. LUGAL-sa QA.T AM. MA i-ia-at-ni-an-te-es a-sa-an-du ud-da-a-ar-as-ma-as QA. TAM. MA uk-tu-u-ri-e-es-du. «Подобно тому,

²⁴ Там же

²⁵ Ардзинба В. Г. Собрание Трудов. Т. II. (Заметки к текстам хеттских ритуалов). ... С. 195

²⁶ GIS – это слово в ряде хеттских текстов означает «дерево».

как дерево еѡа вечно зеленеет и листьев не сбрасывает, также царь и царица да будут зеленеющими, процветающими и дела их также да будет вечными».²⁷

В данном тексте зафиксирован один из обрядов, осуществленных при дворе хеттского царя, который был призван обновить и возродить царскую власть. Сходная картина рисуется в другом хеттском строительном ритуале. Спр.: Б (1) «... Когда в каком-нибудь городе он (царь) строит дворец и когда какой-нибудь плотник идет рубить деревья горы для Инассы, то из дворца он берет одного быка, трех овец, три сосуда с вином ... и (всех их) они приносят в жертву Богу Грозы...».²⁸ Это обрядовое действие завершается ритуальной посадкой дерева, описание которого вместе с обрядовой формулой дается в следующем хетт. тексте. (KUB XXIX – стр. 1 – 2)

«И дерева ^{gis} ar-tar-ti-in (артарти) и дерева ^{gis} ma-si-iq-qa (марсигга) они устанавливают

и так говорят: «Когда эти (деревья)
сажают, так точно у царя и царицы внуки
(и) правнуки, да произрастают».²⁹

В этом контексте ближайшую параллель к хеттскому обряду, совершаемому при сооружении нового дворца, представляет традиция выращивания граба во дворе у абхазов. Грабовому дереву в мифологии и религии абхазов отводится

²⁷ См. Гамкрелидзе Т.В. Иванов Вяч. Вс. Указ соч. С. 630. Хазарадзе Н. Южный Кавказ и Древний Восток. (Этнокультурные параллели) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://krotov.info/library/04_g/ru/ia_13.htm Обращение: 21. 11. 2015.

²⁸ Ардзинба В. Г. Хеттский строительный ритуал. Данная статья опубликована в трех изданиях: Древние цивилизации от Египта до Китая. М., 1997. С. 624; ВДИ. № 1. М., 1982.

3) Ардзинба В. Г. Собрание Трудов. Т. II. Хеттология, хаттология и хурритология. Москва – Сухум, 2015. С. 164.

²⁹ Ардзинба В. Г. Рецензия на работу V. Haas. Der Kult von Nerik. // Собрание Трудов. Т. II. Хеттология, хаттология и хурритология. Москва – Сухум, 2015. С. 346.

большая роль. По представлениям этого народа, сохранившимся до настоящего времени, молния не поражает это дерево.³⁰ В связи с этим примечательны замечания этнографа С. Т. Званба: «На основании этого поверья во всех абхазских строениях непременно должна быть какая-нибудь часть из граба...».³¹ У абхазов существуют два объяснения тому, почему граб не привлекает к себе молнию. По своему содержанию их описания сходны с хеттским текстом Б(1). Одно из таких объяснений мифологического содержания состоит в том, что граб – дерево, находящееся под покровительством богоматери, происходившей, по их понятиям, из рода Хециа, отсюда и название священного дерева ахьаца – граб.³²

Совершенно очевидно, что в обеих традициях в связи с посадкой священного дерева представлены верховные божества хатто-абхазского пантеона и, следовательно, здесь мы имеем прямую связь ритуального дерева с богами-громовержцами.

В хеттском тексте, наряду с соответствующим абхазским материалом, предельно точно выражена цель ритуального выращивания священного дерева. Он, т.е. обряд, приурочен к сооружению дворца – дома, а с деревом непосредственно связано благополучие и процветание всего рода. Таким образом, параллелистический план выделяет две категории существа: верховные боги хетт. Тагу, абх. Анцва.

Два вида растительной породы: дерева хетт. ^{gis} ar-tar-ti-in, ^{gis} ma-si-iq-qa, абх. ахьаца (граб).

Спецификой для хеттских текстов на примере указанного является то, что вырубка дерева была немыслима без соответствующего жертвоприношения. В целом, каждый этап строительства, как правило, сопровождался определенными риту-

³⁰ Акаба Л. Х. Исторические корни архаичных ритуалов абхазов. Сухум, 1984. С. 34.

³¹ Званба С. Т. Этнографические этюды. Сухум, 1955. С. 69.

³² Акаба Л. Х. Исторические корни архаичных ритуалов абхазов. Сухум, 1984. С. 36.

альными действиями, однако в культуре абхазов он обходился одной ритуальной процедурой, т. е. актом закладывания ритуальных вещей с добрыми намерениями. Так же как и хетты, абхазы в прошлом соблюдали правила при подборе материала для сооружения жилья. Примечательно, что в духовной культуре исследуемых народов построение дома и перенесение в него составляло важную церемонию в системе семейного религиозно-обрядового опыта.

Возвращаясь к рассматриваемому обряду, следует обратиться ко второй части мифа о Боге Телепинус, так как в нем содержатся не менее важные ритуальные действия. Характерным тут является то, что центральной фигурой является богиня Прабабка (Ханнаханна. – **К. Ф.**).

В этом тексте значитсЯ: (А.1.) «До того как она (пчела) прилетит, богиня Ханнаханна три источника соорудила: (один), над которым *иппи* стоит (другой), над которым уппара стоит, (третий), в котором огонь горит. Сидит Ханнаханна и напротив себя подглядывает: пришла пчела (и) внутрь хуппара (по)ложила руно своё, пришла божество Миядин(ципа) и под дерево иппи села.³³ Ритуал был направлен, главным образом, на поиски исчезнувшего бога Телепина в целях его скорейшего возврата и начала установления в стране благоденствия.

Ввиду параллельного анализа исследуемого культа особо важны следующие строки оборотной стороны таблички, в которой также содержится описание дерева: (А.2.)

«И его xxxx (зани)мает, *gis karanu* же змея занимает, середину же его пчела занимает. На зеленую (макушку) орёл сел (букв. «встал»)³⁴ В этом фрагменте в качестве соотношения заслуживает внимание следующая строка: «*gis la-ha-hur-nunz-zí-as-sa-an se-ir. A. MUSEN ti-ya*» со смысловым значением «на зеленую макушку орёл сел, он букв. Встал».

³³ Ардзинба. В. Г. Указ соч. Т II. С. 188.

³⁴ Там же. С. 190.

Мотив отпущения птенца находит самые непосредственные аналоги в абхазских ритуальных текстах, записанных в ходе полевых работ в западной части Абхазии.

Спр.: (А.3.) «...как подобьется на второй день нового года, соседи посещают друг друга, (еиҭанаиаиуеит) передаются взаимными поздравлениями. И, как правило, в прошлом, когда сосед шёл в гости к своему соседу, то он брал с собой небольшой пучок веток вечнозелёного дерева. Хозяйин (или хозяйка) дома принимала их охотно». ³⁵ Далее информант проясняет, что «поверх «букета сажали воробья – абагыр». ³⁶

Передача букета сопровождается молитвословием.

«...ҟаанбзиа́ла ш́нсааит х́эуц́гыи дуѓыи,

Аиз́хареи аманш́эалареи а́сиареи ш́эыгымзааит!

Ш́эзыќэгылоу ад́гыыл ал́цха ш́эыгымзааит!...» ³⁷

Следовало, чтобы этот магический букет был передан из рук молодого парня в руки молодой девушки. Вероятно, акт передачи магического букета связан с обеспечением благополучия и достатка в семье. Обращает внимание то, что в ряде текстов в обоих вариантах выделяется образ женщины. С точки зрения функциональных соображений некоторых домашних обрядов становится понятно, почему в данном ритуале женщина выступает в образе действующего лица.

В ряде индоевропейских мифологических (особенно на примере хеттского мифа о Боге Телепину) текстов, включенных в ритуал плодородия, женские образы обнаруживают связь с богами вегитаций.

Таким образом, ритуальные тексты А1, А2, А3, предельно сходные по форме и содержанию, характеризуются рядом общих признаков и соотношений:

³⁵ ПМ. Парцхалиа Мили. 11 октября 2015, с. Лыхны Гудаутского р-на.

³⁶ Из ее слов.

³⁷ ПМ. Авидзба Виктор. 10 октября 2015, г. Сухум.

1. Хетт. ip-pi-as «иппу», абх. «ашч»
2. Хетт. ser-A.MUSEN «верх», абх. «ахакць»
3. Хетт. A MUSEN «орёл», абх. «ацыс»

Действующие лица:

1. Хетт. «женщина» богиня» – Ханнаханна (Ha-an-na-ha-an-na-sa)
2. Абх. Бзп. вар. «апхэыс» женщина» Абж. вар. «арпыс > парень»

Относительно указанных персонажей следует отметить, что в смежных вариантах имеются некоторые расхождения, так как в одних текстах фиксируется мужчина, а в других женщина.

Относительно малоазийского сюжета о поисках исчезнувшего бога, образ орла сочетает поисковые функции, в то время как в подобном абхазском сюжете, являвшемся частью данного обряда, мотив отпущения птенца символизирует, скорее, смену годов.

Следует отметить, что уже давно ушедший в забвение мотив отпущения птенца является архетипом одного из вариантов рассматриваемого обряда.

В данном контексте важно указать на то, что по поводу растительной породы eia³⁸ среди исследователей не утвердилось единого мнения. Однако наиболее убедительным являются заключения Ф. Хааса о том, что «еуа – это могучий дуб, игравший в хеттском культе и магии значительную роль».³⁹ Беря во внимание последнее, следует привести серию мифологических соответствий хеттскому дубу.

Дуб⁴⁰ считается священным деревом в широком кавказско-

³⁸ Некоторые исследователи склонны связать хетт. форму GISeia с общепринятым индоевропейским корнем eia. «тис», другие же эту концепцию отвергают.

³⁹ Арутюнян Р. С. Некоторые особенности хеттских домашних праздников. // ВДИ № 1 М., 1992. С. 134.

⁴⁰ Дуб, абх. Ацъ («Адж») является тотемом абхазской фамилии Аджба. Адыг. жыгей/чъыгы. См. под. Бгажба Х. С. Бзыбский диалект абхазского языка. Тб., 1964. С. 246 Шагиров А. К. Этимологический словарь адыг-

малоазийском ареале.⁴¹ Это особенно подтверждается данными адыгской мифологии. Заслуживают внимание некоторые эпизоды из жизни Нартов, повествующие о том, как герой этого эпоса пришел в страну, которую они называли Страной Нартов, освятили молодое дубовое дерево.⁴² Эти детали лишней раз подтверждают концепцию о том, что из всех пород деревьев чаще всего адыгами (нартами) сакрализуется дуб. Это связано, скорее всего, с особенностями образа жизни и культивированием качества стойкости, мужества, необходимости постоянно защищать свою землю.⁴³ В этой связи привлекают внимание некоторые детали нартского эпоса, которые характерным образом описывают священный дуб в сообществе Нартов. Например, шапсугское сказание гласит о том, что дуб как символ существования Нартов помог им победить врага в споре о том, кто первым займёт эту землю.⁴⁴ Полученные свидетельства являются дополнительными аргументами, чтобы считать дуб одним из наиболее древнейших культовых деревьев, истоки которого берут свое начало с эпохи бытования героического эпоса Нартов.

О почитании дуба в поздний период свидетельствуют многие русские авторы XIX в. Например, указывая на уважительное отношение абхазов к старым дубам, Семен Броневский отмечал, что «...они соблюдают отличное уважение к старым дубам, и всякое колено имеет у себя таковой дуб на примете...».⁴⁵ Священный дуб служит местом, где собирают-

ских (черкесских) языков. М., 1977. С. 196.

⁴¹ Гамкрелидзе Т.В. Иванов Вяч. Вс. Указ соч. С. 616.

⁴² Кумахов А. М. Кумахова З. Ю. Нартский эпос. Языки и культуры. М., 1998. С. 114.

⁴³ Паранук К. Н. Мифопоэтика и художественный образ мира в современном адыгском романе. Майкоп, 2012. С. 226.

⁴⁴ Кумахов А. М. Кумахова З. Ю. Указ. соч. С. 115.

⁴⁵ См. Семён Броневский. Известия о Кавказе. (Новейшие географические и исторические известия о Кавказе). М., 1823. С. 322. Хотко Б. С. Современные священные рощи и священные деревья у абхазов: к вопросу о тра-

ся люди для решения важнейших вопросов. Об этом не раз указывалось в научной литературе. Например, советский этнограф Г. Чурсин со ссылкой на Броневского сообщал: «Они соблюдают отличное уважение В известные дни, наипаче перед начинанием какого важного дела, например, перед походом против неприятеля, они становятся хороводом вокруг священного дерева, втыкают в него саблю и другие отправляют обряды, за коими следует пир. Сиих языческих обрядов держатся наипаче горские абхазы».⁴⁶

Сходные описания, допускающие семантическое единство сюжетов, связанных с темой дуба, отражены в хеттском мифе о боге Телепинус. Здесь особо характерно описание, связанное с растением *gis hatalkisna* – «боярышника», который является эквивалентом дерева *eia*.⁴⁷ У адыгов *хэмкIутIей* (боярышник) относился к благодетельной породе деревьев. По поверьям адыгов, боярышник является не только символом удачи и властных полномочий, он обладает магической силой, противостоящей бедам, предохраняющий людей от порчи и наговоров.⁴⁸ Кусками боярышника адыги ограждали свои усадьбы,⁴⁹ его связывали с богом домашнего очага Саозэрешом. В связи

диционном и новационном // Вторичные формы традиционной народной культуры. Материалы научно-практической конференции (Краснодар, 26-27 ноября 2010 г.) Краснодар, 2010. Данная статья также размещена на сайте <http://www.abkhaziya.org/>

⁴⁶ См. Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухум, 1957. С. 49. Священные рощи и деревья у убыхов и шапсугов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://adygi.ru/index.php?newsid=11389>. Обращение: 6. 08. 2015.

⁴⁷ Ардзинба В. Г. Собрание Трудов. (Заметки к текстам хеттских ритуалов). Москва – Сухум, 2015. С. 192.

⁴⁸ См. Шортанов А. Т. Адыгские культы. Нальчик, 1992. С. 48. Бгажников Б. О роли миграции в этногенезе адыгов. // Древняя и средневековая культура адыгов//. Материалы международной научно-практической конференции. Нальчик, 2014. С. 24.

⁴⁹ Шортанов А. Т. Указ соч. ... С. 49.

с охранительными способностями этого растения в работе адыгского фольклориста Асфара Куёк читаем: «...обрубок из боярышника с семью сучьями олицетворял бога наездников и домашнего очага Саозэреша. Он обычно хранился в амбаре, и доставали его на кануне адыгского Нового года, устанавливали в доме, наряжали сыром, сладостями...».⁵⁰

Для выявления сходных обрядовых действий особый интерес представляет круг хеттских текстов, связанных с идеей плодородия. Спр.: «...привнесение дерева еуа имеет целью восстановление плодородия, изобилия и благополучия семьи. Тут особенно примечательно то, что его, т.е. дева еіа украшали и устанавливали как символ вечного процветания и благоденствия...».⁵¹ Очевиден тот факт, что функционально адыгский боярышник соответствует абхазскому ашч, т.е. «плющ», который представляет собой магический «букет», составленный из семи плющевых веток. Его так же, как и адыгского обрубка,⁵² с символическими сучьями устанавливали в доме. И наконец, другой весьма характерной стороной данного культа является обрядовая процедура. Спр.: «Когда его так украсят, несколько человек берут его, чтобы с церемониями внести в дом, остальные встречают его на пороге дома и поздравляют со счастливым прибытием».⁵³ Таким образом,

⁵⁰ Куёк А. С. Священное дерево в мифопоэтических воззрениях адыгов. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение Выпуск: №2 (121) 2013. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/svyaschennoe-derevo-v-mifopoeticheskikh-vozzreniyah-adygov#ixzz3rJKkpgmh> (Обращение: 6. 12. 2015.)

⁵¹ Арутюнян Р. С. Домашняя жизнь хеттов (хеттские праздники и обряды, связанные с домом). Автореферат, диссертации на соискание ученой степени к. и. н. Ереван, 1992. С. 12.

⁵² Обрубок дерева олицетворял бога плодородия Созеришь.

⁵³ Агрба Б. С. Друидизм в Черкессии. // Культ и быт адыгов. Вып. X. Майкоп, 2005. С. 34. См. также Маремшаова И. И. Менталитет в семейных общественных традициях: Кабарда, Балкария, Карачай. Нальчик, 1999. С. 103.

проанализированный материал убедительно свидетельствует об идентификации отдельных обрядовых действий, описание которых даётся в хронологически отдалённых ритуальных текстах.

Этот вид растений в культуре исследуемых народов многофункционален. Свидетельством тому может быть тот факт, что в абхазо-адыгском быту священные деревья служили не только местом проведения различных религиозных церемоний, но и предназначались для других актов общественной жизни. Так, именно здесь собиралась хаса – общинное собрание,⁵⁴ здесь также проходил общественный суд – азбырта тып. – «место для проведения суда». Более того, священные деревья представляли человеку право убежища. Так, в их пределах строго запрещалось наказывать преследуемого, часто этим правилом пользовались отступники от норм адат и лица, подлежащие кровному отмщению.⁵⁵ У абхазов до сего времени сохранились воспоминания, когда все моления и общественные собрания происходили в священных рощах или под отдельными почитаемыми деревьями. Известно, что народные собрания абжуйцев до недавнего времени проводились под огромным ореховым деревом в с. Моква, а бзыпские абхазы для решения своих дел собирались в священной липовой роще, недалеко от христианского храма.⁵⁶

Параллелизм абхазских и хеттских представлений о боярышнике обнаруживается в мифе о поисках Бога плодородия – Телепинуса.⁵⁷ Спр.: «...Под боярышником боги собрались на свет. Под боярышниками там долголетие богов. Там боги

⁵⁴ Шортанов А. Т. Указ соч. С. 53.

⁵⁵ Унежев К. Х. Культура адыгов (черкесов и балкарцев). Нальчик, 2003. С. 136.

⁵⁶ Акаба Л. Х. Традиционные религиозные представления // Абхазы. М., 2012. С. 365.

⁵⁷ В указанном хеттском мифе засвидетельствована коллегиальность хеттских богов.

все уселись: бог Папаяса, и богиня Испусатаяса и Богиня Защитница, и Богини-Матери, Бог Зерна Бог Созревания и Бог-Защитник, и богиня Хабанта».⁵⁸ Представляется очевидным то, что деревья с боярышником в быту хеттов так же, как у адыгов, являлись непосредственным местом собрания богов. Подобное предназначение деревьям-боярышникам отводилось не только в среде хеттских богов, но и в мире людей.

Как известно, культ священных деревьев и рощ занимал заметное место в религиозной системе народов мира. В этом отношении причерноморские народы не являлись исключением. Об этом свидетельствуют античные и средневековые источники. Почти в неизменном виде до конца XIX века рощи в культуре народов Кавказа выполняли функцию священных святилищ, т.е. служили как бы храмами, посвященными божеству.⁵⁹ Так, например у абхазо-адыгов большинство языческих святилищ представляли собой дубовые рощи, которые служили главным местом моления.⁶⁰ Для выявления сходной характеристики сакрального пространства в религиозной системе этих народов следует обратиться к работам востоковеда, исследователя хеттской культуры, проф. Ардзинба В. Г. (Собрание Трудов. М., 2015). В I томе «Древняя Малая Азия, история и культура» автор анализирует целый ряд письменных текстов. В их числе обращают на себя внимание некоторые хорошо сохранившиеся таблички хеттского итинерария антахшума,⁶¹ которые чётко описывают обряд, совершаемый

⁵⁸ Иванов Вяч. Вс. Луна, упавшая с неба. Древняя литература Малой Азии. М., 1977. С. 58.

⁵⁹ Евгений Вейденбаум. Священные рощи и деревья у кавказских народов // Культы. Легенды. Предания. Нальчик, 2010. С. 57-60.

⁶⁰ См. Куёк А. С. Священные деревья у адыгов. ... Акаба. Л. Х. Традиционные религиозные представления. ... С. 365.

⁶¹ Антахшум – один из наиболее продолжительных и достаточно хорошо документированных ритуалов. Этот ритуал длился 38 дней. Антахшума входит в круг тех ритуалов, осуществляемых в первый сезон Нового года, это был праздники дождей.

царем у каменной стелы, символизирующей собой Бога Грозы Хатти. Стела (Бога Тару. – **К.Ф.**) располагалась в помещении тарну, на территории ритуальной самшитовой рощи.⁶² Для ритуала в самшитовой роще царь на рассвете облачался в торжественный наряд. В табличке КВо Х, 20 2 (31) говорится, что «и перед каменной стелой бога Грозы они (участники ритуала. – **К.Ф.**) режут быков и овец».⁶³ Примечательно, что указанные животные во многих хеттских ритуальных текстах фигурируют как жертвенники, что выделяет их из круга остальных животных.

В программу праздника антахшум входили и другие ритуалы, совершавшиеся в лесу. Одна из таких священных рощ локализовалась рядом с хеттским городом Таурисом.⁶⁴

Итак, почитание священных деревьев и рощ является распространённым явлением на Кавказе. Дубовые рощи известны практически в каждой долине Черноморского побережья Кавказа. Касаясь религиозных верований древних абхазских племен, Прокопий Кесарийский писал: «Эти варвары еще в мое время почитали рощи и деревья. По своей варварской простоте они полагали, что деревья являются богами».⁶⁵ О культовом отношении абхазов к некоторым деревьям свидетельствовали авторы более позднего времени.⁶⁶ Так, например; относительно черкесов Ксаверио Главани писал: «Каждый округ Черкесии имеет особое священное место, находящееся в лесу... в этом лесу совершают обряды...».⁶⁷ Известно, что эти рощи служили местом моления. Одна из та-

⁶² Ардзинба В. Г. Собрание трудов. Т. I (Хеттские сезонные царские ритуалы). М., 2015. С. 68.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Прокопий Кесарийский. Война с готами. Пер с греческого. Кондратьева С. П. М., 1950. С. 382

⁶⁶ Акаба Л. Х. Традиционные религиозные представления. ... С. 364.

⁶⁷ Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухум, 1957. С. 50-51.

ких рощ Тхэшаг, посвященная покровителю крупного скота, некогда располагалась в районе Шэхапэ, нынешнего поселка Головинка.⁶⁸ Подобные рощи были широко распространены в Абхазии, об этом свидетельствуют авторы прошлого столетия. Так, например русский этнограф первой половины XX века Чурсин Г. писал, что «священные рощи или отдельные священные деревья имеются чуть ли не в каждой сельской общине».⁶⁹ Далее автор сообщает о том, что в с. Калдахвара Гудаутского района на вершине горки находится роща, глубоко почитаемая окрестным населением.⁷⁰ Такие рощи были известны во многих селах Абхазии, например, одна из широко известных дубовых рощ находилась в Бзыпской Абхазии в с. Блабырхуа Гудаутского района.⁷¹

Таким образом, имеющиеся хеттские письменные памятники свидетельствуют о том, что священные рощи составляли круг сакрального пространства и вполне могли служить местом локализаций дохристианских храмов, поэтому христианские храмы в Абхазии возводились, как правило, в местах прежних языческих святилищ в священных рощах. Это убеждает нас в том, что давние истоки традиций возведения храмов вблизи священных рощ имели продолжение в Абхазии. Священные рощи по-прежнему продолжают служить местом проведения различного рода религиозных обрядов.

Литература

Источник

1. **Прокопий Кесарийский.** Война с готами. Пер с греческого. Кондратьева С. П. М., 1950.

⁶⁸ Куёк. А. С. Священные деревья у адыгов. Покровителем крупного скота у адыгов является бог Ахын.

⁶⁹ Чурсин Г.Ф. Указ соч. ... С. 50.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Акаба Л. Х. Традиционные религиозные представления. ... С. 365.

1. **Арутюнян Р. С.** Некоторые особенности хеттских домашних праздников. // ВДИ 1992 г. № 1.
2. **Арутюнян Р. С.** Домашняя жизнь хеттов (хеттские праздники и обряды, связанные с домом). Автореферат диссертации на соискание ученой степени к. и. н. Ереван, 1992.
3. **Ардзинба В. Г.** Собрание Трудов. Т II. Москва–Сухум, 2015.
4. **Ардзинба В. Г.** Рецензия на работу V. Haas. Der Kult von Nerik. // ВДИ 1975 г. № 1.
5. **Ардзинба В. Г.** Хеттский строительный ритуал // Древние цивилизации от Египта до Китая. М., 1997.
6. **Ардзинба В. Г.** Собрание трудов. Т I. Москва–Сухум 2015.
7. **Акаба Л. Х.** Исторические корни архаичных ритуалов абхазов. Сухум, 1984.
8. **Акаба Л. Х.** Традиционные религиозные представления // Абхазы. М., 2012.
9. **Агрба Б. С.** Друидизм в Черкессии. // Культ и быт адыгов. Вып: X. Майкоп, 2005.
10. **Бгажноков Б.** О роли миграции в этногенезе адыгов. // Древняя и средневековая культура адыгов // Материалы международной научно-практической конференции. Нальчик, 2014.
11. **Бгажба Х. С.** Бзыбский диалект абхазского языка. Тб., 1964.
12. **Вейнберг И. П.** Человек в культуре Древнего Ближнего Востока. М., 1986.
13. **Вейденбаум Е.** Священные рощи и деревья у кавказских народов // Культы. Легенды. Предания. Нальчик, 2010.
14. **Гамкрелидзе Т.В. Иванов Вяч. Вс.** Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-ти-

- пологический анализ праязыка и протокультуры. Т II. Тбилиси, 1984.
15. **Зеленин Д.** Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М., 1937.
 16. **Званба С. Т.** Этнографические этюды. Сухум, 1955.
 17. **Иванов Вяч. Вс.** Луна, упавшая с неба. Древняя литература Малой Азии. М., 1977.
 18. **Крывелев И. А.** Происхождение религии. М., 1965.
 19. **Кагаров Евг.** Культ фетишей, растений и животных в Древней Греции. СПб., 1913.
 20. **Кумахов А. М. Кумахова З. Ю.** Нартский эпос. Языки и культуры. М., 1998.
 21. **Куёк А. С.** Священное дерево в мифопоэтических воззрениях адыгов. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствование. Выпуск № 2 (121). 2013.
 22. **Куёк А. С.** Священные деревья у адыгов. [Электронный ресурс]
 23. **Лобков Д.** Магические свойства деревьев. // PRESSI (HERSON)
 24. **Маремшаова И. И.** Менталитет в семейных общественных традициях: Кабарда, Балкария, Карачай. Нальчик, 1999.
 25. **Паранук К. Н.** Мифопоэтика и художественный образ мира в современном адыгском романе. Майкоп, 2012.
 26. **Семенова А. Б.** Отражение культа дерева в современной свадебной обрядности карачаевцев и балкарцев. // Лавровский сборник. Материалы XXXIII среднеазиатско-кавказских чтений 2008-2009 гг. к 100-летию со дня рождения Леонида Ивановича Лаврова. Этнология, история, археология, культурология. СПб., 2009
 27. **Семён Броневский.** Известия о Кавказе. (Новейшие

- географические и исторические известия о Кавказе). М., 1823
28. **Унежев К. Х.** Культура адыгов (черкесов и балкарцев). Нальчик, 2003.
 29. **Хмелевский Г.** Христианство и религии мира. М., 1968.
 30. **Хазарадзе Н. В. Цагарейшвили Т. Ш.** К идентификации ^{GIS} еia хеттских письменных источников (Хетто-грузинские мифологические параллели) // Кавказ и цивилизации Древнего Востока (Материалы всесоюзной научной конференции). Орджоникидзе, 1989.
 31. **Хазарадзе Н.** Южный Кавказ и Древний Восток. (Этнокультурные параллели) [Электронный ресурс].
 32. **Хотко Б. С.** Современные священные рощи и священные деревья у абхазов: к вопросу о традиционном и новационном // Вторичные формы традиционной народной культуры. Материалы научно-практической конференции (Краснодар, 26-27 ноября 2010 г.) Краснодар, 2010.
 33. **Чурсин Г. Ф.** Материалы по этнографии Абхазии. Сухум, 1957.
 34. **Шортанов А. Т.** Адыгские культы. Нальчик, 1992.
 35. **Шагиров А. К.** Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. М., 1977.

Респонденты

1. Авидзба Виктор, 45 л., г. Сухум.
2. Габниа Цира, 53 г., г. Сухум.
3. Камлиа Шота, 83 года, с. Лыхны.
4. Кобахиа Мизан, 59 л., с. Лыхны.
5. Сандзаа-Кобахиа Светлана, 57 л., с. Лыхны.
6. Тарджман-ипа Чичика, 59 л., с. Лыхны.
7. Багателиа-Парцхалиа Рима, 76 л., с. Лыхны.

Интернет-ресурс

http://krotov.info/library/04_g/ru/ia_13.htm2. 2.

<http://www.abkhaziya.org/>

<http://adygi.ru/index.php?newsid=11389>.

<http://cyberleninka.ru/article/n/svyaschennoe-derevo-v-mifopoeticheskikh-vozzreniyah-adygov#ixzz3rJKkpgmh>

КОБАХИА Ф.М.,
лаборант
АБИГИ им. Д. И. Гулиа.
ТАРБА Д. Г.,
студент II курса исторического ф-та
АГУ

Тавроболий в традиционной религии абхазов

Рассматриваемое существо в качестве жертвенного животного является одним из самых сложных образов мифологии, как с исторической, так и с психологической точки зрения.¹ Образ этого существа является одним из древнейших архетипов мифологического сознания.² В ряде мифологий (шумерской, египетской и др.) обнаруживаются разнообразные связи быка и соответствующего ему мифологического образа: его полное тождество как земное воплощение бога или как его атрибута. Образ быка засвидетельствован в одной из древнейших шумерских песен «Гильгамеш и Небесный бык», в котором он призван сразиться с героем Гильгамешем, отклонившимся от любви с богиней Инанна. Сцена поединка быка с человеком подтверждается шумерскими печатями, изображающими эпизоды сражения героя с чудовищем-человекобыком. В других мифах того же ареала бык является символом бога Грозы. В частности, в хурритской мифологии у бога Грозы два быка – Хурри (утро) и Серри (вечер).³ Большинство

¹ Шамякина Т. И. Традиционный китайский календарь и славянские мифологические параллели. Издательский центр БГУ, 2010. С. 18.

² Зайковский Э. М. Культ быка у предков белорусов. // Альманах «Деды». Дайджест публикации о белорусской истории. Вып. IX. Минск, 2012. С. 209.

³ Мифы народов мира. Энциклопедия. В двух томах. Под ред. С. А. Токарева. Т. I. М., 1980. С. 203.

исследователей мифологии связывают образ быка с мужским божеством. Этот тезис подтверждается мифологическими воззрениями народов Древнего Востока. В частности, в религиозной традиции хеттов Бог Тару, владыка стихии, восседал на спине быка,⁴ а другой Бог Тешиба принимает образ быка. Связь Бога с Быком также доминировала в мифологических воззрениях абхазов. Абхазы представляли, что верховный Бог Анцва был одет в бычью шкуру. Эти связи, видимо, не безосновательны, по мнению Ш. Д. Инал-ипа, они проявляются «... в самом имени бога Анцва, где, как видно присутствует название быка. Ан-цъа Ан-цъ Ацъ > Бык. Ан-Бык, т.е. Бог-Бык...».⁵ Подобные мифологические представления в верованиях абхазо-хеттов, несомненно, связаны с культовым состоянием быка как главного жертвенного животного Богов громовержцев.

Тезис о том, что бык в легендах был непосредственно связан с морем – приплывал и уплывал, подтверждается абхазской легендой о «Белом быке». Согласно повествованию, одного из богов абхазы представляли в образе белого быка, обитающего в море. Когда морские разбойники или враги приближались (но были невидимы с берега), море начинало бушевать, и тогда бык выходил из моря на сушу. Увидев быка, жители сразу догадывались о приближении врагов.⁶ Видимо, абхазы считали его покровителем моря и вестником грядущей опасности.

Во многих скотоводческих культурах (Малая Азия, Двуречье, Кавказ) наличие культа быка подтверждается не толь-

⁴ Кобахиа Ф. М. О некоторых абхазо-хеттских параллелях (по следам трудов В. Г. Ардзинба) // Материалы конференции студентов, аспирантов и молодых ученых исторического факультета Абхазского государственного университета, посвященной 70-летию В. Г. Ардзинба. Сухум, 2015. С. 66.

⁵ Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории Абхазов. Т. III. Сухум, 2011. С. 162.

⁶ Хотелашвили-Инал-Ипа М. К. Подборка из очамчырской газеты «Аком-мунизм ахь». //Труды Абхазского государственного музея. Вып. VI. Сухум, 2008. С. 228.

ко фольклорным материалом, но и данными археологии. Известно, что в различных пунктах Абхазии были выявлены многочисленные костные останки домашних животных, а также их изображения. Так, на памятниках колхидско-кобанской культуры (VIII–VII вв. до н.э.) широко представлены глиняные, каменные и металлические скульптурные фигурки быка. Характерно, что значительная часть фигурок быков бронзовой эпохи, найденных в Абхазии, отличаются длинными большими рогами. Подобный вид быков засвидетельствован византийским историком Агафием в VI в.: «...огромный бык с великолепными рогами... лесной и горный, уничтожающий рогами все противостоящее... Я [Агафий] полагаю, эту породу называть бубалами. Их во множестве порождает эта страна. Ибо в ней густые леса, страшные горы...».⁷ Скульптурные изображения быка обнаружены в одном из самых древних городов мира, Малой Азии, – Чатал-Хююке (VIII тыс. до н.э.). Святилище древних хаттов было чрезвычайно богато росписью религиозного содержания, среди которых археолог Дж. Мелларт выделяет глиняные рельефы, бычьи рога и изображения бурканий и др. Особенно значительные по материалу святилища слоев VII и VI. В отдельных частях штукатурки вырезаны крупные фигуры быков.⁸ В первом святилище на северной стороне в центре – рельефное изображение богини с распахнутыми в стороны руками и ногами. Над ее правой рукой изображены маленькие бычьи головы, близ левой – бычьи рога. На западной стене отмечены пять бычьих голов разных размеров.⁹ В слое VI найдены скамьи, украшенные преимущественно бычьими рогами, а VII слой богат столбами, на которых по-

⁷ Земледелие и скотоводство у абхазов. Под ред. Робакидзе А. И. Акаба Л. Х. Тбилиси, 1986. С. 110.

⁸ Антонова Е. В. Антропоморфная скульптура древних землевладельцев Передней и Средней Азии. М., 1977. С. 79.

⁹ Антонова Е. В. Указ соч. С. 80.

мещены рога быков. Такие столбы служили защитной силой (оберег) от зла в доме.¹⁰ Они известны далеко за пределами Малой Азии и представлены в духовной жизни абхазов в качестве магических элементов, которые соответствуют культовой практике Чатал-Хююка.

Аналогичные фигуры быка также были найдены в культурном слое Майкопской культуры. В 1897 г. археолог Веселовский Н. И. раскопал на окраине Майкопа большой курган «Ошад», в котором располагалась огромная могильная яма с останками мужчины. Останки его находились под балдахином в виде метровых трубок, украшенные золотыми и серебряными бычьими фигурами. На ткани балдахина были нашиты и золотые штампованные бляшки в виде 68 фигурок львов, и 19 пластинок, изображающие быков.¹¹ На одном из широко известных серебряных сосудов из Майкопского кургана изображен узкий гравированный фриз из шествующих животных – барана, быка, барса. На втором сосуде сюжет гравировки более сложен. Под горами и между реками вереницей идут бык, лошадь и лев, а в противоположную сторону второй бык; у озера по кругу шествуют кабан, козел, бык и лев.¹² Сюжеты этих серебряных сосудов, их стилистические особенности во многих деталях обнаруживают связь с шумерской песней «Гильгамеш и Небесный Бык». В них позиционируется характерная последовательность образа быка и природной стихии – реки. Для того, чтобы наказать Гильгамеша, бог Ану создает страшного быка и спускает его с неба к Евфрату, тот выпивает воду – реку.¹³ К тому же некоторые исследователи,

¹⁰ Мифы народов мира. Энциклопедия. В двух томах. Под ред. С. А. Токарева. Т. I. М., 1980. С. 203.

¹¹ История Адыгеи с древнейших времен до начала XX в. Ред. кол. Т. I. Майкоп, 2009. С. 29.

¹² Там же. С. 33.

¹³ Липин Л. А. Белов А. И. Глиняные книги. М., 1952. С. 204.

анализируя изображения рек, видели парные реки Кавказа, как Тигр и Евфрат.¹⁴

Бык в качестве жертвенника фигурирует в текстах наиболее продолжительного хеттского ритуала – антахшума, весеннего праздника цунни. Согласно сохранившимся строкам итинерария, антахшума в день открытия ритуального сосуда Бога Грозы в жертву приносили восемь быков и семь овец. В другом хеттском календарном ритуале – нунтариясха бык значится как жертвенник. В одном из текстов, относящихся к этому ритуалу, говорится: «...когда царь осенью после похода из Аринны в Хаттусу на праздник нунтаясха приходит (и) все храмы богов он (по очереди) (об)ходит...».¹⁵ Следует заметить, что верховному Богу Громовержцу хетты в качестве жертвенника предпочитали преимущественно быка. Такой порядок предназначения жертвенников согласуется с абхазской традицией жертвоприношения.

Жертвоприношение – это религиозный акт, который может практиковаться только в религиозной среде и выполняться исключительно действующими лицами, обладающими определенным религиозным статусом.¹⁶ Жертвоприношение является одной из важнейших функций архаического общества.¹⁷ Жертвоприношение животного – это ритуальное убийство с целью удовлетворить или сохранить благосклонность божества. В исследованиях М. Мосса жертвоприношение рассматривается не иначе как коммуникативный акт: жертвующий

¹⁴ История Адыгеи с Древнейших времен до начала XX в. Ред. кол. Т. I. Майкоп, 2009. С. 34.

¹⁵ Ардзинба В. Г. Собрание Трудов. Т. I. Древняя Малая Азия: история и культура. Москва-Сухум, 2015. С. 62.

¹⁶ Марсель Мосс. Социальные функции священного. СПб., 2000. Электронный ресурс.

¹⁷ Савинов Д. Г. Идея множественности как залог успешного жертвоприношения // Жертвоприношение в архаике: атрибуция, название, цель. СПб., 2012. С. 49.

посредством жертвы вступает в связь с потусторонним миром – с миром богов.¹⁸ Они были обычно в некоторой степени дарами, дающими верующим права на их богов.¹⁹ В этом случае жертвы являлись своеобразным каналом доступа или носителями информации. Обряды принесения в жертву животных характерны для всех народов мира. Однако с точки зрения их идентичности чрезвычайно интересны абхазо-хаттские формы, в основе которых лежит общий источник жертвоприношения.

Среди пожертвованных животных в религиозно-обрядовой практике коренных кавказо-малоазийских народов ведущее место занимали «бык» и «козел». Они главным образом посвящались верховным богам абхазо-хеттского пантеона (абх. – Анцва, хетт. – Тару).

В религиозной жизни этих народов жертва должна соответствовать некоторым требованиям, делавшим ее пригодной для посвящения. Она не должна иметь дефектов, болезней, увечий, быть определённого цвета, возраст и пола. Наиболее важной является операция, осуществляющая переход животного из сферы мирской в сферу религиозную – священную, так как, согласно давним поверьям этих народов, жертва не была сакральной по факту своего рождения. Но для того, чтобы поднять жертву до нужного сакрального уровня, с ней следует провести целый ряд церемоний.²⁰ Следовательно, после этих процедур жертва получает определенный религиозный статус и готова для убиения.

Однако заметим, что в религиозной жизни абхазо-хаттов не все животные могут быть принесены в жертву богам. Отдель-

¹⁸ Марсель Мосс. Указ соч.

¹⁹ Дмитриева Т. Н. О неоднозначности понятия «жертвоприношение» // Жертвоприношение в архаике: атрибуция, название, цель. СПб., 2012. С. 35.

²⁰ Марсель Мосс. Указ соч.

ным богам приносятся разные животные.²¹ В известном земледельческом молении абхазов, обращённом к самому богу молнии и грома, под названием «моление ацу» – ацуныщъара, в жертву приносится бык.²² На фоне этого моления возможно выявить единство обрядовой практики, осуществляемой при обеспечении жертвы культурной чистотой.

Итак, в назначенный день жертвенного быка приводят в назначенное жертвователем место для ритуального убийства. Однако перед его закланием один из молодых мужчин подносит моельщику кувшин с чистой речной водой. Моельщик поит и промывает мордашку и передние ноги бычка. Затем, обратившись лицом на восток, держа рога жертвенника, он произносит молитву. Обряд омовения водой соответствует не только абхазской, но и греческой, римской и ведийским традициям. В Мексике и на Родосе животного поят допьяна, так как опьянение было признаком одержимости. У греков вода использовалась при омовении ритуального топора (лабриса) и ножа. В этом обряде функция водоснабжения возлагается на девушек – водоносиц.²³ В ведийском же ритуале жертву полили божественной водой,²⁴ в результате чего она постепенно приобретала степень сакральности.

Сразу после молитвы моельщик при помощи молодых участников торжества приступает к непосредственному выполнению своего обещания Всевышнему Богу – приношению ему бычка в жертву. При закалывании животное обращено лицом (головой) на восток, а спиной к северу, так, чтобы она была свидетелем случая.²⁵

²¹ Гулиа Д. И. Собрание сочинений. Т. VI. История Абхазии. Этнография. Сухум: Алашара, 1986. С. 287.

²² Там же. С. 289.

²³ Соколова З. П. Жертвоприношение в религиях. СПб., 1998. С. 250.

²⁴ Марсель Мосс. Указ соч.

²⁵ Джанашия Н. Абхазский культ и быт. М.: Российская государственная библиотека, 2004. С. 164.

Абхазы приносили бычка в жертву как в торжественных, так и в траурных церемониях. Однако и тогда его выбирали по определенным критериям. Он должен был быть по возможности красивый, здоровый, с красивыми вытянутыми рогами. Ему придают нарядный вид: рога украшают серебром или другим металлом и путем надставки значительно увеличивают их и прикрепляют к ним зажженные восковые свечи.²⁶ Накрывают быка синим, красным или серым материалом, затем на спину его набрасывают попоны из нанизанных на нитке каштанов и мушмулы.²⁷ Этот обычай напоминает ритуал древних греков и римлян, осуществляемый перед закалкой жертвенника – быка. Известный древнегреческий обычай буфоний в честь бога Зевса предусматривал убиение самого красивого быка²⁸. Римляне при жертвоприношении быка, как правило, наряжали, причесывали, отбеливали, потому он был известен как *bos cretatus*, т.е. выбеленный мелом бык. Весьма характерно, что его рога золотили, на них надевали венок и украшали ленточками.²⁹ Весь перечисленный арсенал предметов в обеих традициях был пригоден для обеспечения сакрального состояния жертвы. Следует также обратить внимание на образные критерий жертвенника, по которым определяется его предназначение. Так, наряженный бык у абхазов, как правило, связан с печальными событиями.

Резюмируя изложенное, следует подчеркнуть, что в дальнейшем исследователям еще предстоит комплексная работа по изучению самобытной системы жертвоприношений во всех их особенностях.

²⁶ См. Гулиа Д. И. Собрание сочинений. Т. VI. История Абхазии. Этнография. Сухум: Алашара, 1986. С. 289. Бигуаа В. Л. Вопросы традиционной религии и бытовой культуры абхазов. Сухум, 2012. С. 291.

²⁷ Гулиа Д. И. Указ. соч. С. 289.

²⁸ Соколова З. П. Жертвоприношение в религиях. СПб., 1998. С. 251.

²⁹ Марсель Мосс. Указ соч.

Литература

1. **Ардзинба В. Г.** Собрание Трудов. Т. I. Древняя Малая Азия: история и культура. Москва – Сухум., 2015.
2. **Антонова Е. В.** Антропоморфная скульптура древних землевладельцев Передней и Средней Азии. М., 1977.
3. **Бигуаа В. Л.** Вопросы традиционной религии и бытовой культуры абхазов. Сухум, 2012.
4. **Гулиа Д. И.** Собрание сочинений. Т. VI. История Абхазии Этнография. Сухуми, 1986.
5. **Дмитриева Т.Н.** О неоднозначности понятия «жертвоприношение» // Жертвоприношение в архайке: атрибуция, название, цель. Санкт-Петербург, 2012.
6. **Джанашия Н.** Абхазский культ и быт. М.: Российская Госсударственная библиотека, 2004.
7. Земледелие и скотоводство у Абхазов. Под ред. Робакидзе А. И. Акаба Л. Х. Тб., 1986.
8. **Зайковский Э. М.** Культ быка у предков белорусов. // Альманах «Деды». Дайджест-публикации о белорусской истории. Вып IX. Минск, 2012.
9. **Инал-Ипа Ш. Д.** Вопросы этнокультурной истории Абхазов. Т. III. Сухум, 2011.
10. История Адыгеи с древнейших времен до начала XX в. Ред. кол. Т. I. Майкоп, 2009.
11. **Кобахиа Ф. М.** О некоторых абхазо-хеттских параллелях (по следам трудов В. Г. Ардзинба) // Материалы конференции студентов, аспирантов и молодых ученых исторического факультета Абхазского государственного университета, посвященной 70-летию В. Г. Ардзинба. Сухум, 2015.
12. **Липин Л. А. Белов А. И.** Глиняные книги. М., 1952.
13. Мифы народов мира. Энциклопедия. В двух томах. Под ред. С. А. Токарева. Т. I. М., 1980.

14. **Марсель Мосс.** Социальные функции священного. СПб., 2000. Электронный ресурс.
15. **Савинов Д. Г.** Идея множественности как залог успешного жертвоприношения // Жертвоприношение в архайке: атрибуция, название, цель. СПб., 2012.
16. **Соколова З. П.** Жертвоприношение в религиях. СПб., 1998.
17. **Хотелашвили-Инал-Ипа М. К.** Подборка из очамчырской газеты «Акоммунизм ахь». //Труды Абхазского государственного музея. Вып. VI. Сухум, 2008.
18. **Шамякина Т. И.** Традиционный китайский календарь и славянские мифологические параллели. Издательский центр, БГУ. 2010.

Апсуа ржыратә казара иадхәалоу зцаарақәак

Апсуа жәлар рытрадициатә напказарақәа – асра, ахахәцәра, ауастара ухәа инарываргыланы, апстазаараф ацәк дузза аманы икан ажырагы. Уимоу, жәлартә напура иалацәажәоз азәыршы ишазгәартоз еицш, ажыратә ус егырт иаарылыхәхәо, насгьы уи иадхәалоу акультгы еиха аеыргәгәаны «амчхара» аманы икан ауаа рыпстазаараф. Аиха аус адуларатә казара апашәқәагы штаулоу, иамаз атрадиция иахьагы ишмызыц, ахацәа азәыршы уи шырдыруз, иахьагы ишырдыруа, ишазыманшәалоу азгәартит апсуатцаара знапы алаку ацарауаа. Ажыра ус традиция апсуа жәлар рышнытка гәгәала иҭианы ишыказ хгәаладыршәоит урт рҭапыцтә хәамтақәа. Иаххәозар Аинар-жьи ихафсахьа, Сасрыкәа икыркы архәыхәра, изрыжәра, Абраскьыл дзыдҭахәалоу аихатә шыака уб.ит. Абасеипш икоу аҭагылазашьа иагыцашьатәзам, избанзар, ихафсхьоу аамтақәа рзы ахәса рнапала ирхахоз, ирсуаз ирылхны ртаацәа зегьы матәа-шыгәала, иарала ухәа еикәдыршәон. Ахацәа ракәзар ажырафы икарцоз аматәахәқәа зегь рацхьазагы аыхьчаратә, ахеикәырхаратә цакы акәын изызкыз.

Дәҭеакала иухәозар, ажыратә казара змамыз, еихатәы бцарла зеыззеикәмыршәоз ажәлар, рхыхьчара еиха иуашәшәыхон, уи еиҭкааны измаз рааста. Насгьы, аметаллқәа ауаа рыпстазаараф ахархәарала асоциал-экономикатә ҭагылазашьагы еигьхон, еиха ирласны иарҭеион атехникатә прогресс, избанзар, ажырафы аыхьчагатә бцар анафсангы, апстазааразы хәартара дузза злаз, анхамәа зырманшәалоз, еиуеипшым амаругақәа карцон.

Ацсны адгьыл иахьатанакуаз, ааигэанзагьы ажыраҕы традициала икарцоз аихалыхкэа иреиуоуп: ахэа, аҕама, аҕса, ахҕа, аиха, айгэышэ, ахэызба, ашэақ, атапанча ухэа убас егьыртгьы. Ажыраҕы икарцон иара убасгьы, ахыхьчагатэ цакы змаз аманыга (апырак) (щит), акэалзы, акэалзы хылца (шлем). Убарткэа рнаосангьы, ажьицэа пыхьагьы икарцон, иахьагьы икарцоит хкы рацэала еилоу, анхамоаҕы зда псыхэа ыҕам, еиуеипшым амаругакэа. Урт цакәа хықәкыла харзаатгылоит.

Ажыратэ напура ханалацэажэо, иааркьаҕыны акэзаргьы хазаатгылароуп ажыраҕ икарцоз аматэаркэа злырхуаз аихаза ахьроуаз, иахьырыцшауаз, даҕакала иаххэозар амадентцхрей аихазартэарей рызцаатэқэа шыказ. Ихәосхьоу ашэышықэса аҕеиошамтаз изыоуаз даҕазэгьы иазгэеитон, Ацсны аоадахьала ашьхараҕы ажэытэтэи амадентцхыртақэа шыказ, уаҕа амармалташы, атсеи, аихазеи шытырхуаз. Н Фон-Дервиз ишихэоз ала, арака ашьхатэ ааглых зехьынцъара ирҕеиан ухэаратэи икоуп, аха уи ажэытэзатэи аамтақэа рзы акэын¹.

Кавказ ажэларкэа ретнография ибзианы издыруаз Г.Ф. Чурсин иазгэеитон, Аахыц-Кавказ жэытэнатэ аахысгьы аихаза злытцуаз амадентцхыртақэа маҕымкэан ишыказ². Уи инацшыны ихэон, амраташэарахьтэи Қырттэыла араионқэа рҕы ирацэамзаргьы аихатэ маденқэа шамаз. Уимоу, ажэытэзатэи аамтақэа рзы Ацсны аиха аус адулара ацентрқэа ируакын хэа ипхьазон уи атцарауао.

Иаaidкыланы, Кавказ зегьы акны абоа-цъазтэ аамта х-етапкны еихишоит. Актэи иатцанакуеит хера калаанза III азкьышықэса антэамтеи II азкьышықэса алагамтеи; аобатэи аетап – II азкьышықэса; ахпатэи – хера калаанза II азкьышықэса

¹ Фон-Дервиз Н.В. Сухумский округ. (Заметки бывшего лесничего). ЗКОР-ГО, кн. XXV, Тифлис, 1906. Ад. 72.

² Чурсин Г.Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1957. Ад. 67.

антэамтеи I азкышыкэса алагамтеи. Абарт аетапкэа абасала реихшара шыатас ирымоуп ирацэазаны иаапшхьоу абѳа-цызтэ маругакэа. Ускантэи аамтазы Кавказ иказ ацызтэ индустрия араионкэа ируакын Амраташэарахьтэи Аахытц-Кавказ, Апсны адгбыл ахьацанакуагы.

Хара хыкэкыла хызыфлымхау – ажыратэ напус ашыа-кэгылара ацашэкэа реилкааразы, зызбахэ хамоу автор иусумтаф икаитцо алкаакэа ацак ду ирымоу ауп. Убас, автор иазгэеитоит, абѳа-цызтэ ааглыхра аан ажыратэ техника ахыпсыгьыз акнытэ, артэареи ажыреи хаз-хазы еилыпратэы изыкамызт. Убасеипш аамта аныкалаз аиха ааглыхра анфеиз ауп, насгьы уи акласстэ уаажэларра шыакэгылаанза икалеит ухэаратэы икоуп Европееи, Кавкази, Африкеи ртерриториакэа рфы. Дара абарт ааглыхракэа аамтала еишытагыланы рыфеиарагы абас икан: рацхьа, ахаблафьы еиланхоз зегьы артэарагы ажырагы еицырзеипшын, насгьы уи ахабла адгбылкэаарыхрагы иакэытхамызт. Убри ашытахь, ахаблафьы еиланхоз шытрала иртэаѳцэаны-ижьицэаны икалеит; абарт атагылазаашьакэа абѳагы аихагы рааглыхрафьы еипшын. Аха аиха ааглыхра анышыакэгыла, уи иачыдаказшыаны икалеит ацута иаланхоз, хылтшытрак иатэыз артэаѳцэеи ажьицэеи хазы-хазы рфеиѳшара, ашытахь, ажьи-аказа дызлаз ахабла раарыхратэ нхамѳа дакэганы хазы ажьи хэа азанаат чыда иманы дкалеит.

Кавказ икэынхо ажэларкэа, хыкэкылагы апсуаани аедыгьаани рфы рацхьазатэи аихацсыхэ шцэырцыз, мамзаргьы, уи цэырцырц шалшоз, насгьы аиха акульт атэы зхэо афольклортэ материалкэеи адинтэ кьабзкэеи дырзаатгыланы Л.Х. Акаба илѳыз астатиафьы акультура аеволиуциатэ феиарафьы акырза зылшаз рацхьазатэи аихатэы мыругакэа рхархэаразы, икалцоит абас еипш икоу алкаа: «... икалоит, ауаа амаден адгбыл итхны артэашьа рцаанза, ажѳан акынтэ икахауаз аметеориттэ еиха («афырхы») рхы иадырхэозар» хэа. Рахьатэи

акульткәеи ақьабзкәеи рышьақәыргылараггы (аихапсыхәа иадхәалоу) убри аметеориттә хәхә – афырхы иахылҭеааит, ажәлар ишырхәо еипш – «Ажыра – афы иакәырчахоуп»³.

Абжьаратәи ашәышықәсакәа рзы апсуаа рҭы аметаллургиеи аметалл аус адулареи ртагылазаашьа иазку О.Х. Бҭажәба истатиаҭы далацәажәоит ускан амаден артәашьа зеипшраз: «ацша зтасуа икәтцз апшьырхәкә амаден кәакәаны арацәарца алатцаны итартцон, амца антартцалак арацәа абылра иалагон. Уи анеилашлак, иахылтцуаз аләа тҭытцәы хыхь ихалон, уа хыхь икәз амадени арацәеи аршуан, иара убри алаггы (амадени арацәеи) ахимиатә еилалара (реакция) рзыкалон–амадени атццәызлытци аметаллтә еиха шыақәдыргылон, нас арацәа «ажырауац» (шлак) аналтцлакь аихаза цқьахон, ажырауац тцкәкәаны апшьырхә атцахь итәтәон, арацәа блыщцхьаза ишыақәгылоз аиха ҭыткәа (крица) изытуаз ажырауац цытк акара шрылазггы тцәка иахькәтәоз еилагылон»⁴. Автор далацәажәоит иара убасггы, ацыр шыкартцоз, уи рхы ишадырхәоз, иалырхуаз ахатабзиара зеипшраз, аиха цырла аҭыбаара, урт реилартәара ухәа егьыртггы. Артқәа зеггы еилкаахеит Ацсны археологиатә жрақәа раан ирбахьаз аматәарқәа Москвака иганы аметаллографиатә анализ рзурала.

Хәарас иатахузеи, абрыскак иахьыхараз, иахьыхаракыз акнытә амаден ытцхны аагара даара ихьантәз усыи. Акы–убрака ацхын мызқәа зацәык раан акун аус анрызуаз, «баггы–убраантәи иахьынхоз илбааганы идыртәар акәын. Зхатабзиара харакыз абәа аиуразы амаден ыиынтәггы идыртәар акун. Убас икәз амаденртәартақәа – апшьырхәкәа ируакын Акәатәи ашьхаҭы икәзггы.

Кавказтәи ашьхаҭ иҭырбо игылоу Башкапсара ахаракыра аладахьтәи акызграҭы улацш рықәшәоит атцармакҭеипш

³ Акаба Л.Х. О пережитках древнейших верований в культе кузницы абхазов. Известия АБНИИ, Вып. II. 1973. Ад. 170-180.

⁴ Бҭажба О.Х. О металлургии и металлообработке в Средневековой Абхазии. Сборник научных работ аспирантов. Сухуми, 1967. Ад. 214-215.

«ихыиатэааза икоу абахэ ҕыцэаакэа». Убарт руак акны иубоит итылашыцааза икоу ахапы – ажэйтэзатэи амадентхыртатэ-шахта). Уи ахапы аҕышэта 6 метрак итбаауп, 3 метрак ихаракуп, 7 метрак уи илатакны ажэйтэза зны, ашахта аус анауаз даҕа талартакгы аман, аха уи ускантэи амадентхра аан ипырҕыс ацакыа хахэ ала ишэахауп. Зызбахэ ҕамоу ашахта – ахапы аура 60 метра икоуп, аһнытқа атбаара цыара-цыара 30 метра ркынза иназоит, ахаракыра – 15 метра.

Иахыа ашахтакэа ртагылазаашыа уахэапшуазар, иуз-гэамтарц залшом, уи аһныткатэи атызкэа алҕақ иаганы еикэатэаза ишыкоу. Ацарауаа ишазгэартаз ала, уи зыхкыаз, ашахтакэа рыһнутқа амадентхыһцэа амаден атыгаразы, ацакыа амцала иршны иахыаҕдырбгоз ауп.

Ишаабо еипш, ажэйтэзатэи аамтакэа инадыркны икыасоу абжыратэи ашышыкэсақэа ркынзагы Ацсны ибзианы иҕианы икан амадентхрей, аихазартэарей, ажырей. Уи ашытахытэи аамтазы ажыратэ традиция шейкэхазгы, егырт зынзаск иҕыцэааит, иара убри алагы аетнография алацшхэаа захымзо, ауаа ргэалашэараҕе, шамахазақ акэымзар, иаанымхеит. Хэарас иатахузей, абас еипш икалаз атагылазаашыа амчхара злаз цатцҕыс иаман. Хыхыгы ишазгэахтахоу еипш, амадентхрей, насгы ашыхантэи илбааганы уи артэарей даараза ихыантаз усыһ, ада цсыхэа ахынзакамыз акэын уи анҕиауаз, ианҕацоз, ауаа рыхшыһи, рымчи, рпышэеи зегы аназыркуаз. Аихазартэа даҕацыарантэ ауаа ироуа ианыкала, абыскак ицабаааз, ихыантаз азанаат иакэытуан, еихаразақгы уи аус еиха изырманшэалашаз анаимулак – атехникатэ ҕиара ацхыраара аназыкамцалак.

Ацсуаа рҕы ажыратэ традиция зейцшраз хықэкыла иазкны итицаахыейт ацсуа етнограф И.А. Ацынцбал. Уи икаицаз атцаарақэа рҕы хаз чыдала дырзаатгылейт ацсуаа ржыратэ хыбрақэа, амаден атхрей аус адуларей, ажырей ажыицэеи хатыр рықэцара, ажыра анцэахэы Шыашы имцаныхэара,

ажыраҕы аҕара, ахрыцкыара, абгара, аихалых ахатыркэцара иазку атаскэи аҕабзкэи ухха егыртгы. Амала иазгэататэуп, автор еихаразакгы дызлацэажэо ажыратэ традиция шыказ шакэу. Ареволиуция аныкала ашытах, лымкаалагы асоциалистэ уаажэлараҕы атрадициатэ напура шыкалаз, хэартарас иалоу, алахынца шыкоу ухха азтаатэкэа зынзаскгы дрыламцэажэазеит⁵.

Иазгэататэуп, зызбахэ хамоу атрадициатэ напуракэа рызкацаа рхыцхызаракэа рышыакэргылараҕы, уи иазкны икатаз, анкета хасабла азтааракэа зынцоу ацхыраагза ххы ишахархээз. Уака ихадоу азтааракэа инарываргыланы, иаарпшуп аказацаа рцышэа зэыртааз рыхызи рыжэлей рарбара адагы, урт анаос, дасу ақытакэа рҕы хыципшей змоу напкацацэаны ишыкалазгы. Уи иабзоураны ишыакэыргылахеит, иахытэи ажыцэа инарываргыланы, уаанза Ацсны ажыцэа-нагакэа хэа ицхыазз рыхыызкэагы. Аха уи аамтазы иазгэататэуп анаос хазлацаажэараны хакоу ажыцэа реихарашык. Хыхь иахарбаз И.А. Ацынцбал иусумтаҕы зызбахэ ихэахыз роуп. Ишырацэамгы, урт зегы аайдкыланы иахарбоит.

Убас XX-тэи ашышыкэса актэи азбжазы Ацсны ахынзаназаазоз зегы рызбахэ рдыруан абарт реипш иказ ажыцэа-казацаа: Мамсыр Воуба (Тхына), Гажэ Қышмариа (Цлоу), Мыкытат Ашэба, уи ипа Цэавгыет – (Гэада, Цэавгыет айбашыра дтахеит), Аазиз Шларба (Цыгарда, айбашыра дыбжызит), Султан Аэзба (рацхыа жыис Аацы аус иуан, нас Цлоу), Цысыц Агрба (Кэланырхэа), Гыд Лакэиа, Шырыф Махариа (Лыхны).

XX-тэи ашышыкэса 80-тэи ашыкэскэа раан маха-шыахала, махэҕала игэҕаза иказ, агэабзиара зманы, ацстазааратэ практикаҕы зжыратэ казара зхы иазырхэоз жыцэан: Чыка Лабжыаниа (Агэыбедиа); Лука Цачлиа, Леуард Чачхалиа, Уасил

⁵ Аджинджал И.А. Из этнографии Абхазии. Сухуми, 1969. Ад. 205-275.

Логуа , Хэыхэыт Қышымариа (Цлоу); Никэала Аршба (Гэада); Луба Кархалаа (Гэып); Гурам Гьегьиа, Аполлон Чытанаа (Баслахэ); Вова Ломиа, Қаласа Қапба (Арасазыхь); Ладикэа Шынкэба (Тхына, уажэы Ткэарчал ақалақь ағы дынхоит); Роф Цаланзиа (Кутол); Валиа Амчба, Иазбеи Сангэлиа , Кэышэ Шларба (Цыгьарда); Вова Гогьиа (Кындыг); Амбакэа Кэытцниа (Атара); Баць Аөзба (Аацы); Шаликэа Ацьба (Абгархыкэ); Жора Гэлариа (Ачандара); Аксент Цниа, Цанди Воуба (Кэланырхэа); Мамса Габуниа (Лыхны); Манча Чыгуба, Вова Зкуа, Миша Дашьелиа, Заканбеи Барганцья (Цыырхэа), Датикэа Дбар, Кажа Дбар (Мгэызырхэа); Вова Хэытаба (Блабырхэа)⁶.

Хыхь иахарбаз, иахьа ажырағы аусура зылшо рнафсангы, азэык-шыцбак ракара ажыра атэы здыруа, ианрылшо ижыкэогы ыкоуп. Иаххэап, Мирод Алшэынба (78 ш.) – Лыхны, Сандра Аршба (92 ш.), хыхь зызбахэ ххэахьоу Шэлиман-ипа – Ткэарчал ақалақь, Алмасхан Азынба (85 ш. шихыцуаз 1981 шыкэсазы, ҕафратагалан ицстазаара далцит) – Цыгьарда.

Зызбахэ ххэаз ажыицэа рахьтэ мацк далахкаар хтахуп ХХ-тэи ашэышыкэса афбатэи азбжазы, Аацы ақыта инхоз 40 ш. жьис аус зухьаз напказан Аөзба Баць Махайд-ипа, ажыра ус ихала итеит Приморское ақытан (ускан иаб уа дынхон) 1936-1937 ш. рзы. Ускан трактористе дшыказ, ижьиуаз данырмоу иара кыгэ-чыгэрак иидыруаз ала ажырахь диаргоит. Уи ашьтахь нхарахэа Аацы ақыта, Алра ахаблахь нхара даниас, аколнхаратэ жырағы аусура даладыргоит. Уаанза уака аус зуаз Аөзба Султан дыкэтцны данца, ахабла ажьи дрымазамкэан икан. Аколнхара ажырағы аусура даналага, Алрантэи аара аницэыуадафха, ақыта, аусхэартеи, ажыреи иахьырзааигэаз нхарта тыпс иалихит. Аөзба Баць ихаан ажыра ахьбра атзамцкэа бетонла икатан, шиферла ихыбын, атбаарала,

⁶ Аргун И.Г. Традиционное народное искусство и время. Сухуми, 1985. Ад. 74-98.

аурала – 8 метрак, иназон, џ-шэыки, х-ценцьырки џан. Хыхь зызбахэ ххэахьоу ажыиракэа рааста, арака ускантэи аамтазы иказ атехникатэ џазараџагы ахархэара амоуп; аџа апша тазырсуа афымцатэ вентиляторла икатцан (афымцатэ лашара аныкам аџа наханы аус зларуагы ыкоуп), былтэыс ажы ихы иаирхэоз ахахэ раџа акэын; аихеи аџыри реилартэаралазы аппарат (сварочный аппарат) иман, ихы иаиырхэон афымцатэ еихакылџаага ухэа убас егьыртгы. Иахьатэи апсуа жьиџаа русура ишахнарбо ала, ари анапура, жэытэ-натэ аахысгы зџашэџаа џауланы ауаа рыџстазаара иалалахьаз, зтрадиџиакэа гэгэахьаз, анхамџатэ бзазараџы зымџааки зџаки џбааз акакэын. Ауаажэлартатэ хэартара аланы, уи аказара иамаз амазаџаагы жэпакы мырззакэан, абиџарала инеимда-аимдо иахьанзагы иааит. Асоџиалисттэ уаажэларра иарџиаз атагылазаашьа бзиакэа рхархэарала, ажэлар ртрадиџиатэ культура иахэџакны икоу ари аказара аџымџаара, нак-накгы излалшо ала иаџхраалатэуп.

Алитература

1. **Фон-Дервиз Н.В.** Сухумский округ. (Заметки бывшего лесничего). ЗКОРГО, кн. XXV. Тифлис, 1906.
2. **Чурсин Г.Ф.** Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1957.
3. **Аргун И.Г.** Традиционное народное искусство и время,.Сухуми, 1985.
4. **Аджинджал И.А.** Из этнографии Абхазии. Сухуми, 1969.
5. **Акаба Л.Х.** О пережитках древнейших верований в культе кузницы абхазов. Известия АБНИИ, Вып. II. 1973.
6. **Бгажба О.Х.** О металлургии и металлообработке в Средневековой Абхазии. Сборник научных работ аспирантов. Сухуми, 1967.

БЖАНИЯ А.Р.,
магистрант
АГУ

К вопросу о ситуации религиозного сектантства в Абхазии

Одним из пробелов современного изучения феномена религиозного сектантства как на территории России, так и Абхазии, является исследование исторических корней его формирования, социологической сущности и форм проявлений с точки зрения общенаучного, сравнительно-исторического подходов. Ученые признают, что «развитие сектантства – это объективный процесс, связанный с духовными и материальными интересами и потребностями людей. Кризис в духовной жизни общества, вакуум в идеологии и отсутствие общегосударственной национальной идеи ведёт не только к росту преступности, но и к деградации общественных институтов и личности. Этот вакуум стремятся заполнить представители различных сект, которые получили широкое распространение в постсоветском пространстве в последние годы»¹.

К сожалению, сегодня можно констатировать недооценку как в России, так и в Абхазии, той угрозы, которую представляют собой для национальной безопасности социально опасные формы сектантства. В связи с этим актуальность темы объясняется следующим:

– необходимостью изучения истории возникновения, динамики развития феномена сектантства на Кавказе, в том числе в Абхазии;

¹ Тонконогов А.В. Сектантство как социальный феномен (исследование в среде осуждённых к лишению свободы) // Автореф. дисс. на соискание уч. ст. к. филос. н. [религиоведение]

– необходимостью анализа состояния сектанства в изучаемом регионе;

– разработкой критериев дифференцированного подхода к различным сектам, легитимно действующих на территории Абхазии;

– необходимостью выработки комплекса мер по профилактике социально опасных, нелегально существующих сект на территории Абхазии.

Феномен современного сектанства представляет собой итог развития известных всем мировых религий, ортодоксальных направлений и течений внутри этих социальных институтов. Актуализация и распространение новых, квазирелигиозных групп, объединений, так называемых нетрадиционных религий происходит в условиях как глобального, так и локального духовного кризиса в обществе.

Цель данной статьи – краткое освещение истории тех религиозных сектантских организаций, легально действующих на территории Абхазии.

Кавказ с незапамятных времен рассматривался как один из важнейших геостратегических регионов, отделяющих Восточную Европу от азиатских степей, православие от ислама, как арена борьбы империй и межнациональных конфликтов².

Геополитический интерес Российского государства в направлении Черного моря особо начал проявляться в период правления Петра I. При нем было совершено несколько походов на юг. Как в первом, так и во втором походе он сталкивался с исламскими странами – Османской империей и Персией. Но серьезным противником всё же была первая. Политика завоевания путей к Черному морю означала объявление войны Порте. Черное море фактически оставалось турецким «озером». Турция на Кавказе и в Крыму хозяйничала давно, и фак-

² Кулиев Ф. М. Государственно-конфессиональные отношения на Северном Кавказе в конце XVIII – начале XX вв. Владикавказ, 2013. С. 330.

тически ей никто не угрожал, т.е. господство Турции здесь не подвергалось сомнению. Население этого региона принимало ислам, и культурно-религиозное развитие не предусматривалось в ином направлении.

Все эти условия препятствовали проникновению на Кавказ. Но, как известно, после некоторого «застоя» Османская империя начинает ослабевать. Это было последствием многочисленных русско-турецких войн, в которых перевес силы оказался на стороне России во второй половине XVIII в., что активизировало деятельность внешнеполитического ведомства Российской империи.

Россия, захватив Кавказ, пыталась его удержать. С этой целью начинается колонизация края, туда переселяется часть казачьего населения. Силой, а порой добровольно начинает прибывать огромное число людей. Отправляли на Кавказ и в ссылку за пропаганду раскольнического учения³.

Так, Кавказ стал местом ссылки не угодных правительству людей, в том числе сектантов различного направления. В ходе переселенческой политики царских властей массы раскольников двинулись на Кавказ в ожидании второго пришествия Христа и наступления тысячелетнего царства Божьего⁴.

Создание в 1785 году Кавказского наместничества еще более стимулировало этот процесс. Переселенцы получали льготы путем освобождения от налогов и повинностей. Приток населения и быстрое хозяйственное освоение края в XIX веке были связаны и с отменой в 1861 году крепостного права⁵.

Колониальная политика России предусматривала увеличение христианского населения не только путем переселения

³ Батунский М.А. Россия и ислам. В 3-х т. М., 2003.

⁴ Самарина О.И. Общины молокан на Кавказе: история, культура, быт, хозяйственная деятельность. Ставрополь, 2004. С. 23.

⁵ Патракова В., Черноус В. Русская крестьянская колонизация Кавказа. М., 2009. С. 9-10.

на Кавказ христиан, но и переселением местного населения в Турцию, о чем была договоренность между эти государствами. Так, только в 1865 г., по данным Турции, переселилось 520 тыс. чел.⁶

Таким образом, на опустошённые земли аборигенов начали заселять казаков, и вскоре на Черноморском побережье появилось множество казачьих станиц. Но Тифлисская ревизионная комиссия пришла к заключению, что мигранты из Кубани не могут быть колонизаторами в местности, требующей специальных знаний и навыков ведения сельского хозяйства в условиях субтропиков, и предложила селить на побережье Черного моря греков и армян⁷. Прибывшие греки и армяне занялись преимущественно торговлей и развитием табаководства, хищнически использовали брошенные местным населением сады. Поэтому царское правительство стало переселять в регион европейцев христианских конфессий – эстонцев, чехов, немцев, которые стремились окультурить свои земельные владения.⁸

Протестантские секты здесь возникали на основе христианских течений **старообрядцев**, **«духовных христиан»**. Среди немцев-колонистов больше всего было **протестантов – лютеран**. Именно они пользовались большим преимуществом, несмотря на увеличение численности из-за присоединения Великого княжества Финляндского (1809) и Царства Польского (1815). Но для управления Евангелическо-лютеранской Церковью в 1804 г. учреждается Генеральная суперинтендентура, которая в 1810 г. стала органом центрального управления духовных дел всех неправославных христианских конфессий.

Быстрый рост численности среди новообращённых характерен для **баптистов и менонитов**. В этом направлении ак-

⁶ Берзедж Н. Изгнание черкесов. Майкоп, 1996. С. 161.

⁷ Ионова З.Н. Христианские конфессии на Черноморском побережье Кавказа в конце XIX – начале XXI вв. Ставрополь, 2016. С. 41.

⁸ Там же. С. 42.

тивно работали местные немцы-колонисты и прибывшие из других городов.

Особенностью северокавказского баптизма является резкое преобладание крестьянства и длительное отсутствие баптистов в городах. Лишь к концу первого десятилетия XX в. в ряде городов Кубанской области (Екатеринодар, Майкоп, Анапа) появляются баптистские общины¹. Массовое переселение молокан на Кавказ начинается в 30-х годах XIX века. Переселение носило исключительно судебно-карательные цели.⁹

На территории современной Абхазии функционирует немало религиозных сект протестантского происхождения, некоторые из них действуют нелегально (Свидетели Иеговы, Общество Шри Чайтанья – сознание Кришны и др.)

Церковь Евангельских христиан-баптистов Абхазии зарегистрирована под названием «Ассоциация Евангельских христиан Абхазии». Она представляет собой религиозное объединение на добровольной основе, включающее религиозные группы и организации, для исповедания и распространения Христианской веры. Основой вероучения Ассоциации является Библия – канонические книги Священного Писания. Свою внутреннюю деятельность Ассоциация осуществляет на основании Священного Писания и Вероучения Евангельских Христиан.

На Кавказ секту организовал немец-колонист Мартин Кальвейт, переселившийся в 1862 г. в Тифлис. Здесь он обратил в баптизм купца-молочанина Н.И. Воронина, которого крестил ночью 20 августа 1867 г. в р. Куре. Соратник и преемник Воронина В.Г. Павлов получил «посвящение» во пресвитера и специальное миссионерское образование в Гамбурге,

⁹ Кулиев Ф.М. Деятельность христианских сект на Северном Кавказе в XIX – начале XX вв. Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 15 (196). С. 50.

и, вернувшись на Кавказ, стал видным деятелем баптистского движения. С этого времени Тифлис становится одним из центров южнорусского баптизма¹⁰. Таким образом, баптизм распространяется по всей империи, в том числе по Закавказью.

Среди известных первопроходцев Евангельского движения того времени в Закавказье известны имена проповедников Кальвейта, Павлова, Кандалаки, Кабахидзе, Кочерадзе и других. Простые крестьяне Юга России — Федор Онищенко, Михаил Ратушный, Ефим Цимбал, Иван Рябошапка и другие попали под влияние немецких проповедников-колонистов, толковавших Писание на библейских разборах, так называемых «**бибелыштунден**», отчего тогдашних последователей Евангелия стали называть **штундистами**.

Согласно имеющимся историческим данным, церковь Евангельских христиан-баптистов в Сухуме начала свой отчет с 1917 г. Именно тогда был избран первый пресвитер Кармаев И.С. Церковь состояла из 10-12 человек (точные данные не сохранились).

Формирование Сухумской церкви осуществлялось в несколько этапов. Город Сухум в то время был небольшим, и члены вновь созданной церкви собирались в частных домах и квартирах, которые предоставляли верующие.

В 1924 г. на пресвитерское служение избирается Звагольский Г.Е., который был выпускником библейских курсов, организованных И.В.Каргель в г. Петербурге. За время служения брата Звагольского Г.Е. церковь в Сухуме количественно возросла с 40 до 70 человек.

В 1929 г. в СССР был принят репрессивный закон в отношении верующих всех конфессий. В том же 1929 г. Звагольский Г.Е. за свидетельство о Христе был осужден на 3

¹⁰ Кулиев Ф.М. Деятельность христианских сект на Северном Кавказе в XIX – начале XX вв. Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 15 (196). С. 51.

года. В 1932 г. он возвратился из заключения, но к служению в церкви не был допущен властями и был выслан за пределы г. Сухума на 5 лет.

В 1932 г. на пресвитерское служение в церкви избирается Зуев Георгий Яковлевич. При его служении церковь возрастает с 70 до 100 человек. Но 1937 год был отмечен особой волной репрессий по всему бывшему СССР, за исключением некоторых среднеазиатских союзных республик. Эта волна захватила и Сухумскую церковь. Арестовали пресвитера Зуева Г.Я. и проповедников Тузина Федора Федосеевича, Тимофеева Андроника Александровича.

С 1937-го вплоть до 1941 г. очередной волной репрессий в тюрьмы были отправлены все остальные служители церкви. Оставшиеся рядовые члены церкви вынуждены были перейти на нелегальное положение.

В 1946 г. Сухумская церковь вновь получила право на легальное существование, была перерегистрирована и вошла в состав Всесоюзного Совета Евангельских христиан-баптистов, сформированного еще в 1867 г. Число прихожан церкви выросло с 50 человек до 150 человек к 1986 г. В том же году было получено официальное разрешение от властей Республики Абхазия на реконструкцию частного дома, приобретенного за средства верующих. В 1990 г. реконструкция дома была полностью завершена.

С началом грузинской агрессии в Абхазии в 1992 году Сухумская церковь ЕХБ подверглась гонению. Вследствие артобстрела около 10 семей верующих лишились своих домов и средств к существованию. После окончания военных действий жители Абхазии нуждались в гуманитарной помощи, без которой им невозможно было выжить. В этот тяжелый период для республики гуманитарная помощь стала поступать как из России, так и из дальнего зарубежья, по линии Красного Креста и адресно. В работе общества Красного Креста

участвовали и верующие Сухумской церкви. Они организовали общественную столовую, которая действовала вначале в городе, а потом на территории церкви, где люди питались шесть раз в неделю, независимо от вероисповедания. В этой столовой питалось до 120 человек, для некоторых это был единственный источник существования.¹¹

Кроме того, в домике-сторожке при доме молитвы был организован приют на 5 человек больных, одиноких престарелых, не членов церкви, за которыми был установлен постоянный уход верующими Сухумской церкви.

В настоящее время Сухумская церковь насчитывает более 55 членов, пресвитерское служение совершает брат **Вдовенко Анатолий Николаевич**.

Евангелическо-лютеранская церковь в Абхазии. В 1913 году рядом с римско-католическим костелом Сухумским обществом лютеран, на Воронцовско-Дашковской улице (ныне – улица Абазинская), был приобретен участок земли, где обществом лютеран в 1913 году была построена кирха.

Основную часть лютеран Сухума составляли немцы и эстонцы. По переписи населения 1897 года немцев в Абхазии было всего 406 человек, а эстонцев – 608, в том числе в Сухуме немцев – 121, а эстонцев – 32. Основная часть немцев проживала в селах Гнаденберг и Найдорф, а большая часть эстонцев проживала в селах Линдау, Эстонское, Сальме и Сулево. В Первую мировую войну, в 1916 году, немецкие названия сел Гнаденберг и Найдорф были переименованы в Дубовское и Суворовское (в 1940-х годах они были переименованы в Квемо-Бирцха и Ахалисопели). В 1918 г. избирается 1-й пресвитер Сухумской церкви И.С. Кармаев, который нес это служение до 1922 г.

В 1921 году церковь была закрыта, долгие годы в ней так же, как и в костеле, размещались подсобные помещения Цен-

¹¹ Материалы из личного архива доцента Квициния М.Б.

трального государственного архива (ЦГА), и лишь в 2003 г., после реставрации кирха вновь стала функционировать.¹² Церемония открытия состоялась 8 декабря 2003 года, на которой присутствовало много гостей, в том числе посол Германии в Грузии Уве Шрам, архиепископ Евангельско-лютеранской церкви Георг Кречмар, епископ Сухумской кирхи Грет Хуммель и власти страны. Сухумская евангелическо-лютеранская церковь св. Иоанна входит в епархию лютеранского епископа Закавказья Ханса Кидерлина.

Кирха святого Иоанна, по словам начальника Управления историко-культурного наследия Абхазии Демура Бжания (ныне покойного), в 2012 г. передана евангелическо-лютеранской общине в безвозмездное бессрочное пользование.

Дело Хуммеля продолжил после его кончины в 2004 г. Лаврентий Гарт, который руководил общиной численностью 70 верующих. Гарт скончался в январе 2017 года. Вопрос о пастыре кирхи остается пока открытым.

Церковь адвентистов седьмого дня действует легально на территории Абхазии. Учредителями этой организации являются 10 человек, граждане Республики Абхазия.

Адвентисты седьмого дня (сокр. РХО АСД) – направление протестантизма, возникшее в XIX веке. Отличительные черты вероучения – убеждение в необходимости буквального понимания заповеди о соблюдении субботы и акцент на вере в близкое второе пришествие Иисуса Христа.

Сегодня членов общества в Абхазии более 200. На собственные организована средняя общеобразовательная школа «Свет» (г. Сухум). Пастор церкви Кильдвари С.И. Имеется молитвенный дом в Сухуме с отделением в Гагре, где пастором служить Ракулов. Активная деятельность этой секты вызывает недовольство среди части общества.

¹² Агумаа А. С. Старый Сухум: архитектура Сухума на рубеже XIX – XX вв. Сухум, 2016. С.129

Ассоциация Евангельских христиан Абхазии» – зарегистрированная организация. АЕХБ и ЕХБ (баптистов) – родственные религиозные течения, которые были в 1944 году объединены в одно братство – во Всесоюзный Совет Евангельских христиан и баптистов (ВСЕХБ), до распада СССР. В Сухуме появление первых таких верующих относится к 1917 г. Так, в апреле 1917 г. из Тифлиса в Сухум был переведен на постоянную работу в должности телеграфиста некто **Витольд Петрович Красинский**. Здесь механиком телеграфных аппаратов работал евангелист **Кармаев И.С.** Когда в Сухуме проводилась публичная лекция на тему о Христе, Кармаев пригласил труда своего сотрудника Красинского, где тот впервые услышал весть о Спасителе мира. Вскоре В.П. Красинский обратился ко Христу в молитве покаяния.

Из небольшой статьи из дореволюционного **журнала «Христианин»** Всероссийского Союза Евангельских христиан, которую написал очевидец и служитель церкви, известно следующее: «Группа верующих состояла вначале из 7 человек. Обстановки не было никакой. На открытие собрания мне самому пришлось сделать две скамейки, и они были первой необходимой обстановкой нашего собрания».¹³ Вскоре в столице Абхазии была организована группа верующих численностью 15-20 человек, которая и стала впоследствии ядром будущей Сухумской церкви Евангельских христиан.

К 1932 году большинство общин было закрыто. Десятки тысяч верующих посажены в тюрьмы, отправлены в лагеря, на поселения. Многие из них умерли от истощения и болезней.

В годы Великой Отечественной войны, в условиях тяжелых моральных и физических испытаний, отчасти по настоянию руководителей держав антигитлеровской коалиции,

¹³ Амвросий (Юрасов), архим. Православие и протестантизм. Иваново, 1994. С. 14.

И.В. Сталин ослабил политику репрессий по отношению к религии и Церкви. Осенью 1944 года выжившим лидерам Евангельских христиан (основного состава духовных руководителей уже не было в живых) была предоставлена возможность провести совещание.

Лишь благодаря событиям в СССР в конце 80-х гг. в Сухуме была открыта церковь христиан-баптистов, в котором проповедовал Воронцов. Отечественная война абхазского народа 1992-1993 гг. против грузинской агрессии повлияла на деятельность Церкви. Стараниями епископа Церквей Евангельских христиан России Ивана Чехунова в 1992 году в Сочи из Норвегии был поставлен хирургический госпиталь на 200 койко-мест со всем необходимым оборудованием для срочных операций людям, эвакуированным из зоны военных действий в Абхазии. Стоимость поставленного госпиталя составляла 5,5 миллионов долларов США. Евангельскими христианами, несмотря на военные действия, отправлялся транспорт с одеждой, питанием, медикаментами. Несколько лет поддерживалась работа благотворительной столовой для всех желающих на Маяке. После войны в церкви произошел идеологический раскол. Проповедник Нарсавидзе А.Т. покинул Абхазию, а его место занял Демченко Л.И., против которого выступили некоторые верующие, и из-за этого были выдворены за пределы церкви.

С 1995-го по 2005 гг. общину возглавлял **Усенко В.Д.**, который из-за с автомобильной катастрофы, в которую попала его семья, вынужден был отбыть в Америку. Последователей секты тогда насчитывалось 130 человек, в Гагре – 15. Многие члены секты эмигрировали в США. Усенко В.Д. оставил приемника **Величко Д.В.**, который решил вернуть под покров церкви «выдворенных». Это решение вызвала соответствующую реакцию. В связи с этим Совет церкви отстранил Величко Д.В., и священником-пресвитером был избран житель

Гулрыпшского района Пиликян Василий Саркисович. Сегодня насчитывается около 150 верующих в этой секте. Данная религиозная организация централизованная, включает организации по всей Абхазии (их 9).¹⁴

Итак, на основании представленного материала можно сделать вывод о том, что на территории Абхазии реализуются нормы Закона «О свободе совести и религиозных объединениях» в рамках деятельности отмеченных религиозных организаций. Однако все еще нерешенными остаются вопросы легализации тоталитарных сект, полного их искоренения на территории страны.

Литература

1. **Агумаа А. С.** Старый Сухум: архитектура Сухума на рубеже XIX – XX вв. Сухум, 2016.
2. **Амвросий (Юрасов), архим.** Православие и протестантизм. Иваново, 1994.
3. **Батунский М.А.** Россия и ислам. В 3-х т. М., 2003.
4. **Берзедж Н.** Изгнание черкесов. Майкоп, 1996. С. 161
5. **Патракова В., Черноус В.** Русская крестьянская колонизация Кавказа. М., 2009.
6. **Ионова З.Н.** Христианские конфессии на черноморском побережье Кавказа в конце XIX – начале XXI вв. Ставрополь, 2016. С.41
7. **Кулиев Ф.М.** Деятельность христианских сект на Северном Кавказе в XIX – начале XX вв. Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 15 (196).
8. Материалы из личного архива доцента Квициния М.Б.
9. **Самарина О.И.** Общины молокан на Кавказе: история, культура, быт.

¹⁴ Материалы из личного архива доцента Квициния М.Б.

Оглавление

Смырцха Софиа. Михаил Мамет-ица Трапшъ ипстазаареи итпаарадырратә мөси	3
Трапш А. М.М. Трапш и археологические памятники села Куланурхва.	16
Мамац-ипа Р.У. Из истории изучения палеолита в Абхазии.	26
Габелая А.С. Тамышское поселение эпохи Колхидской культуры.	38
Джопуа И.А. Экономическое положение Абхазии в эллинистическую эпоху	45
Возиян М.В. В вопросе о греческой колонизации Восточного Причерноморья.	53
Авиздба Д. З., Счастный Д. А. Генезис наконечников копий в VIII –I вв. до н.э.	63
Трапшъ-цха Гуил Ещье. Акәатәи астела	75
Кайтан Ш.Г. Исследования Средневековых оборонительных сооружений	78
Хутаба Т. З. О социально-экономическом положении Апсидии (по трудам М.М. Трапш)	86
Кобахия Ф. М. О культурах, связанных с вечнозелеными растениями и деревьями, в Кавказо-малоазийском регионе.	99
Кобахия Ф. М. Тавроболий в традиционной религии абхазов	122
Дел-цха М.Д. Апсуаа ржыратә казара иадхәалоу зтаарақәак	132
Бжания А.Р. К вопросу о ситуации религиозного сектанства в Абхазии.	140

**М.М. Трапш диижътеи 100 шықәса апра иазку
астудентцәеи, аспирантцәеи, апарауаа ҟарацәеи
рытцаарадырратә конференция аматериалқәа**

**Материалы научной конференции студентов,
аспирантов и молодых ученых, посвященной
100-летию М. М. Трапш**

Редактор Т. Алексеева
Редактор абхазского текста Д. Габния
Компьютерная верстка А. Беренджи

Формат 60x84 1/16. Тираж 200 экз.
Физ. печ. л. 10.